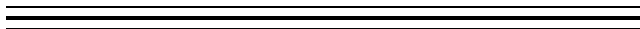

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТРУДОВ

RUDOLF STEINER

Der Entstehungsmoment
der Naturwissenschaft in der Weltgeschichte
und ihre seitherige Entwicklung

Neun Vorträge, gehalten in Dornach
vom 24. bis 28. Dezember 1922 und vom
1. bis 6. Januar 1923

1977

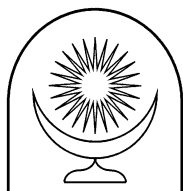
RUDOLF STEINER VERLAG
DORNACH / SCHWEIZ

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

Момент возникновения
естествознания в мировой истории
и его существовавшее до сих пор развитие

Девять докладов, прочитанных в Дорнахе
с 24 по 28 декабря 1922 года и
с 1 по 6 января 1923 года.

Перевод с немецкого
Л. Б. Памфиловой

ТИТУРИД

МОСКВА

2011

УДК 141.133

ББК 87.2

Ш 87

Перевод с немецкого Л. Б. Памфиловой

Rudolf Steiner

*DER ENTSTEHUNGSMOMENT
DER NATURWISSENSCHAFT IN DER WELTGESCHICHTE
UND IHRE SEITHERIGE ENTWICKELUNG*

Штайнер Р.

Исторический путь естествознания. – М.: Титурель, 2011. – 200 с.
ISBN 978-5-902490-10-4

Впервые на русском языке: том № 326 Полного собрания трудов основателя духовной науки (антропософии) Рудольфа Штейнера (Штайнера). Это курс из девяти докладов о моменте возникновения в мировой истории естествознания, о его становлении и развитии вплоть до наших дней, о трудностях этого пути и о том, как их преодолеть с помощью антропософски ориентированной духовной науки. В конце курса ставятся конкретные задачи перед человечеством в связи с дальнейшим развитием естествознания.

Издательство благодарит Н.И.Махрачёву за поддержку этого издания.

УДК 141.133

ББК 87.2

ISBN 978-5-902490-10-4

© Издательство «Титурель» 2011

© Памфилова Л. Б., перевод

© Елин Г. Я., оформление

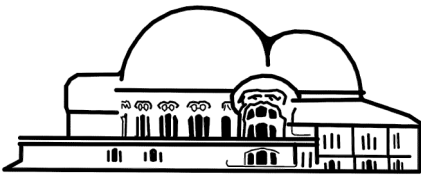
Перевод с немецкого выполнен с оригинального издания:

Bibliographie-Nr. 326. Der Entstehungsmoment der Naturwissenschaft in der Weltgeschichte und ihre seitherige Entwicklung

ISBN 3-7274-3260-8 Rudolf Steiner verlag. Dornach / Schweiz.

Предлагаемый курс во многих отношениях занимает особое место в работе Рудольфа Штайнера. Он возник как завершение предшествующих специальных естественнонаучных курсов и находится в тесном отношении с изложенными там проблемами и поставленными там задачами исследования и направлен на углублённое принципиальное и общечеловеческое рассмотрение естествознания как такового.

В ночь накануне нового 1923 года сгорел Гётеанум. Это было деревянное здание, соорудившееся в течение десяти лет с участием большого числа художников из многих стран, в котором каждая поверхность и каждый угол были оформлены, так сказать, художественно. Рудольф Штайнер проектировал здание от основных черт до деталей и, кроме того, руководил все годы строительными работами. С первого января деятельность Гётеанума были вынуждены опять перенести в так называемую столярную мастерскую, вспомогательное сооружение, которое использовалось в это время для возведения здания и антропософской работы. Для самой этой работы Рудольф Штайнер не допускал никакого перерыва: во второй половине дня первого января, после ночи пожара, была исполнена пьеса о трёх королях (*Dreikönig-Spiel*), как это было предусмотрено в пригласительном билете к данному курсу. Рудольф Штайнер начал с короткого обращения, где он среди прочего сказал такие слова: „Великая скорбь умеет молчать о том, что она чувствует. ...Творение, которое в течение десяти лет было создано самоотверженной любовью и преданностью многочисленных воодушевлённых движением друзей, было уничтожено в одну ночь. И конечно, именно сегодня в молчаливой скорби должно ощущаться, какая бесконечная любовь и какая бесконечная работа были вложены в этот труд. ...Так как мы исходим из того чувства, что всё совершаемое нами в пределах нашего движения является необходимым внутри современной цивилизации человечества, то мы хотим задуманное по возможности продолжить дальше в рамках ещё оставшихся у нас, и поэтому даже в этот час, когда снаружи ещё горит пламя, восходящее в нас такой сильной болью, хотим исполнить ту пьесу, которая была обещана в заключение этого курса, и рассчитываем на участников нашего курса. А также сегодня в 8 часов вечера я прочту здесь в столярной мастерской назначенный доклад”.

Исторический
путь
естествознания

Первый доклад

Дорнах, воскресенье, 24 декабря 1922 года

Мои многоуважаемые присутствующие и дорогие друзья! Вы собрались здесь на это Рождество из разных мест, чтобы поработать в Гётеануме и обобщить кое-что, лежащее в области духовной науки, и в начале нашего рассмотрения я хотел бы сердечно поздравить вас, сердечно поздравить с Рождеством, особенно прибывших из-за границы друзей или интересующихся нашим делом. То, что я сам смогу предложить именно в настоящее время, вследствие моей загруженности самой различной работой, может быть лишь импульсами в том или ином направлении. Наряду с такими побуждениями, которые могут прийти через мои и другие доклады, могли бы, разумеется, выявиться согласованные чувства и мысли личностей, находящихся в нашем Гётеануме. И таким образом я, вероятно, могу надеяться, что те друзья, которые всегда или, по крайней мере, долгое время пребывают здесь в Гётеануме и как-то продолжительно с ним связаны, сердечно придут навстречу тем, кто прибыл из-за границы. Ибо в этой гармоничной совместной работе, совместном мышлении и совместном чувствовании и разовьётся то, что должно быть душой всей работы Гётеанума, — познание, предчувствие духовного ткачества и бытия мира, и воздействие, исходя из этого духовного ткачества и бытия мира. И чем больше реальность того, что как идеал должно светить нам впереди, чтобы возникло совместное движение отдельных лиц, проявляющих интерес к антропософскому мировоззрению, а также истинно согласованное общественное действие и взаимодействие, тем более реально проявится то, что должно здесь обнаружиться.

В расчёте на осуществление этих надежд, мои глубокоуважаемые присутствующие, я сердечно приветствую всех тех, кто при-

был из-за границы, и тех, кто продолжительно связан с Гётеанумом.

То, что я попытаюсь дать в этих докладах в качестве отдельных импульсов, пока, как кажется, не связано с мыслями о Рождестве и с ощущениями Рождества; но я полагаю, что внутренне это всё-таки связано. Так давайте внутри всего того, что должно быть выработано, исходя из Гётеанума, всё же устремимся к определённом возрождению, к духовному познанию, к чувствованию, посвящённому духу, к вынесенному из духа стремлению. И это тоже, пусть и в более позднем отражении, является в определённом смысле рождением сверхчувственно-духовного и реально символизирует мысли о Рождестве, рождении Того духовного существа, Которое вызвало на Земле новое оплодотворение всего развития человечества. И поэтому, я хотел бы всё-таки видеть эти рассмотрения наделёнными характером рождественского рассмотрения.

Если эта тема должна установить именно тот момент развития, когда выступил естественнонаучный способ мышления в современном развитии человечества, то это не противоречит намерению, которое я только что высказал, ибо кто вспомнит о том, что я уже изложил много лет тому назад в своей книге¹: «Мистика на заре современной духовной жизни и её отношение к естественнонаучному способу представления», тот может себе сказать, что для меня ценно то, что я назвал бы созерцанием зарождающейся жизни новой духовности² в оболочке естественнонаучного способа представления. Моё мнение будет исходить из объективного рассмотрения с той точки зрения, что естественнонаучный путь, которым шло новое человечество, если он правильно понят, не является ошибочным, он верен, и что он, если его правильно рассматривать, несёт в себе зародыш нового духопознания и новой духовной волевой деятельности. С этой точки зрения я хотел бы прочитать и эти доклады. В них ни в коем случае не должна звучать враждебность в отношении естествознания; их целью и исходным пунктом является намерение найти в духовной жизни за-

родыш, таящийся в плодотворном естественнонаучном способе исследования нового времени. Я ведь говорил об этом поразному в самые разные периоды времени. И отдельные доклады, прочитанные мной в различных областях естественнонаучного мышления³, тоже показывают в деталях путь, который я хочу охарактеризовать более обширно посредством этих докладов.

Кто хочет узнать подлинный смысл естественнонаучных исследований нового времени, осуществляемых с помощью стоящего позади или, по крайней мере, возможно стоящего позади человеческого способа мышления, тот всё-таки должен вернуться на несколько столетий назад. Ибо легко можно не осознавать внутреннюю сущность естественнонаучного представления, если стремишься постигать его только из непосредственной современности. Эту реальную сущность естественнонаучного исследования узнаешь только тогда, когда пронаблюдаешь его становление сквозь несколько столетий. И мы, если стремимся к такому наблюдению, будем приведены к тому моменту времени, который я часто характеризовал как наиболее важный во всём новом развитии человечества. Мы будем приведены в XIV и XV столетия, в тот период, когда благодаря первому рассвету того мышления, в котором мы всецело находимся сегодня, погашается человеческое представление совсем иного рода, бывшее ещё деятельным в течение средневековья. При взгляде назад мы встречаем там, на заре этого нового времени, личность, в которой мы до известной степени увидим всё, что является переходом от прежнего способа мышления к более позднему, — на той заре, когда ещё многое живёт воспоминаниями о прежнем, о предшествовавшем, мы встречаем *Николая Кузанского*⁴, который, с одной стороны, был великим мужем церкви, и, с другой стороны, великим мыслителем своего времени. И в этом кардинале Николае Кузанском, который родился в 1401 году в западной Германии в семье рыбака и виноградаря, а умер в 1464 году как преследуемый муж церкви⁵, мы встречаем личность, которая, вероятно, чрезвычайно хорошо понимала сама себя, но для понимания последующему

наблюдателю в определённом отношении создала чрезвычайные трудности.

Итак, будущий кардинал Николай Кузанский родился в семье некоего виноградаря и рыбака в области Рейна в западной Германии. Своё первое воспитание он получил в том обществе, которое имело название «Братья совместной жизни»⁶ («Die Brüder vom gemeinsamen Leben»). Здесь он воспринимает свои первые юношеские впечатления. Эти юношеские впечатления своеобразны. Несомненно, в мальчишке Николае уже, вероятно, жило нечто от человеческого тщеславия, которое однако было смягчено чрезвычайно гениальной способностью обзирать то, что было неизбежным в действительности социальной жизни, то есть в социальной современности Николая Кузанского. Братья совместной жизни были неким обществом, объединявшим в себе таких людей, которые, исходя из глубочайшего в своём характере, были недовольны как институтами церкви, так и тем, что тогда в церкви стояло более или менее в оппозиции по отношению к ней самой; которые были недовольны также и монашеством и существованием ордена.

Братья совместной жизни были некоторым образом мистическими революционерами. Всего того, что они рассматривали как свой идеал, они хотели достичь, собственно, только через осознание мирной и осуществлённой в человеческом братстве жизни. Они не хотели основанного на власти господства, которое в то время имела и осуществляла на самом деле в несимпатичной форме внешняя церковь. Но они также не хотели стать чуждыми миру, подобно монахам. Они тщательно соблюдали внешнюю чистоту, они следили за тем, чтобы каждый из них надёжно и прилежно исполнял свою обязанность во внешнем мире, в деталях профессии, к которой он принадлежал. Они не хотели уходить от мира, они только хотели в жизни, посвящённой реальной работе, уйти в глубины своих душ, чтобы наряду с внешней действительностью жизни, которую они признавали как полную жизненного опыта, соответственно суметь найти глубину и внутреннюю

жизнь религиозно-духовного ощущения. Итак, это общество формировало человеческие свойства прежде всего как атмосферу, в которой должны были жить определённая божественная сердечность и духовная глубина. Николай Кузанский воспитывался в этом обществе в Девентере, в Голландии. Большинство других членов этих обществ братьев совместной жизни были преимущественно такими людьми, которые в узкоограниченных кругах осуществляли свои обязанности и, кроме того, можно сказать, в тихих комнатках искали свой путь к Богу и к духовному миру.

По своей природе Николай был предрасположен к тому, чтобы находиться среди людей и организовывать социальную жизнь посредством силы своего познания и посредством своей воли, пробивающейся из познания. И таким образом, внутреннее влечение к душевности братской жизни, к которой был склонен Николай из Куз, вскоре привело его к стремлению выйти в мир в большей мере, в гораздо более сильной мере. Это было вызвано в нём прежде всего тем, что он изучал правоведение. Нужно только не забывать, что в то время, в первой половине XV столетия, отдельные науки имели гораздо больше точек соприкосновения, чем это происходило позже или тем более происходит в наше время. Так Николай Кузанский продолжительное время занимался юридической практикой. Но ведь именно в то время, в которое он жил, в социальной жизни во всех кругах распространился хаос. И таким образом ему вскоре надоела юридическая практика, и он облачился в одежды священника католической церкви. Он всегда был всецело тем, чем он соответственно становился. Так и теперь он стал всецело священником тогдашней церкви. Он оказывал влияние на различные духовные учреждения, которые ему вверяли, но особенно он оказал такое влияние на собор в Базеле⁷. Он поставил себя во главе меньшинства⁸, того меньшинства, которое, собственно, имело стремление в конце концов сохранить абсолютную власть папского престола. Большинство, состоящее большей частью из епископов и кардиналов Запада, стремилось, я бы сказал, к более демократическому роду церков-

ного управления. — Папа должен был подчиняться соборам. — Это вело, конечно, к расколу собора. Приверженцы Николая Кузанского переносят место собора на юг; другие остаются в Базеле и становятся противниками папы⁹. Но Николай твёрдо продолжает защищать абсолютное папство. Имея достаточное понимание, можно, пожалуй, представить себе, какие ощущения подталкивали к этому Николая Кузанского, можно представить, как он сказал себе: „То, что сегодня может исходить от некоего большинства, может стать, однако, лишь до некоторой степени утончённым родом общего хаоса, который мы уже имеем”. Он хотел, чтобы была твёрдая рука, способная достичь организации и порядка. Разумеется, он хотел, чтобы действия этой твёрдой руки были пронизаны пониманием, но всё-таки он хотел эту твёрдую руку. И он также обосновывал это требование, когда позже, отправившись в Среднюю Европу, выступал ради утверждения папской церкви¹⁰. Так в действительности стало чем-то, можно сказать, само собой разумеющимся, что он был назначен кардиналом тогдашней папской церкви.

Выше я сказал, что это нечто удивительное, что Николай, вероятно, очень хорошо понимал сам себя, но что последующий наблюдатель имеет трудности в понимании этой личности. Для нас это особенно проясняется, когда мы теперь видим, как этого защитника абсолютного папства повсюду обходят, и находим в нём — по крайней мере, если мы непосредственно принимаем слова, которые он высказывал, например, относительно опасности турецкого вторжения тогдашнего времени¹¹, — фанатичного защитника этого папски окрашенного христианства Западной Европы. И с одной стороны, это были пламенные слова, которые Николай Кузанский, тогда уже вероятно тайно назначенный кардиналом¹², говорил в отношении язычников, — пламенные слова, которыми он настоятельно призывал европейскую цивилизацию создать фронт против того, что в качестве турок перешло из Азии. Но это опять-таки удивляет, когда, с другой стороны, мы берём в руки одно сочинение Николая Кузанского¹³, возникшее

вероятно в середине этих фанатичных битв, которые он вёл против турок, так что мы можем представить: здесь Николай Кузанский пламенно проповедует против наступающей турецкой опасности и разжигает души направиться спасать европейскую цивилизацию от этой турецкой опасности. Затем он садится за письменный стол и пишет сочинение о том, как христиане и иудеи, язычники и мусульмане, если их только правильно понимаешь, могут быть воспитаны для мирного взаимодействия, к почитанию и познанию единого всечеловеческого Бога, что в христианах, иудеях, мусульманах и язычниках, по сути дела, живёт нечто общее, которое необходимо только понять, чтобы учредить мир среди всех людей. Итак, мы видим, как в тихой комнатке этой личности изливается полное миролюбия настроение относительно всех религий и конфессий, и мы видим или слышим, когда он высказывается публично, самые фанатичные слова, призывающие к борьбе.

Это такие вещи, которые затрудняют понимание такой личности, как Николай Кузанский. Понять её может только тот, кто действительно разумным взглядом всматривается в то время. И легче всего поймёшь эту личность, если разбираешь её, исходя из всего хода внутреннего духовного развития её эпохи. Мы не будем критиковать, мы прежде всего хотим, с одной стороны, рассмотреть этого внешне охваченного кипучей деятельностью мужчину, который действовал, стало быть, так, как я описал, и теперь, с другой стороны, давайте рассмотрим, что жило в его душе, и просто поставим обе эти стороны рядом.

Происходящее в душе Николая Кузанского лучше всего можно наблюдать, когда изучаешь настроение, в котором он пребывал, когда вернулся из одной миссии, которую выполнял по поручению папства в Константинополе¹⁴, где он должен был действовать для примирения западных и восточных церквей. Когда он возвращался на корабле, ему при взгляде на звёздное небо пришла основная мысль, можно даже сказать, пришло основное чувство того сочинения, которое потом в 1440 году он опубликовал

под названием: «De docta ignorantia»¹⁵ — Об учёном незнании. — Какое настроение изживает себя в этом «docta ignorantia»? Что ж, кардинал Николай Кузанский конечно с давних пор воспринимал своей душой всё то, что в течение средних веков было побуждаемо к познанию духа. Кардинал Николай Кузанский, пожалуй, был сведущ во всём том, что было выработано в средние века возрождающимся платонизмом, а также возрождающимся аристотелизмом. Кардинал Николай Кузанский был конечно глубоко знаком со всем, что высказывалось, например, Фомой Аквинским о духовных мирах именно так, как будто для человеческих понятий было самым естественным восходить от чувственного познания к духовному познанию. Кардинал Николай Кузанский был связан со всем тем, что являлось средневековой теологией, с основным знанием того, что в то время было доступно человеку в математических познаниях. Николай был очень хорошим математиком, так что структура его души состояла, с одной стороны, из стремления подняться с помощью основных теологических понятий в тот духовный мир, который открывается человеку как божественный; с другой стороны, в этой душе жило всё то, что возникает в человеке во внутренней дисциплине мышления, во внутренней строгости мышления, а также во внутренней надёжности мышления, когда он погружается в математическую область.

Так, Николай был, с одной стороны, глубоким и, с другой стороны, надёжным мыслителем. Когда он от Константинополя уже приблизился к западной Европе, тогда при взгляде на звёздное небо то, что до сих пор протекало в охарактеризованной двойственности, то, что до сих пор жило в его душе как настроение, нашло выход в следующем. От этого путешествия к божеству он испытал нечто лежащее вне человеческого знания понятий и идей. Он сказал себе: „С нашим знанием понятий и идей мы можем жить здесь на Земле, посредством этих понятий и идей мы можем прорабатывать нашим сознанием то, что нас окружает в царстве природы“. Но эти понятия становятся всё более парализо-

ванными, когда мы хотим обратить взор к тому, что открывается как божественное. И то, что в схоластике, исходя из совсем другой точки зрения, открылось как бездна между человеческим познанием и откровением¹⁶, стало для Николая наивнутреннейшим настроением души, глубоко личным вопросом души. Он довольно часто осуществлял в своей душе этот обзор и мысленно прослеживал путь, как мысль сначала касается того, что окружает нас в царстве природы, как потом мысль стремится подняться от этого царства природы к божественности мыслей, как она здесь становится всё тоньше и тоньше и наконец полностью расплывается в ничто, и теперь знаешь: только теперь по ту сторону этого ничто, в котором она как мысль расплылась, находится божество. И только когда человек в искренней любви, которую он развивает в отдалении от этой мысленной жизни, проделывает в сиянии путь, путь этих мыслей, и может продлить его ещё немного дальше, если любовь получает преимущество над мыслями, тогда эта любовь может простираться в ту область, куда не простирается мыслительное знание. И так один вопрос души стал указывать Николаю Кузанскому на собственно божественную область как на ту, перед которой человеческая мысль ослабевает, перед которой человеческое знание расплывается в ничто: *docta ignorantia* — учёное незнание. И если учёность, если знание — так говорил себе Николай Кузанский — в благороднейшем смысле принимает форму отречения от самого себя в тот момент, когда оно стремится достичь духа, тогда это знание становится благом, тогда возникает это *docta ignorantia*. И именно исходя из этого настроения, Николай Кузанский опубликовал в 1440 году своё «*Docta ignorantia*».

Теперь давайте мы чуточку отведём взор от Николая Кузанского и проникнем в уединённую комнатку одного предшествовавшего Николаю Кузанскому средневекового мистика. Я описал его в своей книге о мистике, поскольку как раз он важен для духовной науки. Войдём в комнатку *Мейстера Экхарта*¹⁷. Тут мы стоим перед тем человеком, которого внешняя церковь провозгласила еретиком. Сочинения Мейстера Экхарта можно по-

разному читать и наслаждаться искренностью этой мистики Экхарта. Но, пожалуй, постигнешь глубже всего, если, неоднократно возвращаясь, придёшь к основному настроению души Мейстера Экхарта. Я охарактеризовал бы это настроение души таким образом: Мейстер Экхарт прежде чем Николай Кузанский тоже был пронизан тем, что ищет христианская теология средних веков как восхождение к божеству, в духовный мир. Изучая сочинения Мейстера Экхарта, мы во многих оборотах можем снова обнаружить обороты томизма. Но всё-таки, когда эта душа Мейстера, исходя из теологического мышления, отдаётся взлёту в подлинный духовный мир, с которым эта душа чувствует себя связанной, она всегда приходит к тому, чтобы сказать себе: Со всем этим мышлением, со всей этой теологией я не подступаю к тому, чем является моя глубинная сущность, божественная искра в моей глубинной сущности. Это мышление, эта теология, эти идеи дают мне нечто тут, нечто там и нечто здесь — повсюду то или это нечто. Но ничто из всех этих нечто не является чем-либо, подобным тому, чем является божественно-духовная искра в моей собственной душе. Так я выброшен из всего того, что наполняет мою душу мыслями, прежде всего, наполняет мою душу также чувствами и воспоминаниями, из всего мирового знания, которое я могу воспринять вплоть до высочайшей ступени. Так я выброшен из всего этого, когда я хочу искать глубочайшую сущность своего своеобразия. Я нахожусь в ничто, когда я хочу искать эту глубочайшую сущность своего своеобразия. Я искал и искал. Я его прошёл, этот путь, который доставляет мне идеи, доставляет мне вытасценные из мира ощущения, и на этом пути, на котором ведь я многое нашёл, я искал своё «Я». И на этом пути к «Я», прежде чем я нашёл это «Я», искать которое всё направляло меня в царства природы, я попал в «ничто».

Так Мейстер Экхарт при своём поиске «Я» чувствовал себя попавшим в ничто. И слово этого средневекового мистика, которое глубоко-глубоко затрагивает сердце и душу, звучит, исходя из этого чувства. Оно таково: И я погружаюсь в это ничто божественно-

ства¹⁸ и являюсь вечным через это ничто, через это отрицание «Я». Я погружаюсь в ничто (Nichts) божества и становлюсь в отрицании (Nicht) единым «я» (Icht), неким «Я» (Ich). Я должен в вечности из этого отрицания (Nicht) божества получить себе «Я» (Ich). Незаметно у этого мистика навстречу нам выходит мощное слово. И почему же в самой глубине сердца (Herzenskammer) этого мистика, когда он хотел, исходя из поиска мира, прийти к поиску «Я», прозвучало это стремление к отрицанию, найти «Я» в отрицании, почему? Да, возвращаясь в прежние времена, мы и находим, что во всех познаниях прежних времён при внутреннем созерцании души жила возможность того, чтобы навстречу этому внутреннему созерцанию изнутри светил дух. Это было ещё наследием древнейшей пневматологии (Pneumatologie), о которой здесь ещё будет речь. Когда, например, Фома Аквинский¹⁹ созерцал в душе, то он внутри этой души находил живым и действующим духовное. Не в самой душе, а в том, что как духовное живёт и действует в душе, искал Фома Аквинский, искали его предшественники собственное «Я». Через душу они выглядывали к духу и в духе находили это «Я» как своё данное богом «Я». И они говорили, по крайней мере они всегда могли бы это сказать, пусть они даже это и не всегда высказывали, они говорили: Я проникаю во внутреннее своей души, созерцаю дух и нахожу в духе «Я». — Однако в развитии человечества произошло так, что оно при своём продвижении на пути к царству свободы утратило способность находить дух при внутреннем созерцании.

Иоанн Скот Эригена (Johannes Scotus Erigena) мог бы сказать всё-таки не так, как Мейстер Экхарт. Иоанн Скот Эригена как раз говорил: Я заглядываю в своё внутреннее. Когда я обошёл пути, которые вели меня через царства внешнего мира, я открыл в своём внутреннем, в своей душе, дух и благодаря этому живущее и действующее в душе «Я». Я погружаюсь в божество как дух и нахожу «Я». — Просто человеческая судьба была такова, что тот же путь, который для человечества был ещё проходим

в прежние столетия, уже не был проходим именно ко времени Мейстера Экхарта. Мейстер Экхарт, идя тем же путём, что и Иоанн Скот Эригена, или даже тем же путём, что и Фома Аквинский, погружается не в дух бога, он погружается в отрицание божества и из этого отрицания должен извлечь «Я». Но это означает ничто иное, как то, что при внутреннем созерцании человечество утратило перспективу в направлении духа. И Мейстер Экхарт, исходя из глубокой искренности своего сердца, получает дух из отрицания. И его последователь, Николай Кузанский, признаёт со всей определённой: Всё, что вело нас на пути в мыслях и идеях во время прежних поисков, ослабевает, уничтожается, когда хочешь войти в духовную область. Душа утратила возможность находить духовную область в своём внутреннем. — И Николай Кузанский говорит себе: Если я воспринимаю всё то, что мне может дать теология, то меня вносит в это ничто человеческого мышления, и я должен соединиться с тем, что живёт в этом ничто, чтобы сперва суметь получить в этом *docta ignorantia* переживание духа. — Но в таком случае это знание, это познание ведь нельзя высказывать. Тогда человек должен лишиться дара речи, если он достиг точки, в которой прежде всего через *docta ignorantia* даётся переживание духовного.

Итак, Николай Кузанский является тем, кто теологию средневековья в своём собственном личном развитии ощущал в её конце и подходил к *docta ignorantia*. Но одновременно он является уверенным математиком. Он воспринял в себя внутреннюю строгость мышления, которая пришла из занятий математикой. Но я бы сказал, что тогда, когда ему было дано *docta ignorantia*, он стал от этого внутренне робко использовать то, что принял в свою душу как такую математическую надёжность. Он, осторожно символизируя со всякими математическими символами и формулами, пытается приблизиться к области, в которую его ведут благодаря его *docta ignorantia*. Но он всегда осознаёт: Это символы, которые мне поставляет математика. Этой математикой я овладел в своей душе. Она осталась для меня как последнее от древнего

знания. В его надёжности я не могу сомневаться так, как в надёжности теологии, ибо я переживаю математическую надёжность, воспринимая математику в себе. — Но одновременно другой груз, выявившийся для него из недействительности теологии, стал в нём настолько тяжёл, что он боялся использовать математическую надёжность иначе, чем в символах в области *docta ignorantia*. Этим завершается эпоха деятельности человеческого мышления. Николай Кузанский в своём внутреннем душевном настроении математика является уже почти таким, как поздний Картезий, но он не отважился охватить математической надёжностью то, что для него характеризовало себя так, как он изображал это в своём *docta ignorantia*. Определённым образом он ощутил, как духовная область удаляется от человечества, как она всё больше и больше исчезает в даях, что её невозможно достичь человеческим знанием, как в самом глубоком смысле необходимо становиться незнающим, чтобы в любви соединиться с этой духовной областью.

Это настроение вытекает из того, что можно вычитать из опубликованного в 1440 году «*Docta ignorantia*» Николая Кузанского. Человечество западной цивилизации до определённой степени развивалось так, что оно когда-то верило, что оно будет иметь перед собой в близкой перспективе духовную область. Затем эта духовная область всё дальше и дальше удалялась от рассматривающего и наблюдающего человека и исчезла. И *docta ignorantia* 1440 года есть открытое признание того, что обычный человеческий взор познания тогдашнего времени уже не восходит в те перспективные дали, в которые удалилась от человека духовная область. Надёжнейшая наука, математика, осмеливается обращаться с символическими формулами лишь к тому, что уже внутренне душевно не видишь. И теперь это происходит так, как если бы эта духовная область, перспективно удаляясь всё дальше, исчезла бы непосредственно из европейской цивилизации, но позднее вернулась бы в другую область, в ту область, которую европейская цивилизация захватывает теперь своими склонностями,

своими наблюдениями, в область чувственного мира. И то, что в 1440 году Николай Кузанский робко, символически сделал с помощью математики в отношении духовной области, исчезающей от него, *Николай Коперник*²⁰ смело и настойчиво применил математическое мышление, математическое знание к внешнему чувственному миру. И в то время как в 1440 году «*Docta ignorantia*» появилась с признанием, что духовную область уже не увидишь даже с надёжным мышлением, в 1543 году появляется работа Николая Коперника «Об обращениях небесных сфер» («*De revolutionibus orbium coelestium*»), где с категоричной смелостью вселенная представлена так, что это должно проявиться в надёжной математике.

Представим себе духовную область настолько отдалённой от человеческого познания, что даже математика может приблизиться к ней в лепечущих символах — так высказал это в 1440 году Николай Кузанский; представим себе математическое таким сильным и таким надёжным, что можно преодолеть чувственное и привести, научно и познавая, чувственный мир к выражению в математических формулах — так говорил в 1543 году Николай Коперник о европейской цивилизации. Между ними лежит одно столетие. В этом столетии была рождена западноевропейская наука. До этих пор она находилась в эмбриональном состоянии. И кто хочет понять, что привело к рождению этой западноевропейской науки, тот должен с умом направить свой взгляд на то столетие, которое находится между «*Docta ignorantia*» и «*De revolutionibus orbium coelestium*». Какое оплодотворение происходит здесь для человеческой душевной жизни, каким самоотречением должна отдаваться человеческая душевная жизнь, это необходимо изучать, если хочешь понять смысл естествознания ещё и сегодня. Нужно вернуться так далеко. И если хочешь сегодня всё-таки правильно находиться внутри естественнонаучного образа мыслей и если хочешь правильно видеть, чего может достичь естественная наука человечества, и как из естественной науки может расцвести новая духовная жизнь, начинать необходимо

там и лишь немного посмотреть назад на эмбриональное состояние, которое, разумеется, предшествовало Николаю Кузанскому. Об этом, мои многоуважаемые присутствующие, я буду говорить завтра

Второй доклад

Дорнах, понедельник, 25 декабря 1922 года

Историческое рассмотрение, лежащее в основе этих докладов, я бы назвал симптоматологическим, то есть оно должно попытаться путём такого исторического рассмотрения до некоторой степени охарактеризовать с помощью выступивших из этого потока человеческого развития волн, которые являются симптомами, то, что происходит в глубинах развития человечества. Это, собственно, должно осуществляться во время каждого истинного исторического рассмотрения по той причине, что события, сумма процессов, которые в действительности в каждый момент времени лежат в глубине развития человечества, настолько разнообразны, так интенсивно важны, что через описание выступивших волн, которые лишь симптоматично намекают на то, что реально происходит, всегда можно только лишь намекать на то, что лежит в глубине.

Я упоминаю это по той причине, что вчера, характеризуя рождение естественнонаучного способа мышления и исследования, я описал две личности — *Мейстера Экхарта* и в особенности *Николая Кузанского*. Если здесь описываются такие личности, то происходит это по той причине, что то, что исторически можно наблюдать в душе и во всём поведении таких личностей, я рассматриваю как симптомы того, что происходит в глубине общего становления человечества. Ведь всегда, я бы сказал, имеется лишь несколько выведенных на поверхность образов, которые можно улавливать благодаря тому, что заглядываешь в одну или другую человеческую душу. А потом благодаря этому характеризуюешь основную суть отдельных течений времени. Так подразумевалось, когда я вчера охарактеризовал *Николая Кузанского*, наметить, как в его душе симптоматично обнаруживается всё то,

что собственно разыгрывалось в духовном развитии человечества в начале XV столетия, проталкиваясь к естественнонаучному способу рассмотрения. Неспособность прийти к восприятию духовного мира ни через всё то знание, которое до известной степени можно накопить в душе благодаря тому, что односторонне предаёшься познанию, порождённому до тех пор на теологической основе, ни через надёжный математический способ рассмотрения не суметь довести до восприятия духовного мира, так что со всем человеческим познанием понятий и идей должен остановиться перед этим духовным миром и только суметь написать в отношении этого духовного мира «Docta ignorantia», — это то, что таким грандиозным способом проявляется в Николае Кузанском. Но этим он до определённой степени завершил тот род познания мира, который появился в развитии человечества до него. Я мог бы указать на то, что то душевное настроение уже присутствовало у Мейстера Экхарта, который был основательно знаком с познанием средневековья, занимающимся теологией, и который с этим занимающимся теологией познанием хотел заглянуть в собственную человеческую душу, чтобы в этой человеческой душе найти путь к божественно-духовным основам мира. И он, этот Мейстер Экхарт, приходит к некоему душевному настроению, которое я вам вчера обозначил одним из его тезисов. Он сказал, и говорил подобное неоднократно: Я погружаюсь в ничто божества, и в вечности из отрицания возникает «Я». С древним познанием он чувствовал себя подступившим к отрицанию и должен был из этого отрицания, то есть из иссякания всех убедительных сил древнего знания, благодаря одному, я бы сказал, древнему изречению вытащить из души достоверность собственного «Я».

Когда более детально всматриваешься в такие вещи, тогда припоминаешь, что так же, как тогда Мейстер Экхарт, некто указывал на древнее душевное познание, которое в развитии человечества дошло до него, которое ещё давало кое-что человеку, и о котором он мог сказать: „Это во мне живёт; это во мне присутствует божественное, это есть нечто”. — Но теперь глубочай-

шие умы эпохи подошли к признанию: Если я отыскиваю это нечто здесь, отыскиваю это нечто там, то всякого такого познания «нечто» недостаточно для нахождения достоверности по поводу собственного существования. И я должен идти от нечто к ничто, чтобы из ничто в определённой мере возродить в себе сознание «Я» именно неким древним изречением.

А теперь я хотел бы обеим этим личностям противопоставить другую, которая жила примерно две тысячи лет тому назад, личность, которая характерна для своей эпохи примерно так, как для начала XV столетия характерен Кузанский, опирающийся на Мейстера Экхарта. Мы воспользуемся этим возвращением назад в древние времена, чтобы лучше понять то, что потом в XV столетии всплыло из подоснов человеческой душевной жизни в стремлении к познанию. О личности, о которой я буду вам сегодня говорить, разумеется, не сообщает ни один учебник истории, ни один исторический документ, ибо они в таких вопросах не доходят примерно до VIII столетия до Р.Х. Только мы всё-таки можем получить весть о том, что характеризует подлинное древнее изречение естествознания, если мы посредством духовной науки, посредством чисто духовного наблюдения вернёмся назад дальше, чем нам позволяют внешние исторические документы. Одну личность, как сказано, можно обнаружить только духовным созерцанием за две тысячи лет до той эпохи, начало которой я вчера обозначил приходящимся на первую половину XV столетия. В дохристианской жизни существовала некая личность, которая была принята в одну из южно-европейских так называемых мистериальных школ, когда всё то, что могли сказать эти учителя мистерий своим ученикам, входило в эти духовно-космические сборники права (*Weistümer*), духовно-космические истины, истины о духовных существах, которые жили и живут в космосе. Но эта подразумеваемая мной личность тогда уже слышала от учителей мистерий мудрость, которая ещё была более или менее традиционной и была воспроизведением гораздо более древних созерцаний человечества, воспроизведением того, что созерцали

гораздо более древние познающие мудрецы, когда они всё вновь и вновь направляли ясновидящий взор вовне в мировые дали, и когда из этих мировых далей, как это было, к ним говорили движения звёзд, констелляции звёзд, кроме того, говорили многие другие процессы в мировых далях. Для этих древних мудрецов вселенная не была той машиной или тем подобным машине образованием, существующим для сегодняшних людей, когда они выглядывают в мировое пространство, но для них мировые дали были чем-то, во что эти мудрецы вступали как в некое всецело живое, всё пролетающее, всё одухотворяющее существо, которое говорило с ними космическим языком. Они чувствовали себя внутри мирового бытия самого духа, и они чувствовали, что тот, в ком они живут и действуют, говорит к ним, что они могли бы даже задать миру вопросы, означающие загадки мира, и что им из далей отвечали бы явления. Это ощущалось как то, что мы, пожалуй, совсем ослаблено и абстрактно называем в своём языке духом. И в действительности дух ощущали существующим повсюду, но и отовсюду воспринимаемым. Заглядывали в мировые дали, в которых уже греки ничего не видели своим душевным взором, и которые уже для греков стали неким «ничто». И то, что греки называли «ничто», было однако для древних мудрецов послееатлантического периода²¹ ещё полным содержанием «ничто», только его называли теми словами, которые тогда были приняты, и которые только в нашем языке стали называть ослабленным и абстрактным словом «дух». Итак, это позже неведомое, этого позже скрытого бога называли духом, когда он ещё был известен. Для тех древних времён это было первым.

Вторым было то, что человек, заглядывая сам в себя, свою душу видел душевным взором, направленным внутрь духовным взором. И эту душу он воспринимал как происходящую от духа, позже ставшего неизвестным богом; и свою собственную душу он, этот древний мудрец, а вместе с ним и человечество, ощущали так, что могли дать наименование, которое в то время, исходя из этого созерцания, могло быть дано человеческому душевному

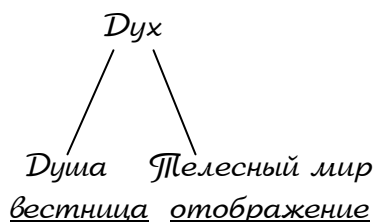
существу, — преобразовав его в нашем языке, — духовный вестник или просто вестник. Так что можно сказать, если хочешь изобразить схематично то, что для этих древних времён считалось созерцанием: Дух, кроме которого нет ничего другого, тогда считался охватывающим весь мир, и это можно обнаружить в каждом «нечто». И дух, который был воспринимаем непосредственно в своём первообразе, вновь искали в человеческой душе, и его находили, когда эта человеческая душа узнавала сама себя как вестницу этого духа. Так что можно сказать: душа рассматривалась как вестница.

И как третьи имели вокруг себя внешнюю природу вместе с тем, что мы сегодня называем бытием, телесным бытием (Körperwesen). Я говорил, что кроме духа ничего не дано, ибо дух виден повсюду, он познаваем в своём первообразе через непосредственное созерцание. Он познаваем в человеческой душе, которая в своей собственной жизни претворяла весть от него. Но он познаваем и в том, что мы сегодня называем природой, телесным миром. И этот телесный мир рассматривался как отображение духа.

Дух: первообраз

Душа: вестница

Тело (Leib): отображение

Таким образом, в те старые времена не имели тех представлений о телесном мире, которые имеют сегодня. Когда всё-таки заглядывали в какие-либо природные образования, видели в каждом природном образовании отображение духа, поскольку именно дух могли созерцать повсюду. Тем отображением духа, которое находилось ближе всего, было человеческое тело (Leib), тело

(Körper) человека, это была часть природы. И поскольку все природные образования были отображением духа, это человеческое тело тоже было отображением духа. Поэтому, когда этот древний человек оглядывался на самого себя, он узнавал себя как тройственное существо. Во-первых, дух жил в нём в своём первообразе, как в своём доме. Человек познавал себя в качестве духа. Во-вторых, человек чувствовал себя внутри мира как посланник этого духа, и в этом отношении как душевное существо. В-третьих, человек чувствовал себя как тело (Leib), и через это тело — как отображение духа²². Так что мы можем сказать: когда человек оглядывается сам на себя, он узнаёт себя в тройственности своего существа согласно духу, душе и телу; по духу — как в его первообразе, по душе как посланник бога, по телу как отображение духа.

В этой древней мудрости людей не было никакого противоречия между телом и душой, никакого противоречия между природой и духом, ибо знали: дух существует в человеке в своём первообразе; в том, чем является душа, нет ничего иного, кроме распространённого духа, духа, распространённого в качестве послания, — вести; тело есть отображение духа. Но и не чувствовали никакого антагонизма между человеком и лежащей вокруг природой, ибо несли в себе, в собственном теле, отображение духа и в каждом теле снаружи видели отображение духа. Так собственное тело ощущали родственным всем природным телам. Узнавали внутреннее родство, когда выглядывали в телесный мир и когда заглядывали в тело человека. Природу не ощущали как нечто иное. Человек чувствовал себя как единство, одно (ein Monon) со всем остальным миром. Он это чувствовал благодаря тому, что он мог воспринимать именно первообраз духа, что к нему говорили мировые дали. И следствием этого говорения мировых далей к человеку было то, что он, собственно, не мог дать никакого естествознания. Так же, как мы не можем основать никакую науку о внешней природе из того, что живёт в нашей памяти, так и этот древний представитель человечества не мог основать внешнее

естествознание, ибо он, заглядывая сам в себя, видел образ духа, и, выглядывая во внешнюю природу, он в свою очередь узнавал этот образ духа. Не существовало противоречия между самим собой как человеком и природой, так как душа и тело соответствовали друг другу так, что тело, я бы сказал, было лишь оболочкой, отображением, художественным отображением духовного первообраза, а душа – посредничающий вестник между обоими. Всё было в тесном единении. О каком-то осознании не могло быть и речи, ибо осознаешь то, что лежит вне собственной жизни, в то время как то, что несёшь в себе самом, переживаешь непосредственно, но не осознаешь.

Такую мудрость переживали в древних мистериях человечества ещё до греко-римского периода. О такой мудрости слышала та подразумеваемая мной личность. Она слышала о такой мудрости и видела, что в действительности учителя её мистерий имели то, о чём они могли ему говорить, по сути дела, лишь в качестве традиции из древних времён. Она уже не слышала первоначальное, обнаруженное из прослушивания тайн космоса. И эта личность совершила далёкие путешествия, посетила другие мистерии и повсюду в этом VIII столетии дохристианского периода она узнала, по сути дела, подобное. Повсюду существовали только лишь традиции древней мудрости. Ученики получали её для изучения от учителей, которые сами уже не могли созерцать, по крайней мере с живостью древних времён.

Но подразумеваемая мной личность, исходя из глубин человеческой природы, имела огромное стремление к достоверности, к знанию. Она слышала из сообщений, что когда-то действительно могли слушать гармонию сфер, что из этой гармонии сфер звучал Логос, Логос, который был идентичен духовному первообразу всех вещей. Но она слышала только лишь предания. И точно так же, как позже, примерно спустя две тысячи лет, Мейстер Экхарт в своей тихой комнатке овладевал из традиций своей эпохи поиском внутренней силы души и «Я» и пришёл к изречению: Я погружаюсь в ничто божества и в вечности в отрицании переживаю

«Я», — тот древний уединённый ученик поздних мистерий говорил себе, — я прислушиваюсь к²³ безмолвной вселенной и из этого безмолвия я обретаю несущую Логос душу. Я люблю Логос, ибо Логос извещает о неизвестном Боге.

Это было древнее высказывание параллельное высказыванию Мейстера Экхарта. Как Мейстер Экхарт погружался силами своей души в отрицание божества, о котором ему говорила теология средних веков, как он из этого отрицания добыл «Я», так и тот древний мудрец прислушивался к безмолвному миру, так как того, о чём ему говорила традиционная мудрость, он уже не слышал. Он мог только прислушиваться к безмолвной вселенной. И он получал, как прежде получала пропитанная духом душа древнюю мудрость, он получал из безмолвной вселенной несущую Логос душу. И он любил Логос, который уже не был самим божеством древнего времени, но ещё только образом божества древних времён. Другими словами, в те времена бог уже исчез из души, и так же, как позже Мейстер Экхарт вынужден был искать «Я» в отрицаемом (ernichteten) мире, так надо было искать душу в бездуховном мире.

О, в прежние времена души обладали в известной мере внутренней крепостью, в которой они нуждались, чтобы сказать себе: «Я сам есть божественное во внутреннем восприятии духа, который существует во мне». Но теперь дух уже не жил в ней для непосредственного созерцания, теперь душа уже не чувствовала себя посланницей духа. Ибо, чтобы быть чьим-либо посланником, это нужно знать. Теперь душа чувствовала себя носителем Логоса, носителем образа духа, пусть даже этот образ духа был в ней всецело живым, пусть даже этот образ духа проявлялся в любви к Богу, который в душе пока ещё проявлялся во всей полноте в своём образе. Но душа уже не ощущала себя посланницей, душа ощущала себя носителем, носителем образа божественного духа. Итак можно сказать, если снова изобразим схематично, что теперь возникало иное знание людей, когда человек смотрел в

свое внутреннее: душа — носитель. Душа превратилась из посланницы в носителя:

Душа: носитель

|

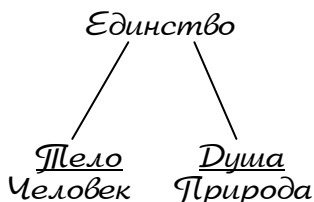
Тело (Leib): сила

Но в связи с тем, что из созерцания до известной степени утратили когда-то живой дух, уже и тело не было отображением этого духа. Чтобы распознавать его как отображение, должны были бы распознавать первообраз. Для этого более позднего созерцания тело стало чем-то другим. Оно стало тем, что я бы назвал силой. Теперь вступило понятие силы. Тело представляют как силовую связь, уже не образ, который несёт в себе сущность отражённого, уже не отображение — сила, которая не несёт в себе сущность того, из чего она происходит, это стало человеческим телом. И по человеческому телу должны были представлять повсюду силы и в природе. Если прежде природа повсюду была отображением духа, теперь она стала изливающимися из духа силами. И вместе с тем природа стала для человека более или менее чуждой. Я бы сказал, что душа нечто утратила, ибо она уже не имеет в себе непосредственного осознания духа. — Грубо выражаясь, я должен сказать: Душа стала тоньше в себе; тело, внешний телесный мир стал крепче. Раньше она ещё имела духовное подобие отображения. Теперь она пронизана подобием силы. Силовая связь крепче, чем образ, духовное содержание которого ещё должно быть рассмотрено. Пусть я снова выражусь грубо, но я должен сказать: Телесный мир стал плотнее, в то время как душа стала тоньше. Это было то, что перешло в сознание тех людей, к первым из которых принадлежал тот древний мудрец, который прислушивался к безмолвной вселенной и из безмолвия вселенной

извлекал сознание, что его душа по меньшей мере является носителем Логоса.

И теперь между ставшей более тонкой душой и более плотным становлением телесного мира возникла противоположность, которой прежде не существовало. Прежде во всём видели единство духа. Теперь возникла противоположность между телом и душой, человеком и природой, так что теперь появилась пропасть между телом и душой, которой вовсе не существовало раньше, до того, как тот древний мудрец, о котором я вам сегодня поведал, сказал, что и человек почувствовал себя тоже ограниченным природой, чего в древнее время тоже не чувствовали. И эта противоположность образует, собственно говоря, сущностное содержание всего мышления в тот период между тем древним мудрецом, о котором я вам сегодня рассказал, и Николаем Кузанским.

Тут человечество старается постичь связь, с одной стороны, между душой и телом, душой, духовная реальность которой отсутствует, и телом, которое стало плотным, превратилось в силу, в силовую связь. И человечество стремится к восприятию соотношения между человеком и природой. Но природа повсюду яв-

ляется силой. Представление о том, что мы называем сегодня законами природы, в ту эпоху, там, где находится её особенно характерный период, по сути дела, вовсе не существовало. И мысленно не говорили о законах природы, повсюду ощущали силы природы. Из всего этого переживали природные силы. И заглядывая в себя, чувствовали не душу, которая несёт в себе, как позже, притуплённое желание, почти такое же притуплённое чувство и абстрактное мышление, но чувствовали душу, кото-

рая несёт в себе живой Логос, о котором действительно знали, что он не мёртвый, что он является божественным живым отображением Бога.

Необходимо уметь ставить себя на место этой противоположности, которая вплоть до XI, XII столетия существовала со всей остротой и была совсем иной, чем те противоречия, противоположности, которые человечество чувствует сегодня. Если не можешь живым сознанием поставить себя на место этой совсем другого рода противоположности древней эпохи человечества, тогда происходит то, что происходит со всеми историческими сочинениями по философии, когда древнего греческого *Демокрита*²⁴ из V дохристианского столетия описывают так, как будто он был атомистом в современном смысле, потому что он предполагал атомы. Если слова намекают на некую маленькую видимость подобия, подобие в таком случае ещё не существует. Между современным атомистом и Демокритом огромная разница, потому что Демокрит говорил вообще, исходя из той противоположности человека и природы, души и тела, которую я как раз охарактеризовал, так что его атомы непременно ещё суть силовые связи, и в качестве таких силовых связей он противопоставляет их пространству неким способом, каким современные атомисты не могут противопоставить пространству свои атомы. Как могут говорить современные атомисты то, что сказал Демокрит: «Бытие уже не есть <ничто>, наполненность уже не есть пустота». То есть, Демокрит считал, что пустое пространство имеет некое родство с пространством, наполненным атомами. Это имеет некий смысл только в пределах сознания, которое вообще ещё не знает современного понятия тела, следовательно и не может говорить об атомах этого тела, но само собой разумеется говорит о силовых точках, которые, кроме того, имеют родство с тем, что существует вне человека. Современный атомист не может отождествлять пустоту с наполненностью (Vollen). Ибо если бы Демокрит представлял так, как о пустоте говорят сегодня, то он не мог бы приравнивать её к бытию. Он может её приравнивать, потому что

внутри этой пустоты он ищет то, что является душевным носителем, душу, которая является носителем Логоса. Пусть он даже представляет этот Логос неким родом необходимости, но эта греческая необходимость, не наша сегодняшняя природная необходимость. В том-то и дело, что необходимо правильно заглядывать в нюансы представления и ощущения древних времён, если хочешь понять, что существует сегодня.

И вот приходит время, охарактеризованное мной именно вчера, время Мейстера Экхарта, время Николая Кузанского, то время, когда и было утрачено сознание живущего в душе Логоса. Мейстер Экхарт и Кузанский в том случае, когда древний мастер, вслушиваясь во вселенную, мог сетовать только на безмолвие, находили «ничто» и из этого отрицания (Nicht) должны были искать «Я». Но этим в общем лишь начинается новый период человеческого мышления. Теперь душа уже не имеет в себе живой Логос, теперь она имеет в себе идеи и понятия, когда она заглядывает в себя, имеет представления, то, что в конце концов ведёт к абстракциям. Теперь она стала ещё тоньше. Начинается третья фаза человеческого созерцания. Когда-то в первой фазе душа переживала в себе первообраз духа. Она являлась посланницей духа. Вторая фаза: душа переживает в себе живой образ Бога в Логосе — она становится носителем Логоса.

Теперь, в третьей фазе, она до определённой степени становится хранилищем идей и понятий, которые правда проявляются в надёжности математики, но которые являются именно понятиями и идеями. Они, можно сказать, внутри ощущают себя самыми утончёнными. И в свою очередь возрастает крепость телесного мира. Возникает третий способ, каким человек чувствует себя. Он ещё не может полностью отказаться от своего душевного, но он ощущает это душевное как хранилище идеального и он уже теперь не чувствует тело только как силу, но как протяжённое тело.

Тело стало ещё крепче. В воззрении оно превратилось в то, что отныне полностью отрицает дух. Здесь нас встречает только те-

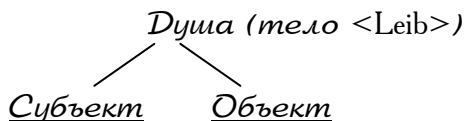
Душа: идеальное

|
Тело (Leib): протяженное тело (Körper)

ло, о котором говорили потом Гоббс и Бэкон²⁵, говорил Локк, здесь нас встречает тело, которое стало самым плотным, и с которым душа человека уже не чувствует больше родства, но лишь некое абстрактное отношение, которое всё больше формируется в развитии человеческого воззрения.

На место прежней конкретной противоположности души и тела, человека и природы, вступает теперь другая противоположность, которая всё больше и больше приходит к абстракции. То, что прежде ещё казалось конкретным в себе, потому что оно ощущало в себе божественный образ Логоса, что постепенно превратилось в сосуд идеального, устанавливает себя субъектом и противопоставляет себя тому, с чем оно совсем не чувствует родства, как объекту, — между тем как в старое духовное время оно всё чувствовало родственным.

Прежняя человеческая противоположность души и тела, человека и природы стала всё больше и больше только теоретико-познавательной противоположностью между субъектом, суще-

ствующем в человеке, и тем объектом, который находится снаружи. Природа превратилась в объект познания. Ничего удивительного, что познание просто устремилось к объективному из собственной необходимости.

Чем же является объективное? Это объективное уже не то, что было природой для грека, это объективное есть внешняя телесность, в которой уже не видят духовное. Это природа, ставшая бездуховной, которая может быть понята извне, из субъекта. Так как человек сначала утратил связь с природой из своего существа, то он искал естествознание снаружи. Вот мы снова находимся в той точке, которой я вчера смог завершить, сказав, что Кузанский смотрел на то, что для него должно было быть божественным миром, и говорил: „Когда пишешь о божественном мире, надо прежде остановиться с познанием, надо записать о некоем «docta ignorantia»”. – И он лишь хотел осторожно в символах, которые воспринял из математики, удержать нечто из того, что ему представлялось духовным. Но он отдавал себе отчёт, что нельзя удержать духовное в математических символах.

И я сказал, что в 1440 году появилась «Docta ignorantia», а примерно через сто лет после этого, в 1543 году, – «De revolutionibus orbium coelestium». То есть, спустя примерно одно столетие Коперник с помощью математического духа до определённой степени овладевает другой, внешней стороной того, чего полностью не смог когда-то постичь Кузанский – ни символически, ни с помощью математики. И сегодня мы видим, как фактически становится возможным применение этого математического духа к природе в тот момент²⁶, когда природа выскальзывает у человека из непосредственного переживания. Это можно подтвердить даже историей языка, ибо «природа» («Natur») указывает ещё на нечто, что родственно с «быть рождённым» (родиться), в то время как то, что было рассмотрено сегодня в качестве природы, есть только телесный мир, который однако содержит в себе только мёртвое, – я, разумеется, подразумеваю для человеческого созерцания, ибо сегодня природа, само собой разумеется, всё ещё содержит жизнь и дух, но для человеческого созерцания она стала мёртвой, для её постижения пока, прежде всего, следует ценить самое надёжное понятийное знание, математическое.

Таким образом, мы видим перед собой протекающее с внутренней закономерностью развитие человечества: первая эпоха, когда человек видел бога и мир, но бога в мире, мир в боге, — едиными; вторая эпоха, когда человек видел в деянии душу и тело, человека и природу, душу как носителя живого Логоса, как носителя того, что не возникает и не исчезает, природу как то, что возникает и умирает; третья фаза, когда человек продвинулся к абстрактной противоположности: субъект, которым является он сам, и объект, которым является внешний мир. Объект — это самое крепкое, которое уже совсем не пытаешься озарять понятиями, которое ощущается чуждым человеку, которое исследуется снаружи с помощью математики, не обладающей талантом для проникновения во внутреннее как таковое, поэтому и Кузанский символически относил её, и то нерешительно, к внутреннему.

Так надо представлять себе вытекающее из древних задатков человечества стремление развивать естествознание. Однажды должна была наступить для людей эпоха, когда должно было возникнуть естествознание. Кроме того, оно должно было стать таким, каким и является. Именно это мы и видим, когда отчётливо рассматриваем фазы, которые я охарактеризовал в духовном развитии человечества, когда мы внимательно рассматриваем, как первая фаза доходит вплоть до того древнего южного мудреца VIII дохристианского столетия, которого я сегодня вам охарактеризовал, вторая — от него до Николая Кузанского. Третья фаза — это та, в которой мы находимся. Первая фаза является пневматологической, направленной к духу в его первообразе; вторая мистическая, если слово «мистическая» брать в самом широком смысле; третья — математическая. Так, — если мы берём подлинные характерные признаки, — первую фазу мы считаем до древнего южного мудреца, которого я вам сегодня описал; вплоть до него мы относим древнюю пневматологию. От него вплоть до Мейстера Экхарта и Николая Кузанского мы относим магическую мистику. От кардинала Николая Кузанского вплоть до

нашего времени и дальше мы относим время математизированного естествознания.

Завтра мы на этом будем основывать дальнейшее.

Третий доклад

Дорнах, вторник, 26 декабря 1922 года

Я попытался в двух последних рассмотрениях обозначить момент, когда внутри нового развития человечества возникли естественнонаучное воззрение и естественнонаучное мышление, как мы понимаем это сегодня, и вчера я указал на то, что весь характер этого естественнонаучного мышления, каким он отчётливее всего выступает сначала в понимании астрономии через Коперника, что весь этот характер естественнонаучного мышления зависит от того способа, каким мало-помалу в ходе развития человечества использовали математику, математическое мышление в связи с внешней мировой действительностью. На самом деле для научного развития нового времени чрезвычайно много зависит от того, что наступил также перелом — я сказал бы почти революция — человеческого воззрения в отношении самого математического мышления. В настоящее время ведь так склонны устанавливать до известной степени как нечто абсолютно авторитетное тот способ, каким сами мыслят в это настоящее время, и совсем не обращать внимание на то, что вещи изменились. Сегодня в математике имеют определённую позицию и в свою очередь определённое воззрение об отношении математического и мировой реальности. И думают, что это якобы однажды заданное, правильное отношение. Об этом несомненно дискутируют, но внутри определённых границ рассматривают это как правильное отношение и не думают о том, что в действительности по поводу самой математики человечество не в таком уж далеко отстоящем прошлом ощущало иначе. Стоит лишь однажды вспомнить с достаточной остротой о том, как вскоре после момента, названного мной самым значительным в современной духовной жизни, как вскоре после этого момента, в который Кузанский дал своё самое важ-

ное толкование мира, как вскоре после этого момента не только Коперник с его математически ориентированным мышлением хотел объяснить движения солнечной системы, уже с таким математически ориентированным мышлением, к какому мы привыкли сегодня, но также и философы — Декарт, Спиноза²⁷ — увидели в использовании в самом широком изображении всего физического и духовного мироздания способа, каким мыслят в математике, прямо-таки свой идеал.

Спиноза, философ, посчитал даже особенно ценным изложить в своей книге «Этика» основные философские положения и требования, так чтобы способ заключения, способ выводить более поздний закон из более раннего всё-таки осуществлять по образцу математического, хотя особую роль в этой книге играют не математические формулы, не вычисления. Постепенно современникам стало представляться само собой разумеющимся, что в математике несёшь в себе самом образец для получения внутренней уверенности, и что, если удаётся выразить очертание вселенной посредством мыслей так, что эти мысли будут разделены друг с другом в очень точной структуре, подобно мыслям математической, геометрической системы, то именно благодаря этому достигаешь чего-то, что должно соответствовать действительности. Но особый способ, каким принимают математику и отношение математики к действительности, может быть вполне понят, если стремишься правильно постичь характер естественнонаучного мышления. В то время математика постепенно стала тем, что можно было бы назвать по отношению к чему-то более раннему, что я вслед за этим охарактеризую, самодостаточным в себе внутренним интеллектом. Что я этим подразумеваю?

Можно всё-таки сказать, что математику для времени Декарта, Картезия, для времени Коперника можно охарактеризовать приблизительно так же, как и сегодня. Возьмём, например, современного математика, который представляет геометрию, и который в пределах геометрического мира представлений ведь тоже искал свои аналитические формулы для постижения тех или иных

физических процессов. Этот математик как геометр, при понимании евклидовой геометрии, прежде всего исходит из трёхмерного пространства или вообще протяжённого пространства, когда хочет принять во внимание также и неевклидову геометрию,²⁸ и в трёхмерном пространстве он различает три перпендикулярные друг другу, но в остальном однородные направления. Это, я бы сказал, есть самодостаточное образование, которое предстаёт перед сознанием просто так, как я его сейчас описал, не задавая много вопросов: „Откуда пришло это образование, откуда вообще приходит всё геометрическое представление?“ — В формальности, которую в новое время постепенно допустила психологическая мысль, было даже естественно, что человек мог погрузиться (*hinuntersteigen*) не в те душевные глубины, вообще не в те внутренние глубины, из которых восходят основы, например, геометрического мышления. Человек просто берёт своё обычное сознание и наполняет это обычное сознание придуманной, но не пережитой математикой. Возьмём специальный случай с придуманными, не пережитыми, тремя перпендикулярными друг другу измерениями евклидова пространства. Но человек никогда не пришёл бы к тому придумыванию трёх перпендикулярных друг другу измерений евклидова пространства, если бы он не переживал в себе тройное ориентирование.

Одна ориентация, которую человек переживает в себе, — это спереди назад. Стоит нам только помыслить о том, что во внешнем современном анатомо-физиологическом способе рассмотрения для человека — я говорю при этом только о человеке, не о животном, которое в этой связи не нужно, — что для человека, скажем, например, приём пищи, выделение, а также прочие процессы организма происходят в направлении спереди назад, и что эта ориентация совершенно определённых процессов во внутреннем человека отличается от того, когда я, например, выполняю что-либо своей правой рукой, и кроме того симметрично выполняю нечто своей левой рукой. Здесь процессы ориентированы направо и налево. И наконец, стоит нам только вспомнить, как в

отношении другой ориентации человек, по сути дела, вырастает в неё только во время своего земного бытия: вначале он ползает и лишь постепенно выпрямляется так, что ориентирование в нём самом протекает сверху вниз или снизу вверх.

Так, как обстоит дело сегодня, эти три ориентирования человека внешне принимаешь правильно, переживая, конечно, не внутри, но рассматривая снаружи то, чем являются в человеческом организме процессы, которые разыгрываются по существу спереди назад, или такие, которые происходят справа налево или слева направо, или же такие, которые происходят сверху вниз. Если бы могли, созерцая душевно, вернуться в прежние эпохи, то как раз узнали бы, что эти три ориентации для древнего ощущения человека, древнего переживания человека были внутренними переживаниями. Как сегодня в качестве внутренних переживаний мы, я бы сказал, признаём ещё до некоторой степени обладание мыслями, обладание эмоциями, так в прежнее время человек имел соответствующее внутреннее переживание, например, «спереди назад». Для него ещё не было утрачено, скажем, отсутствие застоя (*Ablähmung*) вкуса, интенсивно развивающегося впереди в полости рта в направлении назад. Качественное, таящееся внутри так, что вкус сильно чувствовали впереди на языке, а потом его ощущали всё слабее и слабее, в то время как он отступал в ориентировании спереди назад и, наконец, совсем терялся — когда-то это переживание было вполне реальным, конкретным для внутреннего человеческого переживания. Вместе с таким переживанием качества прослеживали ориентирование спереди назад. Сейчас человек уже не находится настолько внутри, как был когда-то. Поэтому таких переживаний, которые я только что охарактеризовал, он сегодня уже не имеет. Так же человек не имеет сегодня живого ощущения регулирования глазной оси, чтобы зафиксировать какую-либо точку путём перебрасывания правой глазной оси на левую. Сегодня человек не имеет также полного конкретного ощущения того, что для него как для человека возникает, когда он при ориентировании «право-лево» соединяет, скажем, правую

кисть и правую руку с левой кистью и левой рукой. И тем более такое ощущение, о котором можешь сказать себе: В голове светится через меня мысль, она ударяет, продвигаясь в моё сердце в ориентации сверху вниз, — такое ощущение, такое переживание утрачено для человека как раз вместе с душевностью переживания мира. Но такое переживание существовало. Человек прежде всего переживал в себе три взаимно ортогональные направления пространства. И эти три пространственные направления: его лево-право, его вперёд-назад и его верх-низ — они являются основой трёхмерной схемы пространства. Трёхмерная пространственная схема есть лишь абстракция этого вашего только что охарактеризованного непосредственного переживания. Итак, что мы могли бы сказать, заглядывая в древние времена в геометрию, в этот раздел математики? Мы можем сказать, что человек прежних эпох имел ясное представление по поводу того, что он мог высказать: Через мою человечность в моей собственной жизни мне открывается математическое, геометрическое, и, продлевая своё вверх-вниз, своё вправо-влево, своё вперёд-назад, я из себя охватываю мир.

Необходимо лишь однажды ощутить, в чём состоит огромная разница между этим математическим ощущением, связанным с человеческим переживанием, и голой, скучной математической пространственной схемой аналитической геометрии, которая куда-то в некое пространство ставит точку, извлекает три взаимно ортогональные оси координат и получает выдуманную пространственную схему, обособившись от всякого переживания. Однако эту выдуманную пространственную схему человек вначале извлёк из своей собственной внутренней жизни. Так что более поздний математический способ рассмотрения, который потом взяло естествознание, если хотят его правильно понимать в его самостоятельном освещении своих образов, фактически необходимо выводить из пережитой математики прежнего времени. Математика прежнего времени была как раз чем-то совсем иным. И то, что когда-то существовало в некоем, я бы сказал, сновидческом пе-

реживании внутренней трёхмерности и что потом абстрагировалось, сегодня полностью существует в бессознательном. На самом деле даже сегодня у человека происходит ещё так, что он извлекает себе математику из своей собственной внутренней трёхмерности. Но это извлечение пространственной схемы из того, что человек переживает во внутреннем ориентировании, происходит полностью бессознательно. Об этом в сознание ничего не поднимается. В сознание поднимается, например, готовая пространственная схема, как и вообще все готовые математические образования, оторванные от своего корня. Например, я выбрал пространственную схему. Я мог бы с таким же успехом привести какую-либо другую математическую категорию, также и математические категории из алгебры, из анализа, из арифметики. Они являются ничем иным, как схемой, поднятой в абстракцию из непосредственного человеческого переживания.

Обратите внимание, если возвращаешься дальше к способу, каким люди мыслили о математическом, возвращаешься примерно за несколько столетий до XV, XVI или XVII столетий, то обнаруживаешь, что люди по крайней мере в числах ещё имели отзвук ощущения. Они ведь даже до того времени, когда числа стали уже той абстракцией, какой они являются сегодня, они ведь даже не могли находить название для чисел. Названия для чисел часто являются чрезвычайно характерными. Представьте лишь слово «zwei» (два), которое ещё отчётливо выражает некий конкретный процесс: «entzweien» (поссорить, посеять раздор), ведь это даже связано с «zweifeln» (сомневаться). Но это не подражание внешнему, когда число два объясняется словом поссорить, но фактически это является переживанием во внутреннем, которое превращается в схему, извлечением из внутреннего, так же, как и абстракция трёхмерного пространства извлечена из внутреннего.

И вот возвращаешься в некое время, которое в своей полной духовной жизненности существовало, например, ещё в первом столетии после Р.Х., и духовную особенность которого можно увидеть уже из того, что математику, математическое познание

(*Mathesis*) с мистикой рассматривали почти как одно. Математика, математическое познание, мистика суть одно, хоть только и в определённом отношении. Для мистика в I столетии после Р.Х. подлинной мистикой является то, что переживается внутри больше душевно, математика есть та мистика, которую переживают головой больше внешне, например, геометрия с ориентированием тела вперёд-назад²⁹, вправо-влево, вверх-вниз. Можно сказать, подлинная мистика есть душевная мистика, и математика, математическое познание (*Mathesis*), является телесной мистикой. Подлинная мистика переживается внутри только в том, что очень часто называют мистикой, а математическое познание, другую мистику, переживают, получая внутреннее переживание телесного, не лишившись ещё этого внутреннего переживания.

На самом деле совсем иного рода является даже характер того, как ещё чувствовали математику или ещё чувствовали математический метод Декарт³⁰ и Спиноза. Стоит только однажды углубиться в этих мыслителей – но не так внешне, как это делают сегодня, когда у древних мыслителей всегда стремятся найти современные, вколачиваемые нам в голову понятия, но самоотверженно исходя из себя, – и обнаружишь, что даже ещё Спиноза имел нечто от мистических ощущений, отдаваясь математическим методам. Наконец, философия Спинозы отличается от мистики, по сути дела, ничем иным, как тем, что мистики типа *Мейстера Экхарта* или *Иоганна Таулера*³¹ пытались переживать свои мировые тайны как раз больше на основе чувств, между тем как Спиноза их себе конструировал, но так же внутренне, в методически-математических линиях, которые являются как раз не прямыми геометрическими линиями, но переживаются внутренне по математическому методу. В отношении душевного состояния и душевного настроения в переживании мистических методов Мейстера Экхарта и математических методов Спинозы собственно нет никакой разницы. И тот, кто видит некую разницу, тот собственно вовсе не понимает, как действительно математически-мистически пережил Спиноза, например, свою «Этику». Здесь у

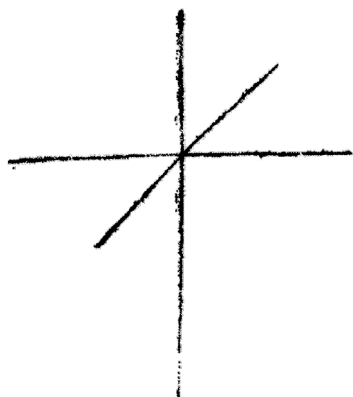
этих философов ещё есть отзвук из тех времён, когда математику, математическое познание и мистику ощущали как одинаковые переживания души.

Возможно вы теперь вспомните, мои уважаемые присутствующие и дорогие друзья, как я в своей книге «О загадках души»³² сделал попытку снова найти человеческую организацию соответствующим современному мышлению способом. Я должен сослаться на то место этой книги «О загадках души». Там человеческую организацию, под которой я прежде всего понимаю физическую организацию, я разделил на нервно-чувственную систему, ритмическую систему и систему обмена веществ и конечностей. Мне не нужно здесь особенно указывать на то, что этим едва ли подразумевается такое членение человека, как это карикатурно изображено университетской стороной³³, когда отдельные члены устанавливаются рядом в пространстве. Из изложения, которое я дал в своей книге «О загадках души», вам будет ясно, что эти члены взаимно пронизаны, что нервная система, хоть её называют системой головы, как раз непременно только в главном локализована в верхней части, в голове, но что она простирается по всему человеку, что эти три системы входят друг в друга, что, разумеется, и ритм дыхания и крови среднего человека, человека груди простирается вверх в головную организацию и так далее. Итак, членение является функциональным, оно не локально. Однако всё-таки учишься видеть человека, если имеешь внутреннее понимание для этого членения.

Давайте теперь сегодня с определённой целью представим это членение. Рассмотрим сначала третий член человеческой организации, человека обмена веществ и конечностей. Прежде всего, мы можем наше внимание направить на то, что особенно бросается в глаза в этом члене человеческого существа. Мы можем направить внимание на то, что человек, поскольку он является чувственным существом, свою внешнюю жизнь осуществляет в земном бытии благодаря тому, что живущее в его конечностях он непосредственно связывает с внутренними переживаниями, кото-

рые я охарактеризовал по-отдельности, а именно внутреннее переживание ориентирования по трём направлениям пространства. Система конечностей человека до определённой степени включается в его внешние движения, в его ориентирование в мире в том, что является внутренним ориентированием в трёх названных направлениях. При ходьбе мы определённым образом включаем себя в переживание верха и низа. Во многом при осуществлении чего-либо своими руками или своими кистями, мы включаем себя в ориентирование вправо-влево. Ведь даже своим разговором, поскольку разговор является в человеке движением воздушного, мы включаем направление вперёд-назад, сзади-вперёд. Передвигаясь в мире, мы вставляем своё внутреннее ориентирование во внешний мир.

Давайте рассмотрим теперь реальный процесс относительно основанного лишь на иллюзии в одном определённом математическом случае. Это нечто полное иллюзии, нечто протекающее в чисто мыслительной схеме, когда я где-либо во вселенной нахожу некий пространственный процесс и затем как математик-аналитик продвигаюсь в этом пространственном процессе настолько

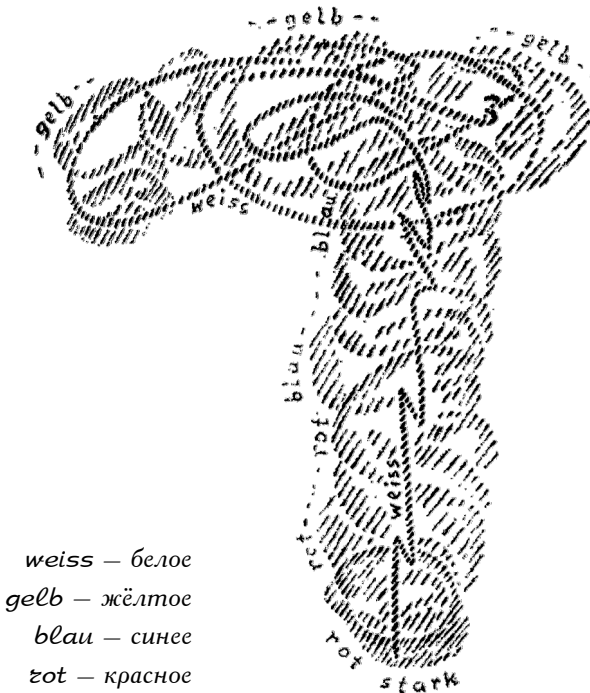
вперёд, что рисую три координаты обычной системы координат или же мыслю их, и теперь включаю какой-либо внешний процесс, происходящий в пространстве, в эту абсолютно сконструированную пространственную схему Декарта, Картезия. Ведь это лишь то, что, я бы сказал, разыгрывается здесь вверху через нервно-чувственную систему человека в области мыслительно-схематиче-

ского. К некоей связи человека с таким процессом в пространстве не пришёл бы, если бы в основе не лежало то, что совершаешь своими конечностями, совершаешь впрочем также всем своим

человеком, чтобы вставить себя в весь мир соответственно внутреннему ориентированию вверх-вниз, вправо-влево, вперёд-назад. Я знаю, когда иду вперёд, что с одной стороны я вставляю себя в верх и низ, чтобы оставаться вертикальным. Но я также знаю, что своим направлением движения я вставляю себя в направление назад и вперёд, а если я плыву и пользуюсь руками, то ориентируюсь внутри мира с помощью вправо-влево. Я вовсе не имею того, что лежит в основе вещей, когда я беру пространственную схему Картезия, абстрактную систему координатных осей. То, что разыгрывается между системой конечностей человека и миром, что вообще даёт ему впечатление реальности, когда он общается с пространственными вещами, я имею только тогда, когда я говорю себе, что там сверху в нервной системе головы возникает основанный на иллюзии образ чего-то, разыгрывающегося глубоко в подсознании, именно там, куда человек как раз не входит своим обычным сознанием. И вся математика, геометрия, извлечена из нашей системы движения. Мы не имели бы геометрии, если бы не вставляли себя в мир в соответствии с внутренним ориентированием. В действительности мы геометризуем, поднимая то, что разыгрывается в подсознании, вверх в основанную на иллюзии мыслительную схему. Поэтому нам кажется это чем-то таким абстрактно независимым. Это сейчас и есть то, что вступило в новое время. В то время, в которое математическое познание, математику мистики ещё ощущали ближе, тогда и математическое отношение к вещам было ещё чем-то человеческим. Что же за человеческое, наконец, содержится внутри, когда я нулевую точку, которую я лишь только мысленно установил где-то в пространстве, пересекаю тремя ортогональными направлениями, и эту пространственную схему совмещаю с неким процессом, который я воспринимаю в реальном пространстве? Ведь это совершенно чуждое человеку, это ведь нечто совсем нечеловеческое. Это нечеловеческое, которое вступило в новое время в математическое строение мысли, это нечеловеческое когда-то было человеческим. Но когда же это было человеческим?

Итак, я ведь показал вам собственно внешнее время, но из этого должно быть охарактеризовано ещё внутреннее этого. Когда же это было человеческим? Человеческим это было тогда, когда человек за своими движениями, за своим расположением, за своим внутренним ориентированием в пространстве внутренне ещё переживал не только: „Ты идёшь сзади вперёд и движешься, переживаешь своё равновесие вверх и вниз, и пожалуй образуеть другое равновесие с левым-правым”, — но как человек, кроме того, ещё чувствовал, что ведь в каждой такой ходьбе, в каждой такой геометрии внутри работает кровь. Когда я иду вперёд, ведь всегда, вместе с тем, присутствует деятельность крови. И что же существовало за деятельностью крови, когда я, будучи ребёнком, поднимался из горизонтального положения в вертикальное? За движениями человека, за переживанием мира через движения, которое ведь может быть и внутренним переживанием и когда-то было им, за этим стоит переживание крови. Ибо в самом незначительном и в самом большом движении, которое я переживаю, осуществляя их сам, лежит, конечно, переживание крови, которое с ним связано. Но сегодня именно кровь мы рассматриваем как то, что нам представляется, когда мы разбиваем голову и тогда вытекает красный сок, или когда мы подобным образом внешне убеждаемся в бытии крови. Но время, когда математика, математическое познание ещё были связаны с мистикой, когда переживание движения внутри, пусть даже сновидческое, было связано с переживанием крови — это время переживало кровь внутри. То есть, человек становился чем-то другим, когда он прослеживал, как кровь течет через его кровеносные сосуды в лёгких, в сравнении с тем когда кровь течёт через сосуды его головы. И он чувствовал продвижение крови при поднятии колена, при подъёме стопы и он внутренне ощущал себя, переживал себя в своей крови. Когда я высоко поднимаю ногу, кровь получает иной оттенок, чем когда я ставлю её на землю. Когда я тупо присутствую и лениво сплю, кровь имеет другой оттенок, чем когда через голову у меня проносятся мысли. Так весь человек внут-

ренне может становиться формой, становиться формой в различных оттенках, если за переживанием движения он имеет переживание крови. Представьте себе, что вы медленно идёте, шаг за шагом; вы увлекаетесь идти быстрее; вы загораетесь бежать; вы ловите в себе желание крутиться, всевозможным образом танцевать, и представьте, что вы должны бы, но не со своим современным абстрактным сознанием, а с внутренним пережи-

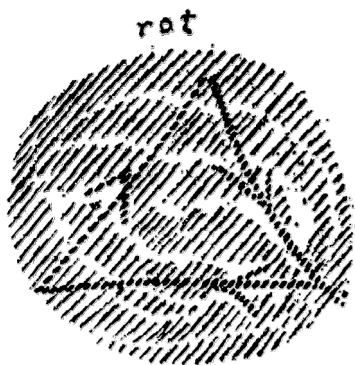

weiss — белое
gelb — жёлтое
blau — синее
rot — красное

ванием, вставить себя в пространство во все три ориентирования сначала совсем медленным способом, потом вы имели бы возникновение более быстрого, вы имели бы бег, вращение, танец, но при этом вы всегда имели бы соответствующее переживание крови. Сначала тот внутренний оттенок, который, конечно, вы можете переживать, всегда лишь ощущая, при медленной ходьбе. Во время бега, вращения, танца это было бы каждый раз иным, так

что, если бы вы хотели правильно нарисовать из внутреннего своё переживание движения, вы должны были бы, пожалуй, нарисовать следующее (рис. белая линия). Но теперь для каждого положения, в котором вы были во время этого переживания движения, вы нарисовали бы внутреннее переживание крови (красное, синее, жёлтое).

Первое переживание, переживание движения, о котором вы сказали бы, что переживаете его сообща с внешним пространством, так как вы непрерывно идёте из своего места. Второе переживание, которое я обозначил цветами, есть некое переживание времени, некое следование друг за другом внутренних интенсивных переживаний.

На самом деле, если вы теперь осуществите искусство бежать по треугольнику, то сможете даже получить внутреннее переживание как переживание крови.

Если вы бежите по четырёхугольнику, то получите другое переживание крови. То, что внешне является количественным, внешне геометрическим, внутренне в переживании крови является интенсивно качественным.

Это поразительно, чрезвычайно поразительно, когда догадываешься, что древняя математика совсем иначе говорит о треугольнике и четырёхугольнике. Когда видели внутри всякого рода таинственное, то это не некое таинственное, которое описывают современные туманные мистики, но это то, что некто примерно пережил бы внутри крови при треугольнике, если бы он обежал (abgelaufen) треугольник, что некто пережил бы внутренне в крови, если бы он обежал четырёхугольник. И это всецело то переживание крови, которое имеет силу в пентаграмме! Вы видите, что в крови вся геометрия по качеству становится внутренним переживанием. Мы возвращаемся в то время, которое поистине могло сказать: «Кровь — это особый сок»³⁴. Так как он, этот сок, переживается внутри, то он всасывает все геометрические образования и превращает их в интенсивные внутренние переживания. Но благодаря этому человек ведь и узнаёт сам себя. Он узнаёт, что означает переживать треугольник, что означает переживать четырёхугольник, что означает переживать пентаграмму, и он знакомится с проекцией геометрии на кровь и на свои переживания. Это когда-то было мистикой. Математика, математическое познание, не только находились ближе к мистике, но они вообще были наружной стороной движения, стороной конечностей для внутреннего переживания, для переживания крови. Вся математика для мистика давних времён из суммы пространственных образований превращалась в то, что переживается в крови, в ритмическом внутреннем переживании, но в сильном мистическом, ритмическом внутреннем переживании.

Можно сказать, что когда-то человек имел познание, которое он переживал, при котором он всецело присутствовал, и именно в тот момент, который я вам охарактеризовал, он утратил это присутствие своего собственного существования с миром, это присутствие при тайнах мира. Он вырвал себе математику из своего внутреннего. Он уже не имел переживания движения, но математически конструировал себе снаружи связь движений. Он больше не имел переживания крови. Вследствие этого кровь в своих рит-

мах стала для него вообще чем-то совсем чуждым, при этом в своём переживании крови он сам себе стал чужд. Представьте себе, что человек отрывает математику от своего тела, и она становится абстрактной. Он утрачивает понимание переживания крови. Математика уже не идёт в направлении внутреннего. И представьте себе это однажды как настроение души, которое когда-то возникло. Представьте себе, что душа прежде была настроена иначе, чем она стала настроенной позже, что прежде она была настроена так, что она искала связь между переживанием крови и переживанием движения, а впоследствии из этого полностью было выделено одно, полностью выделено математическое и геометрическое переживание, переживание крови уже не относили к собственному движению, это было утрачено. Представьте себе это действительно как историю, как настроение, вступающее в развитие человечества. Да, человек, живший прежде, был как математик ещё мистиком, который всего своего человека вставлял в мир, он должен был соразмерить космос с сущностью своего собственной движения. Он как человек измерял космос. Он жил внутри астрономии. Современный человек вставляет в космос систему координатных осей и удаляет сам себя. Древний человек при каждой геометрической фигуре ощущал некое переживание крови. Современный человек не ощущает никакого переживания крови, утратил связь со своим собственным сердцем, в котором центрированы переживания крови. Может ли кто-либо представить себе, что примерно в VII, VIII столетиях средневековья, когда ещё существовало настроение с переживанием движения как математического переживания и с переживанием крови как мистического переживания, что тогда кто-нибудь основал бы коперниканскую астрономию, просто вставил её в мир с некой системой координатных осей, отделил от человека? Нет, это стало возможно, только когда в развитие человечества вступило это особое настроение души. И вскоре после этого стало возможным нечто другое. Внутреннее переживание крови пропало. Время созрело теперь для внешнего физиологически-анатоми-

ческого возжигания движения крови в физическом теле человека. И вы имеете, таким образом, тот поворот в развитии человечества: с одной стороны, астрономия Коперника и, с другой стороны, раскрытие кровообращения *Гарвеем* (Harvey)³⁵, современником Бэкона, Гоббса, так как то созерцание мира с абстрактной математикой уже не может давать древние птолемеевские теории. Они в сущности связаны с человеком и с пережитой им математикой. Теперь переживают выделенное, вместе с выступающей в любой нулевой точке системой координатных осей. Теперь уже не имеют внутреннее переживание крови, теперь раскрыли физическую циркуляцию крови с сердцем в середине.

Так рождение естествознания вставило себя во всё развитие человечества, в его осознанные и неосознанные процессы, и только так, исходя из реального человеческого, понимают, что собственно произошло и что должно здесь существовать в новое время, чтобы вообще могло возникнуть для нас сегодня такое само собой разумеющееся естествознание, чтобы каждому могло прийти на ум делать примерно такие исследование, какие проводили для открытия Гарвеем кровообращения. Это, мои уважаемые присутствующие, я продолжу завтра.

Четвёртый доклад

Дорнах, среда, 27 декабря 1922 года

Вчера я пытался показать, как древнее человеческое воззрение, из которого и произошло современное естественнонаучное воззрение, было ещё связано с качественным и, я бы сказал, также фигурным математикой, также математикой, поскольку она является геометрией, как, стало быть, она, кроме того, связала количественное с качественным. Так что можно оглядываться на мировоззрение, переживанием которого был, скажем, не только треугольник или какое-нибудь другое геометрическое образование — безразлично, подразумеваешь ли под этим геометрическим образованием некую границу тела или подразумеваешь форму траектории движения тела, — но, кроме того, видишь такое геометрическое образование или даже арифметическое образование, которое также внутренне связано с чем-то интенсивно качественно пережитым, например, треугольник, следующий из определённого переживания, четырёхугольник, следующий из определённого переживания.

Это воззрение сначала могло преобразоваться в другое, когда утратили сознание того, что всё количественное, то есть также всё математическое, человек первоначально всё-таки переживал непосредственно в связи с миром, когда пришли к тому, чтобы отделить это количественное от человечески пережитого. И мы ведь можем точно зафиксировать это отделение как раз тогда, когда каждое пространственное восприятие как что-то, внутри чего находится сам человек, сегодня обычно заменяется схематическим пространственным восприятием, когда из любого места выбирают исходную точку, через которую просто проводят координатные оси. Математическое в форме, в какой имеют его сегодня и в какой хотят через него овладеть так называемыми при-

родными явлениями, возникло в этой форме недавно, после того как его отделили от человеческого. Если бы я хотел выразить это более образно, то должен был бы сказать: В древние времена человек ощущал математическое как нечто, что он переживал в себе самом вместе со своими богами или со своим богом, благодаря чему бог приводил мир в порядок, и не стоило удивляться в отношении того, что мир действительно находили в этом порядке. Зато отношение всецело произвольной пространственной схемы или иного математического к явлениям природы, несмотря на то, что это можно идентифицировать с существенным в этих так называемых явлениях природы, это отношение абстрактно-математического к явлениям природы есть нечто, что не может как-либо точно соединиться с человеческими переживаниями и поэтому, собственно говоря, не просматривается, но в крайнем случае может быть констатировано. Поэтому в действительности это и не может быть предметом познания. По сути дела, об этом применении математики к явлениям природы можно всегда лишь сказать, что обнаруживаешь, что продуманное только математически к явлениям природы потом не подходит. Но почему это так происходит, уже не найдёшь внутри этого мира представлений.

Вернёмся мысленно в тот мир представлений, о котором я говорил вам в эти дни, где всё телесное считалось отображением духовного. Тогда смотрели на тела и находили в телах отражение духовного. Затем смотрели назад на себя самих, на то, что через свою собственную телесную конституцию находишь в соединении со своим божественным как математическое³⁶. И точно так же, как в произведении искусства какого-либо художника находишь отображение его идей, не имея при этом чего-то неразгаданного, так и в телах обнаруживаешь математическое отображение того, что пережил вместе со своим божественным, потому что ведь сами эти тела снаружи в природе являются отображениями божественно-духовного. Итак, нечто агностическое вошло в силу необходимости во всё понимание уже в тот момент, когда человек

выделяет математику и потом всё-таки относит её к некоей телесности, которая уже не является отображением духа.

Рассмотрим вопрос применительно к чему-то конкретному, применительно к первому явлению, которое выступает нам навстречу после рождения естественнонаучного способа мышления, рассмотрим вопрос применительно к системе Коперника. Сегодня и вообще в этих докладах я не занимаюсь защитой древней системы Птолемея или защитой системы Коперника. Здесь я прежде всего, излагая только исторически, выступаю ни на стороне одного, ни на стороне другого, а имею дело только с фактом, что система Коперника пришла на смену птолемеевой. Итак, из того, что я скажу сегодня, никто не должен делать вывод, что я хотел выступить за древнюю птолемееву систему против системы Коперника. Но в отношении исторического становления надо сказать следующее. Переместимся назад в то время, когда человек переживал своё собственное ориентирование в пространстве — вверх-вниз, вправо-влево, вперёд-назад. Он мог их переживать только в связи с Землёй. Он мог, например, верх и низ в себе самом переживать лишь в связи с направлением силы тяжести. И он переживал вправо-влево, вперёд-назад в связи со странами света, по которым ведь ориентирована сама Земля. И он тоже переживал вместе с Землёй это ориентирование, чувствуя себя твёрдо стоящим на Земле. То есть человек не только со стороны своих мыслей был чем-то, что начинается у его головы и заканчивается у подошв его ног, но человек, сверх того, переживал себя как нечто, через что проходит сила тяжести, которая должна что-то делать с его существом, но которая не прекращается у подошв, так что он, чувствуя себя внутри бытия силы тяжести, ощущал себя составляющим одно целое с Землёй. Благодаря этому для его конкретного переживания была дана исходная точка его целого космического рассмотрения с помощью Земли. Но этим для него было и оправдано построение птолемеевой мировой системы. Только в тот момент, когда человек отделил математическое построение от себя самого, была дана возможность отделить астро-

номическую систему также и от Земли и основать, имеющую свой центр на Солнце. Человек сначала должен был утратить древнее переживание в себе, чтобы допускать центр системы вне земного. И так, восхождение системы Коперника из внутреннейшего связано со всем преобразованием в душевном настроении цивилизованного человечества. Возникновение современного естественнонаучного мышления вовсе не может быть вырвано из душевного настроения и состояния духа человека, но должно рассматриваться в связи с ними.

Это ведь вполне естественно, что, когда высказываешь такие вещи, они кажутся абсурдными прежде всего современникам, которые верят современному воззрению на природу с гораздо большей силой, чем когда-то верили древние приверженцы религии в свои догмы. Но, чтобы суметь правильно оценить естественнонаучный способ мышления, — именно благодаря этому, как мы увидим в ходе этих докладов, оно становится более ценным для познания мира, чем его считают агностики, — его надо извлечь из совокупности человеческого душевного настроения и из развития его самого.

Итак, когда-то было дано это коперниково мировоззрение, это вынесение космического центра из земного на Солнце. И этим на самом деле в сущности было дано всё космическое мыслительное сооружение *Джордано Бруно*³⁷, который родился в 1548 году и был сожжён в Риме в 1600 году. Джордано Бруно появляется, можно сказать, как прославляющий именно современное воззрение на природу, относящееся к Копернику. Надо быть всецело пронизанным пониманием необходимости возникновения этого образа мира, чтобы вообще почувствовать нечто из всего способа, в особенности по стилю, тону, каким Джордано Бруно говорил и писал. Однако надо заметить, что в своих сочинениях Джордано Бруно говорил в некотором смысле совсем иначе, чем и сторонники нового, и последователи старого, донныне употребительного естественнонаучного способа изложения. Можно сказать, Джордано Бруно говорил собственно вовсе не математически, он гово-

рил о вселенной скорее лирически. Можно найти нечто музыкальное в том способе, каким Джордано Бруно, часто увлекая, облакал в слова современный способ воззрения на природу. Почему это так? Это происходит по той причине, что на самом деле Джордано Бруно всем своим внутренним существом коренился собственно в древнем ощущении мира, а своим внешним рассудком высказывал: Так как теперь в развитии человечества возникли эти вещи, мы вовсе не можем иначе, кроме как признать образ воззрения Коперника. Он понимал как раз необходимость, которая была дана человечеству через развитие во времени. Но, я бы сказал, в действительности этот коперников образ мира подошёл к нему не как выработанный им самим, но как нечто, что было ему дано, что он нашёл подходящим для современников. Но именно потому, что он принадлежал своим нутром древнему ощущению мира, он и не мог ничего другого, кроме того, что он должен был познавать, что должен был признать в качестве познания, чтобы пережить внутри. Он ещё имел внутреннее переживание. Научного формирования этого внутреннего переживания он ещё не имел. И таким образом, он прослеживал ход мыслей коперниковой системы, которую он так удивительно представил, собственно не так, как её прослеживали Коперник, Галилей или Кеплер, или другие, или даже Ньютон, но он прослеживал её так, что пытался теперь это тоже сопережить в старом роде, когда в себе самом сопереживаешь весь космос. Но математика для сопереживания космоса старым способом должна одновременно быть мистикой, как я вчера изложил, должна быть одновременно внутренним переживанием. Она не могла быть такой для Джордано Бруно. Время для этого миновало. И таким образом сопереживание, по сути, не стало познающим сопереживанием, оно стало поэтическим сопереживанием или, по крайней мере, наполовину поэтическим переживанием. Это даёт джордановым сочинениям их стиль. Атомизм является ещё некой монадологией, атом у него ещё является чем-то живым. Сумма космических законов имеет ещё нечто душевное, но не потому что в духе древне-

го мистика он действительно по-человечески до глубины в мельчайшем пережил бы душевное или пережил бы математическую закономерность космоса как интенцию духа, но потому, что он поэтически поднялся, чтобы тем, что стало внешним, и могло быть однажды дано только внешне, восхищаться и в восторге прославлять подобно научному. В личности Джордано Бруно действительно есть нечто подобное краеугольному камню обоих мировоззрений, современного, которое входит в XV столетии, и того, о котором человек едва ли сегодня имеет какое-то понятие и в котором человек ещё определённым образом переживал всё, являющееся космическим, так что он ещё не имел какой-либо разницы между субъектом в себе и космическим объектом снаружи, что оба в действительности ещё сходились, и человек ещё не говорил, отделив от своего собственного ориентирования в собственном теле «вверх-вниз, вправо-влево, вперёд-назад», о трёх пространственных измерениях.

У Коперника это было пока астрономическое, которое он уже пытался постичь с помощью отдельно мыслимого математического. У Ньютона³⁸ математика выступает уже совсем сама по себе — я сейчас подразумеваю не отдельные математические производные, но вообще математическое мышление, однако в обособлении от человеческого переживания. Собственно Ньютон — пожалуй, в главном надо описывать всегда радикальные моменты, можно многое возразить против того, что я описываю, так сказать, в переломные моменты (Eckpunkten), но это не меняет дела, — Ньютон является примерно первым, кто приступил к рассмотрению природных явлений с помощью выделенного математического способа мышления. И благодаря этому Ньютон, как в некотором роде последователь Коперника, стал подлинным основателем современного естественнонаучного способа мышления.

Теперь интересно, как цивилизованное человечество в это ньютоново время и в то время, которое следует за ним, занято тем, чтобы справиться с неслыханным поворотом, который произошёл в душевном настроении от древнего математико-мисти-

ческого способа воззрения к новому математико-естественно-научному способу воззрения. Умы в действительности с трудом могли справиться с этим огромным поворотом. Это становится особенно ясным, когда всматриваешься в те детали, в те задачи, с которыми борется та или иная личность. Возьмём Ньютона, когда он изображает свою систему природы посредством того, что пытается привести природу в связь с математикой, выделенной из человека, и мы обнаружим, что он предполагает, например, время, место, пространство, движение. В своих принципах философии природы он говорит: Место, время, пространство, движение мне не стоит объяснять³⁹, ибо они собственно известны каждому человеку. Каждый человек знает, что есть время, есть пространство, есть место и есть движение, и таким образом в пределах математического объяснения мира я использую именно такие понятия пространства, времени, места и движения, какие я беру из тривиально-популярного способа воззрения. Не всегда происходит так, что люди своим сознанием полностью охватывают то, что они высказывают. Даже в жизни крайне редко бывает, что человек действительно своим сознанием проникает во всё то, что он высказывает. Впрочем, у великих умов этого не происходит. И Ньютон, собственно говоря, не знает, почему он за исходные точки берёт место, время, пространство и движение и не объясняет как-либо, не даёт каких-либо определений, в то время как при всех следующих выведениях он потом, разумеется, приходит к тому, чтобы всё объяснить, всё определить. Почему это так? Так вот, происходит это по той причине, что в отношении места, времени, движения и пространства никакая рассудительность и никакое мышление не помогают. Ибо никогда ни через какое мышление о месте, времени, пространстве и движении не становишься умнее, чем в самом начале, когда воспринимаешь именно эти понятия, эти представления в обычной жизни. Представления являются именно такими, что их переживаешь благодаря своей непосредственной, я бы сказал, обычной человечности и должен сохранять их такими, какими их получаешь. Одному после-

дователю Ньютона, который, разумеется, был больше деятелен в философской области, но являлся как раз чрезвычайно характерным для периода борьбы во время возникновения естественнонаучного способа мышления, так вот одному из последователей Ньютона, Беркли⁴⁰, это особенно сильно бросалось в глаза. Кроме того, он был недоволен Ньютоном, об этом мы ещё услышим, но особенно ему бросилось в глаза, что Ньютон кладёт в основу эти понятия, не объясняя их, что он говорит: „Я исхожу из места, времени, пространства и движения и не определяю их, но в основу их я кладу свои математические естественнонаучные рассматривания”. Беркли сказал⁴¹: „Это необходимо делать так. Надо взять эти понятия, как их имеет самый простой человек, ибо здесь они всегда ясны. Неясными именно эти понятия о месте, времени, движении и пространстве становятся не вне переживания, но неясными они становятся в головах метафизика и философа. Если обнаруживаешь эти четыре понятия в жизни, то они понятны — так думает Беркли — если же обнаруживаешь их в головах метафизиков и философов, они всегда непонятны”.

И происходит уже так, что размышлению об этих понятиях, которые хотят быть только пережитыми, ничто не помогает. Это всё-таки следует почувствовать. Поэтому Ньютон только тогда начинает жонглировать математически, когда эти понятия нужны ему для объяснения мира. Вот тогда он и жонглирует этими понятиями. Этим я вовсе не хочу сказать ничего неприятного, но хочу лишь охарактеризовать, скажем, живые возможности Ньютона. Одним из этих понятий, которые так применяет Ньютон, является пространство. Он действительно сначала манипулирует с пространством так, как — тут мы воспользуемся обывательским выражением — именно простолюдин представляет себе пространство. И внутри этого всё ещё лежит нечто от пережитого. Ибо представлять себе пространство математики Картезия — это, если самого себя не вводишь в заблуждение иллюзиями, вносить именно с мышлением некий род круговорота, некий род вертячки, ибо это то пространство, которое имеет свой центр, свою началь-

ную точку координат где угодно, это пространство, имеющее нечто такое неопределённое. Можно, например, остроумно, не получая при этом что-либо, спекулировать о том, бесконечно ли это пространство или нет, между тем как связанное ещё с человеческим обычное ощущение пространства, вот уж реально не заботится о конечности или бесконечности. Не интересуется этим. Впрочем, это в высшей степени интересно для одного лишь живого мировоззрения — можно ли представлять пространство конечным или бесконечным. Так что можно, стало быть, сказать, что Ньютон принимает обычное пространство таким, каким он его находит. Но вот он начинает математизировать. Но уже из-за особого своеобразия мышления в его эпоху он имеет выделенную математику, кроме того, выделенную геометрию и, понижывая математикой пространственные природные явления и процессы, он понижывает их некоей выделенной математикой. И благодаря этому он полностью отрывает сами природные явления от человека. И на самом деле в этой ньютоновой физике мы впервые встречаем, собственно, полностью оторванные от человека представления природы. Стоит нам только вернуться в прежние времена, как мы обнаружим, что нигде представления о природе так не оторваны от человека, как они оторваны в ньютоновой физике.

Если мы обратимся к одному мыслителю — этих людей едва ли можно называть мыслителями, потому что они имели ещё гораздо более живую внутреннюю жизнь, чем голая жизнь мыслей, но мы всё-таки скажем, пользуясь современным выражением, что обратимся к одному мыслителю IV-V столетия после Р.Х., — то мы обнаружим, что его воззрение непременно таково: я живу, я переживаю пространство вместе со своим богом. Я направляю себя в пространстве по своим вверх-вниз, вправо-влево, вперёд-назад, но я в этом пространстве живу вместе со своим богом. Он обозначает направления, а я переживаю эти направления. Так это было у такого мыслителя III-IV столетия после Р.Х., а также ещё несколько позже — иным это собственно стало только в XIV столетии — так что человек, мысля геометрически о пространстве,

по сути дела, не просто обозначал треугольник, но он осознавал: „Ты изображаешь, как человек, но в тебе живёт бог, который тоже изображает”. — Следовательно, он обозначал своё пережитое качественное и одновременно качественное, перенесённое в него от бога, так что повсюду вовне, когда созерцали математику, созерцали интенции бога.

Теперь математика отделена. Забыли, что математика сохранена собственно как инспирированная богом. И Ньютон в пространственном рассмотрении использует математику полностью таким выделенным образом. Когда он описывает свои принципы математического естествознания, он просто приступает к этому и использует эту выделенную математику, то есть конструирует пространство, которое он не определяет, потому что имеет об этом смутное чувство: если начнёшь определять пространство, то из этого ничего не получится. — Итак, он берёт обычное понятие пространства, но обрабатывает его выделенной математикой, вырывает его из внутреннего переживания. Так он говорит о принципах природы. Позже у Ньютона это несколько углубилось. Это интересно. Здесь — это можно очень хорошо увидеть, когда знакомишься с сочинениями Ньютона — ему становится, я бы сказал, нехорошо в том случае, когда он присматривается к своему собственному рассмотрению пространства. Позже он никак не может выносить это вырванное из человека пространство, это совершенно чуждое духу пространство. И тогда он даёт определение: Пространство — это центральный орган чувств (Sensorium) Бога⁴². Это чрезвычайно интересный факт, что тот человек, который в начале нового естествознания сперва полностью отделил пространство от человека, полностью математизировал, что потом он это пространство всё-таки определяет как центральный орган чувств Бога, то есть некий род воспринимающего органа мозга (Gehirnwahrnehmungsorgan) Бога. Ньютон разорвал природу в пространстве и человеке, который переживает пространство, но ему стало тяжело внутренне, когда теперь он рассматривал уже оторванное от человека пространство, которое

прежде человек переживал вместе со своим Богом, так что теперь он мог себе сказать: То, что переживает в пространстве мой человеческий центральный орган чувств, я переживаю вместе с моим Богом; Ньютону стало тяжело, когда он теперь вырвал пространство из человеческого центрального органа чувств. Этим он вырвал сам себя из преисполненности существования с божественно-духовным. Пространство существовало теперь вместе с математикой снаружи. И вот позже он рассматривает его как центральный орган чувств Бога. Правда, сначала он разорвал целое. Благодаря этому оно стало недуховным и небожественным. Но в Ньютоне ещё слишком сильно ощущение, что он всё-таки не может оставить пространство небожественным, и таким образом он его снова обожествляет.

Так человек научно оторвался от своего Бога, этим оторвался от духа и всё-таки внешне снова принял допущение этого духа. В том, что произошло благодаря этому, лежит также объяснение того, что такая личность, как например Гёте, не могла идти вместе с Ньютоном⁴³ по сути дела ни по одному пункту. В учении о цвете это лишь обнаруживается в особенно характерном вопросе. Но весь этот способ — сначала выбросить духовное из человека, сначала отделить его от человека — противоречит всему существу Гёте. Гёте с самого начала имел чувство того, что человек должен переживать всё, даже то, что является в нём космическим, что для трёх измерений само космическое до известной степени является только продолжением переживания во внутреннем человека. Итак, Гёте был глубочайшим противником Ньютона.

Беркли, который жил позже Ньютона, но, разумеется, всецело принадлежал ещё периоду борьбы, которая развернулась вокруг восхождения естественнонаучного способа мышления, Беркли, как я сказал, был удовлетворён тем, что Ньютон принял тривиальное воззрение о месте, пространстве, времени и движении, но в остальном он не был согласен ни со всем восходящим естественнознанием, ни, прежде всего, с объяснением природных явлений. Ибо он ясно понимал по этому поводу, что такую природу, кото-

рая полностью отделена от человека, в действительности ведь совсем нельзя переживать. Это заблуждение, если думаешь, что её переживаешь. — Поэтому Беркли допустил, что тел, лежащих снаружи в основе чувственных восприятий, в действительности вовсе нет, но реальность пронизывает духовно, и что мир, как он является нам, даже тогда, когда он нам является телесно, есть только откровение некоего вседуховного. У Беркли эти вещи очень сильно выступают в форме утверждений, ибо он, собственно, уже ничего не имеет от древней мистики и ещё менее от древней пневматологии. В действительности у него нет никаких оснований утверждать это вседуховное. Он утверждает его, больше исходя из догмы своей религии, но он его только утверждает и утверждает с такой силой, что всё телесное становится для него неким откровением духовного. Так что у него нет никакой возможности сказать: „Я воспринимаю где-то некий цвет, и позади этого цвета есть колебательное движение, которое я не воспринимаю”. — как это вполне законно делает современное созерцание природы, но Беркли сказал себе: „Я не могу принимать как гипотезу что-либо, что имеет лишь какое-то телесное свойство, как вибрирующая материя. То, что лежит в основе физического мира явлений, я должен переживать духовно, так что позади восприятия цвета как первопричина этого восприятия цвета существует только духовное, которое я только и переживаю в себе, если я себя осознаю как дух”. — Беркли несомненно является спиритуалистом, как это слово используется внутри немецкой философии. Так что в действительности Беркли, я бы сказал, хоть и из догматических оснований, но с определённым правом выступает с бесчисленными возражениями против допущения природы, над которой можно математизировать с помощью математики, вырванной из непосредственного переживания. Рассматривая весь космос по сути как духовное, он также и математику рассматривает как нечто, что формируется, создаётся вместе с духом космоса, так что в действительности намерения духа космоса переживаешь, поскольку они сформированы математически,

однако так, что внешним образом математическое к телесности не приложишь.

С этой точки зрения Беркли становится также противником того, что стало математическим для Ньютона и одновременно для Лейбница⁴⁴: дифференциальное и интегральное исчисления. Пожалуйста, не поймите меня ложно и в этом вопросе. Сегодняшний доклад в пределах этой серии докладов может быть сформирован уже так, что, когда находишься внутри воззрений современности, он по многим пунктам содержит уязвимые места. Но благодаря следующим докладам для того, кто хочет быть непредвзятым, эти уязвимые места исчезнут. Но я хотел бы именно сегодня тему, которой мы занимаемся, представить довольно радикально.

Беркли становится противником исчисления бесконечно малых величин⁴⁵, насколько оно тогда было известно. Несомненно, он является противником того, что является здесь непереживаемым, и в этом отношении Беркли имеет для вещей чутьё порой более тонкое, чем мысли, которые у него были довольно тонкими. Его чувства, его ощущения тоньше, чем его мысли. Он ощущает, как появление исчисления бесконечно малых приводит к мысленно воспринимаемым величинам такие, именно дифференциалы, которые достигают некоторой определённости только в производных, дифференциалы, которые по сути дела должны составляться таким образом, что они до известной степени всегда выскальзывают из мышления, что мышление не вмещивается в их полную обоснованность. Для Беркли это есть нечто, с чем он одновременно лишается реальности, так как он придерживается переживаемого во всём познании, то он не может позволить математическим представлениям ускользнуть в неопределённость дифференциалов.

Что же мы собственно делаем, когда ищем, скажем, дифференциальные уравнения для явлений природы? Этим мы повсеместно указываем на то, что исчезает из нас за переживаемым. Ну, разумеется, я знаю, что большое число уважаемых слушате-

лей, когда я это характеризую, не может полностью следовать за мыслью, но, с другой стороны, я тоже не могу характеризовать здесь всю природу исчисления бесконечно малых. Но всё-таки на кое-что я хотел бы обратить ваше внимание, потому что именно это приводит к рассмотрению рождения современного естествознания.

Это современное естествознание, проделав путь овладения природными явлениями с помощью математики, но уже не с помощью внутренне пережитой математики, а с помощью математики, выделенной из человека, и перейдя именно к своему выделенному математическому воззрению, приходит со своими вырванными из человека понятиями к тому, чтобы рассматривать лишь только мертвое; выведя математику из переживания, её можно применять лишь только к мёртвому. Невозможно применять математику к чему-то, кроме мёртвого, после того как её вырвали из переживания. И таким образом именно посредством математического способа рассмотрения современное естествознание указывает исключительно на мёртвое. Но во вселенной мёртвое обнаруживается в разрушающемся, в разлагающемся на атомы, в ускользающем в микроскопические мельчайшие части, или грубо выражаясь, обнаруживается при распаде в пыль. Этот путь и принимает современный естественнонаучный образ мыслей. Вырванной из переживаемого математикой он охватывает расплывающееся в космосе, разлагающееся на атомы. С этого момента времени наступает возможность распылить на дифференциалы само математическое, так что с каждым видом дифференциального уравнения, с каждым дифференциальным рассмотрением, пусть даже хочешь пронизать им самое живое образование, убиваешь живое в представлении. Дифференцировать значит убивать, а интегрировать значит сшивать мёртвое в одну схему, снова соединять дифференциалы в одно целое. Вследствие этого они не становятся живыми, если они были вначале убиты, вследствие этого получаешь лишь мёртвый призра́к — больше ничего живого.

Примерно так представилась Беркли вся перспектива того, что должно здесь возникнуть через исчисление бесконечно малых. Если бы он высказался конкретно наглядно, то, пожалуй, он бы сказал: „Сначала вы убиваете весь мир, дифференцируя его, потом свои дифференциалы снова соединяете в интегралы, но уже никакого мира не получаете, а только слепок мира, иллюзию мира”. — Каждый интеграл в отношении своего содержания есть собственно иллюзия — это Беркли уже ощутил, — так что в действительности дифференцирование означает умерщвление, а интегрирование — собирание костей и пыли, чтобы снова соединить старые формы умерщвлённого существа, благодаря чему они однако не становятся живыми, но являются только мёртвыми схемами. Можно сказать, что такое ощущение у Беркли было несовременным. То есть оно было даже вполне достоверным, ибо образ мыслей, который так выходит вперёд, должен был прийти, и тот, кто, возможно, хотел бы сказать, что якобы не должно прийти никакое исчисление бесконечно малых, тот, разумеется, был бы не научным мыслителем, а глупцом. Но, с другой стороны, в свою очередь должно быть ясно, что в исходной точке всего этого мирового течения всё-таки постижимо нечто такое, как ощущение Беркли. Его охватывал ужас перед тем, что он ощущал от прихода бесконечно малых в рассмотрение природы, которое уже не было рассмотрением того, что считалось природой, что связано со становлением рождения, но рассмотрением того, что в природе всегда умирает.

Прежде это ведь никогда не рассматривали, это было вовсе неинтересно. Прежде рассматривали возникающее, восходящее; теперь рассматривают увядающее и, наконец, расплывающееся. Теперь стремятся к созерцанию атомизма. Раньше они стремились к непрерывному в существах. Так как живое в мире, которое дано нам вначале, конечно, не может не умирать, ибо живое должно умирать, то мы должны находить в мире и мёртвое, должны также постигать мёртвое. Это означает, что должна была прийти наука о мёртвом. Она уже была необходима. И эпоха, о

которой мы здесь говорим, является как раз эпохой, в которой человечество созрело для рассмотрения этого мёртвого. Но необходимо только представить себе, как это действует против всего ощущения у того, кто, как Беркли, жил ещё целиком в прежнем.

Итак, сегодня мы несомненно находимся ещё внутри последствий того, что родилось тогда. Мы пережили как раз триумф той естественнонаучной работы, перед которой каждый, подобный Беркли, содрогался от ужаса. Мы пережили триумф; мы переживали всеобщее господство ньютоновых представлений пока в современной теории относительности⁴⁶ эти представления Ньютона не были несколько преобразованы. Тогда реакция Гёте против этого, по сути дела, не проявлялась, и, чтобы правильно понять, что же здесь происходило, надо, кроме того, вернуться к исходным моментам и заметить, как всё-таки ужасались духи, которые ещё имели живое переживание прежнего, или как они ещё сохраняли в силе другие ощущения, подобные прежним.

Джордано Бруно ужасало, что рассматривать мёртвое должны теперь действительно как мёртвое — рассматривать с помощью чисто математического способа рассмотрения. Он переживает атомы как монады, он поэтизирует математический способ рассмотрения. Ньютон вначале продвигается полностью математически. Потом ему, я бы сказал, становится тяжело, и только когда он целиком с помощью внешней математики вырвал из человека пространство, он делает пространство центральным органом чувств Бога. Беркли отвергает весь способ рассмотрения, который возникает здесь, и этим как радикальный дух он одновременно отвергает всю тенденцию бесконечно малых.

Но сегодня мы находимся внутри того, что Джордано Бруно стремился описывать только поэтизируя, того, что для самого Ньютона стало несколько неудобным, того, что Беркли полностью отрицал. Если мы мыслим естественнонаучно в современном духе, то, может быть, серьёзно отнесёмся к сказанному Ньютоном, что пространство есть Sensorium Бога? Так сегодня ведь всегда допускается рассматривать умы, у которых хочешь

удержать то или иное, именно как великие умы, но когда у них что-либо не подходит, вот тут чувствуешь себя неслыханно возвышенным над этим и думаешь: ну что ж, в данный момент, он был тогда, небось, ещё не так умён, как я сам. Так делают ведь и те, кто держит *Лессинга*⁴⁷ за необыкновенно гениальную личность, но после этого с определённой снисходительностью рассматривают то, что он в конце своей жизни пришёл к убеждению о повторяющихся земных жизнях человека.

Но именно потому, что в современности мы вовсе не можем ничего иного, кроме как объясняться с помощью представлений, которые возникли здесь, мы должны возвращаться к своей исходной точке. Ибо дело действительно в том, что после того как математика теперь вырвана из человека и природа постигалась через эту вырванную математику, что вся природа отделена от человека, и речь идёт о том, чтобы мы снова справились с тем, чтобы найти себя в этой природе, каким-то образом найти. Ибо мы не придём к беспрекословному постижению духовного раньше, чем снова не найдём в природе дух. И так же, как само собой разумеется, что живой человек как физический земной человек однажды становится мёртвым, так было и само собой разумеющимся, что однажды в развитии человечества из прежних рассмотрений живого должно было выступить рассмотрение мёртвого. И определённые вещи, которые можно познавать именно только в мёртвом теле, не может познать тот, кто не хочет исследовать мёртвое тело, но может только тот, кто его исследует. И определённые мировые тайны могут быть обнаружены только тогда, когда люди в состоянии серьёзно принимать естественнонаучный способ мышления нового времени.

Позвольте мне в заключение одно наполовину личное замечание⁴⁸. На том основании, что этот естественнонаучный способ рассмотрения нового времени следует принимать серьёзно, я никогда не был противником этого образа мыслей, но рассматривал его как нечто, что с необходимостью входит в наше время. И я часто должен был высказываться как раз в отношении работ того

или иного учёного или так называемого учёного, из которых при правильном рассмотрении может выявиться то, что можно обнаружить благодаря тому, что к мёртвому подходишь свободным от предрассудков. Но тогда это найденное таким образом ложно истолковывали. Я обращался против таких ложных толкований естественных наук. И как раз при таком удобном случае я хочу решительно подчеркнуть, что я хотел бы быть понятым отнюдь не как противник какого-либо естественнонаучного направления, и я ощутил бы это как наносящее вред всему антропософскому стремлению, если бы неправильный антагонизм возник бы между тем, что ищет на духовном пути антропософия, и тем, что должно с необходимостью искать в своей области естествознание, исходя из духа нового времени, если я могу применить здесь слово дух.

Я недвусмысленно это упоминаю, мои глубокоуважаемые присутствующие и дорогие друзья, потому что внутри нашего антропософского движения должна безусловно утвердиться здоровая дискуссия об антропософии и естествознании. Всё то, что в этом отношении идёт по ложному пути, может в очень значительной мере только вредить антропософии. Этого собственно следовало бы избегать. Я вынужден здесь упомянуть об этом, потому что всё-таки в последнее время, как я увидел при подготовке этих докладов, дискуссия по поводу атомистики в антропософском журнале («Die Drei») полностью загнана в тупик, из которого она снова должна выйти. Ибо мы не пойдём дальше, если продолжим таким образом вести все эти вещи к тупику. Поэтому, мои глубоко уважаемые присутствующие и дорогие друзья, я хотел бы во все не скрывать это, но вполне определённо высказать, что полемику о том, о чём по поводу атомистики в «Drei» я должен понимать как нечто, чем окрашивается всё отношение антропософии и естествознания, чтобы прийти к тупику. Моя задача сохранить антропософию в жизни, и всегда, когда я сам вынужден быть одинок, я должен выступать в антропософии тоже ради этой жизни, а не ради приведения в тупик. Поэтому я тоже не могу молчать, когда мне навязывают подобные остроумные замечания,

и поэтому я и буду пытаться, именно в этих докладах, вводить в жизнь то, что уже снова угрожает зайти в тупик, а именно рассмотрения об антропософии и естественнонаучном способе мышления. — Но об этом продолжим завтра.

Пятый доклад

Дорнах, четверг, 28 декабря 1922 года

Отделение человеческих идей от непосредственного человеческого переживания, как это показано раньше, в особенности математических идей, оказалось самым примечательным признаком того духовного развития, из которого вышел естественнонаучный способ мышления нового времени. Только представим перед душевным взором ещё раз, как это происходило.

Мы оглянулись назад на старые времена, когда человек определённым образом переживал сообща с миром то, что, познавая, он мог с ним улаживать, когда человек внутренне переживал своё тройное ориентирование вверх-вниз, направо-налево, вперёд-назад, но когда это ориентирование он, однако, переживал не так, что приписывал его только себе, но он чувствовал себя внутри мирового целого, так что его вперёд-назад одновременно было — первым, вверх-вниз — вторым и направо-налево — третьим измерениями пространства. То, что он представлял в сознании, он переживал сообща с миром. Поэтому в его существе и не было никакой неуверенности, когда ему следовало применять к миру свои понятия и идеи. Эта неуверенность появилась как раз только с современной цивилизацией, и мы видим, как эта неуверенность медленно вступает во всё современное мышление, и видим, как среди этой неуверенности развивается естествознание. Надо только непременно уяснить себе этот факт.

Покажем себе существующее тогда посредством отдельных конкретных примеров. Возьмём такого мыслителя как Джон Локк⁴⁹, который жил на рубеже XVII и XVIII столетий и который в своих сочинениях по поводу естественнонаучного воззрения представил, конечно, то, что мог сказать о мире современный мыслитель своего времени. Джон Локк всё то, что человек вос-

принимает в своём окружении, разделяет на две части⁵⁰. Он разделяет признаки тел (Körper) на так называемые первичные признаки и вторичные. Первичные признаки — это те, которые он не может предназначать ничему иному, кроме самих вещей: форма, расположение, движение. Вторичные признаки — это те, о которых он имел воззрение, что снаружи они собственно не принадлежат к телесным вещам, а только представляют собой воздействие этих телесных вещей на человека. К этим признакам вещей принадлежат, например, цвет, звук, тепло как воспринимаемое тепло, переживание тепла. Джон Локк говорит: Когда я слышу звук, то вне меня существует колеблющийся воздух. Эти движения в воздухе, которые приходят от побудившего звук тела и распространяются вплоть до моего уха, благодаря мне могут быть представлены неким описанием. Форму, которую, как сказано, получают волны в колеблющемся воздухе, я могу представить себе через пространственные фигуры, могу вообразить их себе в их течении во времени, то есть как движение. То, что происходит здесь в пространстве, что в вещах является формой, движением, определением места — это твёрдо существует в мире. Однако всё то, что существует в мире и что принадлежит к первичным признакам — это безмолвно, это беззвучно. Свойство звука, вторичный признак возникает только тогда, когда воздушная волна ударяет в моё ухо и является тем своеобразным внутренним переживанием, которое я несу в себе именно как звук. Так же происходит и с цветом, который теперь просто смешивают со светом. Здесь в мире должно существовать нечто, что некоторым образом является телесным, что как-то имеет форму и движение и что осуществляет на меня некое воздействие через мои глаза и потом становится переживанием света или скорее переживанием цвета. Точно так же это существует и у других вещей, которые предстают нашим чувствам. Весь телесный мир необходимо рассматривать так, что мы различаем в нём первичные свойства, являющиеся объективными, и вторичные свойства, являющиеся субъективными, — воздействия предстают у человека вторичными

свойствами. Итак, изображая радикально, можно было бы сказать: В смысле Джона Локка мир существует снаружи, вне человека, — это форма, расположение, движение, а всё то, что является собственно содержанием мира чувств, в действительности как-то существует в человеке, это, по сути дела, ткёт внутри человеческого существа. Истинное содержание цвета как человеческое переживание нигде снаружи не существует, оно ткёт во мне; истинное содержание звука нигде снаружи не существует, а ткёт во мне; реальное содержание переживания тепла или переживание холода нигде снаружи не существует, а ткёт во мне.

В древние времена, когда сообщая с миром переживали то, что стало содержанием познания, это воззрение не могло существовать, ибо переживали, как я изобразил, участие собственного ориентирования тела и вставление этого ориентирования в собственное движение — внутри переживали математическое содержание. Но переживали его совместно с миром. То есть, и в своём переживании имели одновременно причину, по которой воспринимали расположение, место и движение как объективное. Совместную жизнь с миром имели также для цвета, звука и так далее, но только для другой части внутренней человеческой жизни. Как приходили к представлению движения из переживания собственного движения человека, так приходили и к представлению цвета, получая в своей организации крови соответствующее внутреннее переживание, и это внутреннее переживание сводили с тем, что в мире является теплом, цветом, звуком и так далее. Хотя и отличали в прежние времена расположение, место, движение, течение времени от цвета, звука, переживания тепла, но различали их как различные виды переживания, которые испытываются вместе с разными видами бытия в объективном мире. Теперь, в естественнонаучную эпоху, пришли к тому, что уже не имеют определение местонахождения, движение, расположение, форму и так далее как самопереживание, но это существует только снаружи как нечто придуманное, которое идентифицировали с тем, что было снаружи. И так как, представляя себе форму неко-

его орудия (Капоне), всё-таки не очень хорошо говорить: «Эта форма орудия собственно как-то существует во мне», — то здесь определяли только наружу. Форму орудия относили к объективному. Так как нельзя, в конце концов, прямо согласиться, что, когда где-то летит ружейная пуля, она в действительности летит в собственном мозгу, то придуманное движение отождествляли именно с объективным.

Но то, что видели в летящей ружейной пуле, сияющее цветное, благодаря чему это видели, окрашенное, которое воспринимали, это вдвигали в собственное человеческое существо, потому что иначе не имели места, куда это можно было перенести. Как это переживают вместе с вещами, уже не знали, следовательно, вдвигали это в человеческое существо.

В действительности использовали это довольно долго, пока люди, мыслящие в духе естественнонаучной эпохи, не пришли к невозможности этого представления. Ибо что же всё-таки здесь произошло? Вторичные качества: звук, цвет, переживание тепла — со своей стороны стали в мире, я бы сказал, просто вне закона, и для сознания они должны были скрыться в человеке. Ну о том, как они обитают здесь внутри, постепенно уже перестали создавать себе вообще какие-либо представления. Переживание, самопереживание уже не существовало. Связь с внешней природой уже не получалась, потому что её уже не переживали. Так эти переживания вдвинули внутрь самих себя. И тут для сознания они скрылись, так сказать, во внутреннем человека. Так полуосознанно — полуясно, полунясно — представляли себе, что, скажем, снаружи в пространстве существует некое движение эфира, которое можно как раз изображать через форму, движение, которое оказывает воздействие на глаз и отсюда — на зрительный нерв. Здесь это как-то входит в головной мозг. И теперь во внутреннем, прежде всего в головном мозге, ищут то, что должно как некое воздействие первичных качеств изживаться здесь в человеке как вторичные качества. Это употреблялось долго, пока отдельные люди с определённой, скажем, решительностью не

указали на странность этого представления, и австрийский философ *Рихард Ваале*⁵¹ написал в своём «Механизме мышления» («Mechanismus des Denkens») нечто в действительности чрезвычайно убедительное, хотя он вовсе не пришёл к тому, чтобы полностью воспользоваться своим собственным тезисом: «Nihil est in cerebro, quod non est in nervis — Ничего нет в мозгу, чего нет в нервах». Так вот нервы, разумеется, можно бы, пусть это сегодня и невозможно ещё нашими средствами, но обыскать по всем направлениям и со всех сторон, и в нервах не найдёшь тон, цвет и переживание тепла. Значит, они не существуют и в головном мозгу. Теперь собственно надо бы признать, что они вообще исчезают для познания. Исследуют связь человека с миром. В качестве объективного сохраняют форму, расположение, место, время и так далее; тон, переживание тепла, цвет исчезают, они выпадают⁵².

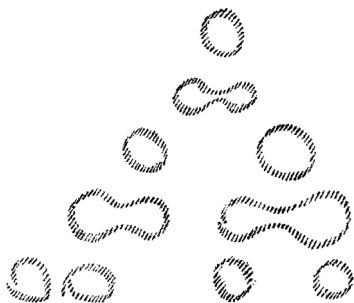
Ведь в конце концов в XVIII столетии это привело к тому, что *Кант*⁵³ сказал⁵⁴, что пространственные и временные свойства вещей не могут существовать как-либо снаружи вне человека. Но так как отношение человека к миру всё-таки должно было существовать — ибо это отношение невозможно отрицать, если вообще хочешь составить себе представление о том, что живёшь с миром, однако сейчас уже не существует совместного переживания пространственных и временных отношений человека с миром, — то всё-таки возникла кантова мысль: если человек теперь всё-таки должен применять к миру, например, математику, то ему полагается вначале сделать математическим сам мир, чтобы всё математическое он продолжил на ту сторону (hinüberhängt) по-верх «вещей в себе», которые сами остаются полностью неведомыми. Ведь в эту проблему тогда повсюду вгрызалось и естествознание XIX столетия. Если познавая обратить внимание на основной характер только что представленного поведения человека, так это то, что в его связь с миром вошла неуверенность. Он не знает, как он собственно должен смотреть на переживаемое им в мире. И эта неуверенность постепенно всё больше входит во всё

это современное мышление. Мы видим, как эта неуверенность постепенно вступает в эту новую духовную жизнь.

Интересно, когда к этим древним фазам мышления Джона Локка относят один пример из нового времени. Один биолог XIX столетия, Вейсман⁵⁵, задался мыслью о том, что в действительности, если биологически постигаешь организм какого-либо живого существа, то существенным должен считать взаимодействие органов или взаимодействие частей у низших организмов, что благодаря этому достигаешь понимания того, как живёт организм, но что при исследовании самого организма, при осознании организма во взаимодействии его частей не обнаруживается никаких характеристик того, что организм должен умереть. Вейсман, действовавший во второй половине XIX столетия, говорил себе, что если только заглядываешь в организм, то не находишь ничего, делающего наглядным умирание. Поэтому, говорил он, внутри живого организма нет вообще ничего, что из сущности организма могло бы привести к постижению идеи смертности организма. Единственным указанием на то, что организм должен умереть, для Вейсмана является существование трупа. То есть, понятие умирания создаётся не в живом организме. В живом организме мы не находим никаких признаков, никаких характеристик, исходя из которых можно было бы осознать, что умирающее принадлежит к организму, но в первую очередь необходимо иметь труп. И если потом это осуществляется, и для некоего живого организма имеется труп, то этот труп является тем, что показывает: организм содержит в себе возможность умирания⁵⁶.

Но теперь Вейсман говорит, что есть мир организмов, у которых никогда нельзя обнаружить трупы. Это одноклеточные живые существа. Они только делятся, тут нельзя обнаружить никаких трупов. Возьмите одноклеточное живое существо при его размножении. Схема представляется следующим образом. Такое одноклеточное существо делится на два, каждое снова на два и так далее. Так продвигается развитие — никогда нет ни одного трупа. Итак, Вейсман говорит себе, что бессмертны только одно-

клеточные существа. Это знаменитое для биологии XIX столетия бессмертие одноклеточных. И почему они рассматриваются как бессмертные? Да потому, что они

нигде не показывают ни одного трупа, и потому что биологию не устраивает понятие смерти в органическом, если не обнаружен труп. Итак, когда не обнаруживается мёртвое тело, тогда и не устраивает понятие смерти. Следовательно, те живые существа,

которые не обнаруживают мёртвое тело, бессмертны.

Посмотрите, именно на таком примере выявляется, как в новое время далеко ушли от совместной жизни своих представлений и вообще своих внутренних переживаний с миром. Понятие организма уже не является таким, что по нему всё-таки можно заметить, что он, кроме того, должен умереть. Что организм может умереть, должны увидеть из внешнего состояния мёртвого. Пожалуй, если живой организм рассматриваешь, имея его только снаружи, если не можешь сопереживать существующее в нём, если не можешь таким образом вживаться в него, тогда не обнаруживаешь и умирание в организме и пользуешься для этого внешним признаком. Но это подтверждает, что со своим представлением чувствуешь себя вообще отдельно от вещей.

Но теперь посмотрим на неуверенность, которая вошла во всё мышление через телесный мир благодаря отделению этого мира понятий от самопереживания, оглянемся на то время, в которое ещё всё-таки присутствовало это самопереживание. Тогда это действительно было дано так же, как было дано не только внешне представленное понятие треугольника или четырёхугольника, или пентаграммы, но и внутренне пережитое понятие, так же дано было внутренне пережитое понятие возникновения и исчезновения, становления родившегося и умирания. И это внутреннее переживание становления родившегося и умирания имело в себе

градации. Если дитя изнутри наружу находили оживлённое и оживлённое, когда его сперва неопределённые физиогномические движения принимают внутреннее воодушевление, и вживались в эту продвигающуюся вперёд жизнь (*Heranleben*) совсем маленького ребёнка, то это выявлялось как продолжение становления родившегося, до некоторой степени как более слабое, менее интенсивное, продолжающееся становление родившегося. В переживании возникновения имели градации. И если человек начинает сморщиваться, седеют волосы и он становится трясущимся, то имели менее значительную степень умирания, менее интенсивное умирание, частичное умирание. И смерть была лишь слиянием многих менее интенсивных переживаний умирания, если я воспользуюсь этим парадоксальным словом. Понятие в душе было оживлено, понятие возникновения, как и понятие прекращения, понятие рождения и понятие умирания.

Но переживая это понятие таким образом, его переживали вместе с телесным миром, так что в действительности не существовало никакой границы между самопереживанием и событием природы, когда определённым образом без побережья внутренняя человеческая земля переходила в великое море мира. Так, переживая это, и вживались в сам телесный мир. И тогда те личности прежних времён, чьим самым характерным мыслям и представлениям во внешней науке, по сути дела, вовсе не уделяют внимания, поэтому и записывают совсем неправильно, должны были осуществлять совсем другие идеи по поводу того, что Вейсман конструировал здесь как своё — я говорю теперь это в кавычках — «бессмертие одноклеточных». Ибо что сделал бы такой древний мыслитель, если бы он благодаря микроскопу, который, допустим, тогда уже существовал бы, узнал кое-что о делении одноклеточных, что за представление он создал бы себе из совместной жизни с миром? Он бы сказал: Я имею вначале одноклеточное существо. Оно делится на два. При неточной манере говорить он, пожалуй, бы сказал: Это разлагается до атомов, это делится, и на некоторое время две части как организмы снова яв-

ляются целостными, затем они делятся дальше. И когда начинается деление, когда начинается разделение до атомов, тогда наступает умирание. Итак, об умирании он заключает не из трупа, но из разложения на атомы, из возникновения распада на части. Ибо он примерно представляет себе, что являющееся жизнеспособным присутствует скорее в возникающем становлении, что это не является разделённым на атомы (*unatomisiert*), и когда наступает тенденция к разделению на атомы, тогда упомянутое умирает. У одноклеточных он помыслил бы только, что для двух существ, оттолкнувшихся от одноклеточного организма сначала на мгновение как мёртвые, присутствуют условия, благодаря которым они тотчас снова становятся живыми, и так далее. Таков был бы ход его мысли. Но разделением до атомов, возникновением расщепления он подчеркнул бы мысль об умирании, и для этого случая он подумал бы, что имеется одноклеточный организм, который разделяется, и благодаря разделению возникают уже не два новых одноклеточных организма, но из-за недостатка условий жизни этот одноклеточный организм тотчас переходит в неорганические части, и тогда он бы сказал: „Из живой монады возникли два атома”. И далее он бы сказал, что здесь повсюду, где имеешь жизнь, где созерцаешь жизнь, не имеешь дела с атомами. Если где-либо в живом находишь атомы, то внутри присутствует мёртвое настолько, насколько внутри существуют атомы. И повсюду, где находят атомы, есть смерть, есть неорганическое. Так судили бы в древние времена из живого внутреннего опыта ощущения мира, восприятия мира и представлений о мире.

Что это предстаёт не так отчётливо в наших изображениях духовной жизни прежних времён — однако для того, кто умеет правильно читать, это, собственно, не может вызывать сомнения, — что это, однако, предстаёт не так, главным образом предстаёт не так в современных изложениях прежней натурфилософии или прежней философии, причина этого лишь в том, что мыслительные формы этой древней философии, этой натурфилософии уже настолько непохожи на современное мышление, что каждый, кто,

например, пишет историю, выдумывает, именно внося в прежние головы «господам присущий дух» («der Herren eignen Geist») ⁵⁷. Но так нельзя писать даже о Спинозе, так как Спиноза излагает в своей книге, которую он по праву называет этикой, излагает соответственно математическому методу, не занимаясь математикой в сегодняшнем духе, но применяя для своей философии математический способ непосредственного следования идеи за идеей. Но этим он доказывает, что в нём ещё есть нечто от прежнего качественного переживания количественных математических понятий. Так что о математическом можно говорить и при распространении рассмотрения на качественное внутреннее переживания человека. С нашими понятиями стремиться сегодня применять математическое к психологическому или ещё к этическому — было бы чистейшей бессмыслицей.

Итак, вы видите, что если мы хотим понять важный момент в современном мышлении, то мы должны указать на эту ненадёжность по сравнению с прежде существовавшей, конечно, большей надёжностью, хоть она с нашей сегодняшней точки зрения уже и не годится. Но эта ненадёжность ведь привела наконец к тому, что в современной фазе естественнонаучного мышления уже появились, я бы сказал, теоретические оправдания этой ненадёжности. В этом отношении чрезвычайно интересен доклад, который прочитал французский мыслитель и исследователь *Анри Пуанкаре* ⁵⁸ по поводу новых мыслей о материи. Тут он говорит о том, что господствует спор или дискуссия о том, следует ли материальное представлять себе более непрерывным, или более дискретным, или же следует его представлять себе так, что через пространство определённым образом действует наполняющая субстанциональная реальность, которая на самом деле нигде не разделена, или же это субстанциональное, это материальное следует мыслить атомистически, то есть более или менее пустое пространство и внутри мельчайшие частицы, которые благодаря своему особому расположению образуют друг с другом атомы, молекулы и так далее. И если закрыть глаза на некоторую, я бы ска-

зал, декоративность оправдания ненадёжности, то в своём докладе Пуанкаре в действительности говорит следующее: Исследование, наука проходит как раз сквозь различные эпохи. В одну эпоху существуют явления, которые побуждают мыслителя представлять материю непрерывной. Именно в отношении явлений той эпохи удобно мыслить материю непрерывной и останавливаться на том, что же теперь проявляется в непрерывности при внешней связи чувственно-данного. В другую эпоху больше выступает результат исследования, в отношении которого удобно расщепить материю на атомы, сложить их снова друг с другом, то есть представить себе не непрерывное, а дискретное, атомистическое. — И вот Пуанкаре полагает, что именно так будет всегда, что в зависимости от того, к одному или к другому направлению склоняют результаты исследования, будет дана эпоха, которая мыслит непрерывное, и эпоха, которая мыслит дискретное. Он говорит даже о некоем колебании в ходе научного развития между непрерывностью и атомистикой. И таким образом будет всегда, ибо, говорит он, человеческий дух имеет потребность создавать себе теории по поводу явлений самым удобным для себя способом. Когда он создал себе на некоторое время непрерывную теорию, тогда — теперь это не его слова, но, по сути, то, что он подразумевал, можно характеризовать этими словами — он устаёт от этого. Другой результат исследования является ему, можно сказать, бессознательным способом, и он начинает думать атомистически, точно так же, как после вдоха снова выдыхаешь. И таким образом должно существовать постоянное колебание, должно быть чередование непрерывность — атомистика, непрерывность — атомистика и так далее. Это следует из потребности самого человеческого духа, и по сути дела мы ничего не сказали бы по поводу этих вещей. По поводу этих вещей вовсе ничего не решает, мыслим ли мы непрерывно или мыслим атомистически, но лишь только опыт человеческого духа должен снаружи справляться с телесным миром.

Неудивительно, что эпоха, которая с мировым событием уже не связывает именно самопереживание, но рассматривает самопереживание только как нечто существующее внутри самого человека, приходит сейчас к ненадёжности. Если свою совместную жизнь не переживаешь вместе с миром, то можешь и не переживать непрерывность и атомистику, но только проворачивать (*hinüberspülen*) через явления именно придуманную прежде непрерывность или придуманную прежде атомистику. Так что этим способом в действительности можно было бы постепенно прийти к представлению, что человек образует свои теории только соответственно своим изменяющимся потребностям. Так же, как он должен вдыхать и затем выдыхать, он должен некоторое время мыслить непрерывно и затем некоторое время атомистически. И он, собственно, не мог бы духовно хватать воздух, если бы он всегда мыслил непрерывно; он должен был бы снова мыслить атомистически, чтобы получить воздух духовно. Итак, исключительно благодаря этому установлена и оправдана ненадёжность, которой почти произвольно даётся иное толкование. С миром вместе уже вообще не живут, но говорят, что так или иначе с ним можно бы жить вместе, только в зависимости от собственной субъективной потребности.

Но что сказал бы в таком случае древний образ мыслей, именно тот, который я уже довольно часто приводил? Он сказал бы: В той эпохе, в которой задающие тон мыслители мыслят непрерывное, они думают о жизни; в той эпохе, в которой задающие тон мыслители мыслят атомистически, они, так сказать, думают о мёртвом, о неорганической природе и даже встраивают неорганическое в органическое.

Посмотрите, это уже не неоправданный произвол, но это основывается на объективной связи с вещами. Конечно, один раз я могу заниматься с чем-то живым, в другой раз с чем-то мёртвым, и могу сказать: из внутреннего существа живого следует, что я должен мыслить непрерывно, а из внутреннего существа мёртвого мне следует сказать: я должен мыслить атомистически. Но я

не могу сказать, что это соответствует только произволу человеческого духа. Это соответствует объективному положению в отношении к миру, а не одной только субъективной потребности человеческого духа. При этом для познания субъективное собственно совершенно не принимается во внимание. Ибо живое познаёшь в природе непрерывным способом, мёртвое познаёшь в природе атомистическим способом. И когда действительно необходимо попеременно чередовать как раз атомистическое мышление и непрерывное мышление, тогда это и должно применяться в объективном, тогда как раз надо сказать: здесь ты должен один раз мыслить в живом, а в другой раз — в мёртвом. Но нет никакого основания, чтобы посредством такого способа воззрения, как например у Пуанкаре, загонять это в субъективное, и что для некоего образа мыслей, как я изложил его сейчас для древней фазы развития человечества, субъективное таким же образом имело ценность.

Так дело заключается в том, что фактически вопрос здесь выявляется внутренне, что прежде всего в лежащей позади нас фазе естественнонаучного мышления произошёл поворот от живого к мёртвому, отсюда и от непрерывности к атомистике, которая ведь в отношении неорганического, в отношении мёртвого, если правильно его понимаешь, само собой разумеется, оправдана. Но когда человек однажды снова захочет объективно и реально найти самого себя в мире, тогда он должен искать путь возвращения к своему собственному существу от великолепно развившегося, мыслимого атомистически, но всё же мёртвого мира, и тогда он уже сможет живо овладевать собой как организмом. Ибо до сих пор главное развитие сводилось к тому, чтобы взять направление на мёртвое, то есть к атомистике. И когда появилась в первой половине XIX столетия эта вполне плодотворная клеточная теория Шлейдена⁵⁹ и Шванна⁶⁰, тогда она стала не путём к непрерывности, а путём к атомистике, да притом в действительности не признавая этого и до сих пор не допуская, что необходимо это признать, потому что это соответствует всему методическому

ходу воззрения. И не замечают, что, когда организм воображают так расщеплённым на клетки, его собственно мысленно разлагают до атомов, то есть, по сути дела, умерщвляют, и вопрос реально стоит так, что для атомистического способа рассмотрения вообще пропало понятие организма.

Это ведь знаменательно, что в том образе, который получаешь, если органическую химию Гёте противопоставляешь Шлейдену или более поздним ботаникам, у Гёте повсюду имеешь живую, пережитую идею, между тем как на другой стороне, несмотря на то, что клетка является живой, и, следовательно, в действительности указывается на некое живое, всё-таки способ, каким мыслят, является таким, как если бы клетка вовсе не жила, а была бы атомом. Конечно, эмпирическое исследование ведь не всегда идёт в ногу с рациональным вопроса, потому что это ведь и невозможно в отношении живого. Но, с другой стороны, и понимание органического не согласуется с тем, что даёт истинное наблюдение также по поводу учения о клетке. Можно приложить только неатомистическое, так как, когда изучаешь реальную клетку, уже не можешь ничего иного, как только характеризовать её как нечто живое. Но это ведь как раз характерно для многих современных изложений, что смешивают вещи и по сути дела не любят ясности.

Но дальше я буду говорить об этом во время следующего часа курса лекций, который состоится завтра.

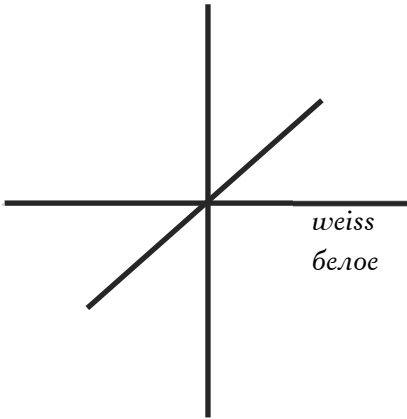
Шестой доклад⁶¹

Дорнах, понедельник, 1 января 1923 года

В одной из частей последнего курса лекций я говорил о том, что естественнонаучное мировоззрение имеет свой корень в том, что в то время, которое прошло, я бы сказал, с момента рождения этого естественнонаучного образа мыслей в XV столетии, что в это время Джон Локк и подобные умы отличали в том, что чувственно охватывает нас в телесном мире, так называемые первичные качества вещей, от вторичных качеств. Первичными качествами Локк называл, например, всё то, что относится к форме тел, к их геометрическому своеобразию, к числовому, что относится к движению, к величине и так далее. Кроме того, он отличал от этого всё то, что он называл вторичными качествами: цвет, тон, тепловое восприятие и так далее. И в то время как первичные качества он относил к самим вещам, так что считал, что существуют пространственные телесные вещи, которые имеют форму, имеют геометрические свойства, имеют движение, по поводу всего, являющегося вторичными качествами, — цвета, тона и так далее — он полагал, что это есть только воздействие на человека. Якобы снаружи в мире в телах существуют только первичные качества. Нечто же, добавленное к величине, форме и движению, но являющееся тёмным, безмолвным и холодным, это нечто осуществляет некое воздействие, и это воздействие проявляется как раз внутри человека так, что он переживает тон, цвет, тепловые свойства и так далее.

Итак, в этих докладах я, кроме того, указал на то, как в эту естественнонаучную эпоху пространственное уже в отношении измерений стало абстрактным. Человек уже ничего не знал о том, что три измерения в нём самом переживались конкретно как вверх-вниз, вправо-влево, вперёд-назад (см. рис. на с. 92). В эту

естественнонаучную эпоху он не обращал никакого внимания на эту конкретность трёх измерений. Для него они возникали в

полной абстрактности. Он искал точку пересечения трёх измерений уже не там, где она реально переживается в человеческом внутреннем, он искал её где-то — и там же он мог и существовать всегда где-то в пространстве — и так конструировал себе свои три измерения. Теперь эта пространственная схема трёх измерений получила самостоятельное,

но только придуманное, абстрактное бытие. И сейчас это придуманное не переживается как принадлежащее и внешнему миру и человеку, между тем как в прежние времена, как я сказал, три пространственные измерения переживались так, что человек знал, что он переживает их в себе вместе с природой физической телесности.

Итак, три измерения до определённой степени уже выделены из человека и выброшены наружу, и благодаря этому приняли полностью абстрактный, неживой характер. Человек уже не знал, что он пространственные измерения — и такое можно ведь также сказать обо всём остальном, являющемся геометрическим, числовым, соответствующим весу и так далее — что он всё это переживает в своём внутреннем вместе с внешним миром, но что в действительности, чтобы пережить это в своей конкретности, в своей полной живой реальности, он должен бы созерцать в своём внутреннем, чтобы обоснованно найти это здесь. И, по сути, произошло так, что только потому, что уже не была известна связь этих качеств с человеческим внутренним, такая личность, как Джон Локк, перенесла во внешний мир первичные качества, которые

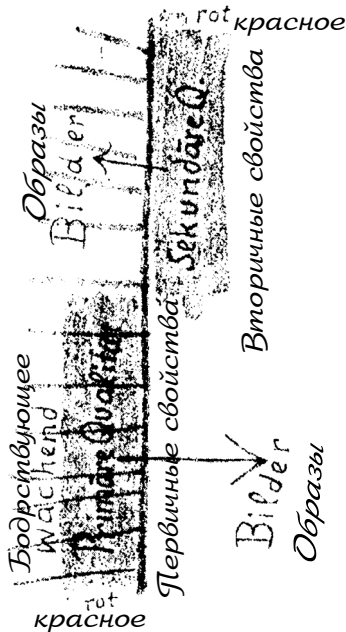
принадлежат тому же виду, что и три измерения пространства — ибо три измерения пространства являются неким родом формообразования.

Другие, вторичные свойства, которые как содержания чувств переживаются качественно, например цвет, тон, уровень тепла, запах, вкус, и которые отныне рассматриваются только как воздействие вещей на человека, как внутренние переживания. Но я ведь уже указывал на то, что эти вторичные свойства уже нельзя найти во внутреннем физического человека, даже во внутреннем эфирного человека, что поэтому в определённом отношении они стали отверженными и для этого внутреннего человека. Во внешнем мире их уже не искали, их перенесли в человеческое внутреннее. Сказали: если человек не слушает мир, если человек не смотрит на мир, если человек не обнаруживает в мире своё чувство тепла, в таком случае мир безмолвный и так далее. Он имеет первичные свойства, определённо оформленные воздушные волны, но не имеет тона; он имеет некие процессы в эфире, но не имеет цвета; он имеет какие-то процессы в весомой материи, в материи, которая имеет вес, но он не имеет того, что является уровнем тепла и так далее. В действительности в эту естественнонаучную эпоху для этих переживаемых чувственных свойств сказано этим лишь то, что их собственно не умеют разместить. В мире их искать не хотят. Признаются, что не имеют силы найти их в мире. Их, правда, искали во внутреннем, но только пока это делалось или делается механически. Механически в том смысле, что ведь не обращают внимания на то, что если действительно исследуешь это внутреннее человека, насколько теперь его можно оценить, то есть, если исследуешь его, насколько это конечно возможно — но это происходит только как идеал, так что в действительности нельзя говорить о факте завершённого исследования, — если таким образом исследуешь это внутреннее, то нигде не найдёшь эти вторичные качества. Поэтому, по сути дела, не знают, где в мире их разместить. Отчего это происходит?

Итак, вспомним ещё раз: если мы хотим правильно рассмотреть что-то, относящееся к оформленному, пространственному, геометрическому или даже арифметическому, если действительно хотим такое рассмотреть правильно, то необходимо внимательно рассмотреть внутреннюю деятельность, эту полную жизни деятельность, благодаря которой человек в своём собственном организме создаёт себе пространственное, как например вверх и вниз, вперёд и назад, вправо и влево. То есть в таком случае необходимо сказать: если ты хочешь найти сущность геометрически-пространственного — но и вполне логично было бы сказать: если ты хочешь найти сущность сигналов (Lockeschen) первичных свойств телесных вещей, — то должен всматриваться в себя самого, иначе придёшь только к абстракциям. — Вот со вторичными свойствами: тоном, цветом, свойством тепла, запахом, вкусом происходит так, что человек должен знать о том — это знание ведь может быть лишь довольно инстинктивным, но что-то он должен об этом знать, — что со своим духовно-душевым существом он живёт ведь не только в своих физическом и эфирном телах, но что он также может находиться вне этих тел⁶² со своим «Я» и со своим астральным телом, а именно в состоянии сна. Но как во время полного, интенсивно воспринимающего состояния бодрствования — не вне себя, а в себе — человек переживает первичные свойства, например в частном случае три измерения, так же он умеет, если ему это удаётся либо через инстинкты, либо через инстинктивное самопознание или через духовно-научное обучение, реально переживать внутри то, что существует вне физического и эфирного тел от засыпания до пробуждения, тогда он тоже знает, что вне своего тела он действительно в таком случае переживает во внешнем мире истинную сущность тона, цвета, запаха, вкуса, уровня тепла. Но эти образы соответствуют духовно-душевым реальностям, а не физически-эфирным реальностям. Несмотря на то, что переживаемое нами в качестве тона кажется так сильно связанным — это конечно же происходит, но совсем в другом отношении — с определённо оформленными

воздушными волнами, что цвет кажется связанным с определёнными процессами в цветовом внешнем мире, всё-таки необходимо признать, что тон, цвет и так далее являются образами не телесного, но духовного, духовно-душевного, существующего во внешнем мире.

Следовательно мы должны будем сказать себе: когда мы переживем тон, цвет, уровень тепла, то мы переживаем их образно. Однако, когда мы существуем вне своего тела, то переживаем их реально. И таким образом этот факт мы можем изобразить несколько схематично следующим образом (см. рисунок): первичные свойства человек переживает в себе, бодрствуя, полностью бодрствуя, и созерцает их в образах во внешнем мире; если он знает их лишь во внешнем мире, то он имеет эти первичные свойства только в образах (стрела). Эти образы суть математическое, геометрическое, арифметическое в вещах.

С вторичными свойствами это иначе. Их человек переживает — если я нарисую физическое и эфирное тела человека этими горизонтальными штрихами, а духовно-душевное, «Я» и астральное, красным цветом — их человек переживает вне своих физического и эфирного тел и внутри себя проецирует только образы. Так как этого уже не видят в естественнонаучную эпоху, то математические формулы, числа тоже, до известной степени превратились в нечто, что человек ищет абстрактно только во внешнем мире. Вторичные свойства стали чем-то, что человек искал только в себе. Но поскольку они являются только лишь образами, он именно для действительности утратил их окончательно.

Происходило так, что отдельные личности, ещё обладавшие традициями из древних воззрений о внешнем мире, боролись с тем, чтобы создавать себе представления, которые соответствовали бы действительности больше, чем те, которые, я бы сказал, появились постепенно как официальные в течение естественнонаучной эпохи. Таков, например, кроме *Парацельса*⁶³, также *ван Гельмонт*⁶⁴, который вполне осознавал, что при переживании цвета, тона и так далее работает духовное человека. Но поскольку в бодрствующем состоянии это духовное действует только с помощью физического тела, это физическое тело создаёт в себе только образ того, что как сущность содержится в тоне, цвете и так далее, и таким образом приходишь затем к некоему несоответствующему описанию внешней действительности, а именно к чисто математически-механической форме движения, изображения движения для того, что во внутреннем человека должно переживаться как вторичные свойства. Между тем как это может истинно переживаться соответственно его реальности, его действительности исключительно вне человеческого тела. Человеку нельзя сказать: если ты хочешь познать истинную сущность, например, тона, то должен, когда ты слышишь некий звук, проделать физические эксперименты по поводу того, что происходит внутри в воздухе, который несёт тебе звук, но в таком случае ты должен человеку сказать: если ты хочешь познакомиться с ис-

тинной сущностью тона, то должен создать себе представление о том, как в действительности ты переживаешь тон вне своего физического и эфирного тел. Но это те мысли, о которых люди естественнонаучной эпохи как раз не думали, потому что эти люди как раз не хотели входить в детали полной человеческой природы, так как они не развили склонность знакомиться с истинным существом человека. И таким образом именно в неизвестной человеческой природе они не находили математику или даже первичные свойства; и так же во внешнем мире — поскольку они не знали, что человек принадлежит ведь и внешнему миру — они не находили вторичные свойства.

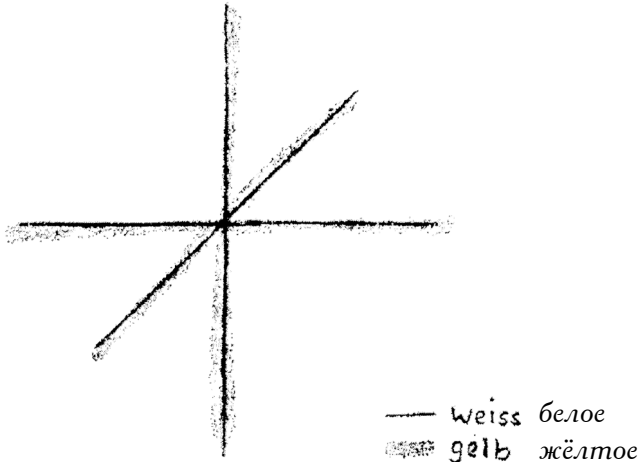
Я не говорю, что необходимо быть ясновидящим, чтобы получать правильное понимание этих вещей, но я должен подчеркнуть, что именно ясновидческое разъяснение мира может давать глубокие интенсивные познания как раз и в этой области, и что здоровое самосозерцание непременно приведёт к тому, чтобы переместить во внутреннее человека также математическое, первичные свойства, математически-механическое, чтобы также переместить во внешний мир человека вторичные свойства. С человеческой природой больше не были знакомы. В самом деле не знали, как телесность человека наполнена духовностью, как духовность, являясь бодрствующей в человеке, должна забывать себя, должна полностью отдаваться телу, чтобы она понимала математическое. И, кроме того, не знали другого, что духовность должна всецело охватывать себя в себе и жить независимо от тела, то есть вне тела, чтобы прийти к вторичным свойствам. Обо всех этих вещах, скажу я, ясновидческое созерцание может давать более чёткие результаты, но оно не нужно. Некое самообозрение (*Selbstschau*), истинное здоровое самообозрение может чувствовать, осознавать правильным чувством, что математика тоже является чем-то внутренне человеческим, а звук, цвет и тому подобное являются чем-то внешним.

В восьмидесятые годы в своём предисловии к «Естественнонаучным сочинениям Гёте» я изобразил⁶⁵ то, что в этом направле-

нии может получать здоровое ощущение, которое и ведёт к истинным познаниям. Никакое ясновидческое сознание здесь не было принято во внимание, но показано, в какой мере человек без ясновидящего сознания может приходиться к признанию реальности цвета, звука и так далее. Этого пока не поняли. Естественно-научная эпоха ещё так сильно захвачена в силки (Lockeschen) образа мыслей. Этого не могли понять, этого не смогли также понять, когда я, можно сказать, философски увязав, отчётливо изложил это в 1911 году на Философском конгрессе в Болонье⁶⁶. Там я пытался показать, как духовно-душевное человека во время бодрствующего состояния хотя и находится в физическом и эфирном телах, будучи определённым образом наполненным физическим и эфирным телами, всё-таки внутренне остаётся самостоятельным. Когда чувствуешь эту внутреннюю самостоятельность духовно-душевного человека, тогда и имеешь некое восприятие того, что пережило духовно-душевное во сне по поводу реальностей зелёного и жёлтого цветов, нот соль и до диез, тепла и холода и так далее. Но пока естественнонаучная эпоха не стремится детально останавливаться именно на истинном познании человека.

В этой характеристике отношения человека к миру в соответствии с первичными и вторичными свойствами мы совершенно отчётливо видим, как человек отказывается от получения правильного ощущения по поводу себя и своего отношения к миру. Но то же самое вложено и в другие представления, полученные относительно человека. Так как не смогли получить воззрение о том, как во внутреннем человека живёт математическое в своих трёх измерениях, не смогли увидеть также существенное человека в отношении его духовности. Ибо это существенное состояло бы в том, что сказали бы себе: человек в состоянии осмыслить справа-налево через симметричные движения своих кистей и рук, через другие симметрично совершаемые им движения. Ощущая, например, ход своей пищи, он в состоянии пережить вперёд и назад. Он переживает вверх и вниз, потому что он во время своей

жизни как раз ведь встраивается (hineinordnen) в это «наверху и внизу». Обозревая это, видят конечно, как человек внутренне

разворачивает деятельность, которая заключена в выработке трёх пространственных измерений и, говоря о человеке в его отношении к животному миру, указывают на то характерное, что животное ведь не имеет таким же образом, как человек, например «наверху и внизу», потому что главную ось своего тела оно имеет по горизонтали, то есть в том направлении, которое человек может ощущать как вперёд и назад. Абстрактная схема пространства уже не удовлетворяла, чтобы в неорганической природе исследовать несколько иначе, чем математически-механическими абстрактными отношениями. Не удовлетворяло, например, при развитии воззрения по поводу внутреннего переживания пространства, с одной стороны у животного, с другой стороны у человека.

И таким образом в эту естественнонаучную эпоху изначально не могло возникнуть правильного мнения по поводу вопроса: как, собственно, человек относится к животному, животное — к человеку? Чем они отличаются? Но тут всё-таки ещё определённо чувствовали: между животным и человеком есть разница — так её

искали во всяких признаках, которые не могли быть радикально характерными ни для человека, ни для животного. И довольно значительным примером этого является то, что в отношении верхней челюсти человека, на которой располагаются верхние зубы, говорили: эта кость верхней челюсти у человека является единственной; у животного она является такой, что передние резцы расположены внутри в особой межчелюстной кости, и только по обеим сторонам этой межчелюстной кости существует подлинная верхняя челюсть. Человек не имеет этой межчелюстной кости. Когда, стало быть, больше не были в состоянии находить связь человека с животным через внутренне духовно-душевное, её видели в чём-то таком внешнем, что говорили: животное имеет межчелюстную кость, а человек её не имеет.

Гёте был тем, кто такие познания, как те, о которых я говорил сегодня по поводу первичных и вторичных свойств, хоть и не мог охватить в словах, не мог также с полной ясностью достичь по этому поводу никаких внешних мыслей, но Гёте имел здоровое чувство по поводу всех этих вещей. Прежде всего инстинктивно Гёте знал, что отличие человека от животных надо находить во всём формировании человека — а не в чём-то единичном. Поэтому Гёте стал борцом против идеи отсутствия межчелюстной кости у человека. И он, будучи молодым человеком, написал свою многозначительную статью, которая приписывает человеку, как и животному, межчелюстную кость в верхней челюсти⁶⁷. И ему удалось найти факт для достоверного доказательства этого утверждения, именно когда он показал, как вполне ещё можно видеть межчелюстную кость у человека в эмбриональном состоянии, и как она, в то время как человек развивается, то есть уже у маленького ребёнка, срастается с верхней челюстью, в то время как у животного она остаётся отдельной. Гёте всё это трактовал, исходя из определённого правильного познавательного инстинкта, и, исходя из этого познавательного инстинкта, он прежде всего пришёл к тому, чтобы сказать: нельзя по таким частностям стремиться находить отличие человека от животного, необходимо

искать его во всей связи с миром его формирования, его душевного и его духовного. Поэтому борьба с естествоиспытателями, которые отрицали межчелюстную кость у человека, борьба Гёте с этими естествоиспытателями показывает, что, с одной стороны, он в отношении несущественного приблизил человека к животному, чтобы, с другой стороны, суметь представить его в его истинном отличии именно в отношении его подлинного существа. Этот способ рассмотрения, который Гёте из некоего познавательного инстинкта противопоставил той форме естествознания, которую это естествознание принимало до него и которую оно имеет ещё и сегодня, этот способ рассмотрения Гёте не нашёл собственно никаких последователей внутри естественнонаучных кругов. Зато именно в XIX столетии как последствие всего того, что сформировалось со времени XV столетия на естественнонаучном поприще, всё больше выступает тенденция приблизить человека к животному, чтобы не искать его отличие от животного в несущественном, а совсем близко привести его существо к животному. И эта тенденция потом сохранилась в том, что выступило как дарвинистическая идея эволюции и так далее. Это нашло последователей. Воззрение Гёте последователей не нашло. Да, некоторые трактовали Гёте даже как некий тип дарвиниста, потому что в Гёте они видели именно только то, что он приблизил человека к животному через нечто такое, чем является межчелюстная кость. Но они не увидели, что сделал он это, чтобы определённым образом указать, что отличие человека от животного надо бы искать в чём-то совсем ином, чем в этих несущественных признаках. Сам он не указал на это недвусмысленными словами, но это лежит в его мировоззрении.

Поскольку о человеке больше ничего не знали, его собственные существенные признаки искали у животного и говорили себе: здесь присутствуют животные признаки, только у человека они несколько выше развиты. Что человек при зрительном восприятии уже чисто пространственно должен сохранять в мире совсем другое положение, об этом имели понятие всё меньше и меньше.

И, собственно говоря, все воззрения о развитии живого возникли в естественнонаучную эпоху именно так, что они создали системы, исключив истинное познание человека. Уже не знали, чего хотят от сущности человека. Поэтому представляли его только как завершение животного ряда. До известной степени было сказано: здесь присутствуют животные; затем животные достигают ещё одной последней степени совершенства, самого совершенного животного, и это самое совершенное животное и есть сейчас человек.

Я хотел, мои многоуважаемые присутствующие и дорогие друзья, этими разъяснениями обратить ваше внимание на то, как с определённой последовательностью это действовало также в различных областях естественнонаучного мышления с первых фаз этого мышления, с XV столетия до настоящего времени, как человек изображал своё отношение к миру в области физики, физиологии, говоря: Там снаружи существует безмолвный, бесцветный мир. Он действует на тебя. Ты в себе образуешь цвета, ты образуешь звуки как переживание воздействий внешнего мира. — Как человек сказал себе это с одной стороны и, с другой, кроме того, сказал: Во внешнем мире вне тебя есть три измерения пространства, — как человек сказал себе это, поскольку утратил способность вдаваться в подробности человека во всей его полноте, так он и образовал себе в своих воззрениях о животном и человеческом формообразовании такие представления, которые не вдаются в детали истинной сущности человека. И таким образом, несмотря на этот огромный мощный прогресс, который с определённой точки зрения по праву изображается как высшая степень человеческого прогресса, по сути дела, можно сказать: естественнонаучное мировоззрение именно потому стало великим, что оно полностью не принимало во внимание человека и его существо. Разумеется, в действительности не получаешь никакого истинного понятия о том, насколько отказываешься от реального человека, рассматривая его естественнонаучно. У особенно полных энтузиазма материалистических мыслителей XIX столетия можно,

например, прочитать, что человек вовсе не может обращаться ни к чему особенно душевно-духовному в себе, ибо то, что кажется духовно-душевым, это ведь только воздействие того, что совершается внешне пространственно-временным образом. И тут такие восторженные мыслители природы описывали, как на человека действует свет, то есть эфирное с их точки зрения, как это, вибрируя, продолжается внутрь в его нервы, да и как в дыхании продолжается в нём внешний воздух и так далее. И затем, несколько обобщая, они говорили: О, человек ведь зависит от каждого повышения и от каждого понижения температуры. Человек зависит от всего, что выступает, например, как деформация его нервной системы. Заостряли примерно такие рассуждения, говоря: Человек — это создание, зависящее от каждого дуновения или давления воздуха и тому подобного.

Тот, кто непродвзято принимает такие описания, может заметить, что здесь в действительности описано не подлинное существо человека, а то, благодаря чему это человеческое существо становится неврастеником. Ибо вполне возможно, если говорить, например, о рассмотрениях человека, которые дали материалистические мыслители XIX столетия, сказать: Да, это были бы не люди, это были бы специфические неврастеники, если бы человек зависел от каждого движения воздуха, каким его описывают здесь эти материалистические мыслители. Об этом неврастенике говорили как о человеке, разглагольствовали о том, чем является истинное существо, и знали ещё только то, благодаря чему это истинное существо, остающееся неизвестным, становится неврастеником. Постепенно повсюду через особый характер, который мышление восприняло через природу, из этого мышления выпадает истинное существо человека. Истинное существо человека утрачивают для созерцания. Это то, против чего собственно бунтовал Гёте, несмотря на то, что он не смог высказать через ясно сформулированные положения то, что он соответственно своим воззрениям узнал как истинное.

То, что я вам сейчас показал, прослеживаешь до внутреннего поворота в развитии естественнонаучного мышления со времени XV столетия и обнаруживаешь, что в правильном свете рассматриваешь именно благодаря тому, чем это определено в этом развитии. Я бы сказал: Гёте в своей юности сильно интересовался тем, что в своих различных областях породило естествознание. Он изучал, побуждаемый естествознанием, но не соглашался со всем, что тогда подступало к нему, потому что во всём он чувствовал, что человек был выброшен из этих воззрений. Но Гёте очень сильно чувствовал человека во всей его полноте. Поэтому он в самых разных областях бунтовал против естественнонаучного воззрения, которое он видел в своём окружении. И очень важно, что это естественнонаучное развитие со времени XV столетия постигаешь также благодаря тому, что рассматриваешь его на фоне системы мировоззрения Гёте. Тогда, если хочешь продвигаться чисто исторически, скорее всего, придёшь к тому, что в этом рассмотрении подлинное существо человека отсутствует, отсутствует уже в физических науках, отсутствует даже в биологических науках.

Это не критика естественнонаучного мировоззрения, но только характеристика. Ибо допустим, что некто говорит: здесь я имею воду. Так мне это не нужно. Я отделяю кислород от водорода, потому что мне нужен водород. — Он отделяет кислород от водорода. Если я затем констатирую результат, то это не критика его образа действия. Я не должен ему говорить: ты делаешь нечто неправильное, ибо ты должен оставить воду. — Вода не является водородом. Я также не критикую, когда говорю: Естественнонаучное развитие со времени XV столетия взяло мир живых существ и, как химик выделяет кислород из воды, выделило человека в его подлинном существе, отбросило его и оставило себе то, что нужно было тому времени, так же, как иному нужен водород, и привело не связанное с человеком естествознание к триумфу, к которому оно и вело. — Когда высказываешь нечто такое, речь идёт не о критике, но о характеристике. Современному естество-

испытателю нужна была до известной степени природа, лишённая человека, так же, как какой-то химик нуждался в водороде, лишённом кислорода, и поэтому он был вынужден разделить воду на водород и кислород. Но необходимо понять, что речь идёт о том, чтобы всё снова не впасть в ошибку и через естествознание всё-таки стремиться где-то искать существо человека. Это было бы так же невозможно, как если бы в водороде, который кто-то сюда принёс, стали искать кислород, который был выделен из воды.

Так необходимо рассматривать эти вещи именно тогда, когда хотят правильно получить о них эти исторические воззрения. Завтра я продолжу дальше описание рождения и развития естествознания в новое время.

Седьмой доклад

Дорнах, вторник, 2 января 1923 года

Мои дорогие глубокоуважаемые присутствующие, мои дорогие друзья, с разных сторон от наших друзей и друзей нашего дела поступили изъявления их участия и их единения с нашей болью по поводу утраты Гётеанума⁶⁸. В таком случае я позволю себе завтра или послезавтра сделать вам сообщение по поводу отдельных изъявлений.

Но сегодня в продолжение проведённых вчерашних разъяснений по поводу, я бы сказал, неспособности возникшего со времени XV столетия естественнонаучного мировоззрения, познавая, постичь человека в его сущности, я хочу сказать: именно во всех областях этого мировоззрения недостаёт того, чего недостаёт уже в математически-механическом. Математически-механическое отделили от человека. Его рассматривают так, как будто при переживании математического человек уже не присутствует. Следствием такого хода человеческого представления для математического является, с одной стороны, возникновение стремления отделить от человека и другое происходящее в мировой области событие и уже не связывать его с человеческим существом. С другой стороны, становится невозможным, познавая, построить реальный мост между человеком и миром.

О втором последствии этой неспособности я ещё буду говорить позже. Но прежде всего рассмотрим, я бы сказал, основную причину, почему естественнонаучное развитие приняло такой ход. Оно утратило возможность переживать внутренне то, о чём сегодня говорится в антропософии и что в древние времена развития человечества было предметом инстинктивного созерцания или, если не понимать слово превратно, инстинктивного ясновидения.

Смотреть внутрь человека и находить его связанным из различных элементов — это было утрачено естественнонаучным созерцанием.

Вспомните, однако, как мы внутри нашего антропософского воззрения разделяем человека, чтобы приблизиться к его существу. Мы говорим о физическом теле человека, об эфирном теле, об астральном теле и об организации «Я» человека. Давайте сегодня правильно представим себе это для понимания развития естественнонаучного мировоззрения: физическое тело, эфирное тело, астральное тело и организация «Я». Мне не нужно сегодня разъяснять это членение человека в деталях, так как необходимое об этом каждый ведь может найти, например, в моей книге⁶⁹ «Теософия». Но всё-таки теперь мы будем ориентироваться на это членение человека. Сначала, если мы посмотрим на физическое тело человека и внимательно рассмотрим возможность внутреннего ориентирования, то есть возможность переживать своё физическое тело внутренне, то спросим себя: Что же ты переживаешь в таком случае в этом физическом теле? — Именно в физическом теле переживаешь то, о чём я ведь уже говорил — справа-налево, вверх-вниз, вперёд-назад. В физическом теле переживаешь созерцание движения как изменение местонахождения этого собственного физического тела. Но и в этом физическом теле переживаешь, по крайней мере до определённой степени, как изменяется, например, вес. Но только переживаешь вес в некоем совершенно модифицированном виде. Когда эти вещи ещё переживали в различных членах человеческой организации, тогда как раз размышляли о вещах, о которых больше не имели склонности задумываться в естественнонаучную эпоху. Факты, которые имеют фундаментальное значение для понимания мира, остались полностью без внимания. Возьмите следующие факты: допустите, что вы несли бы человека, который, если вы его взвесите, имеет с вами одинаковый вес. Допустите, что вы несёте этого человека. Вы идёте с этим человеком какое-то расстояние, неся его. Вы будете иметь переживание своего веса. Когда вы сами проходите через

такой же отрезок пространства, вы тоже несёте сами себя. Но вы это не переживаете таким же образом. Фактически происходит так, что вы ведь несёте через пространство свой вес, но не переживаете его. Собственный вес вносится в переживание совсем иначе. Когда становишься старым, то в определённом смысле чувствуешь свои члены так, что говоришь, что ощущаешь свою тяжесть. В определённом смысле это тоже связано с тяжестью, с весом, потому что старение означает как раз определённое разрушение организма, благодаря чему его отдельные части больше вырываются из внутреннего переживания, становятся автономными, я бы сказал, атомизируются, и теряют силы в этой атомизации тяжести. Однако ни в какой момент нашей жизни мы не могли бы это довести до действительности. Пожалуй, мы даже скажем, что ведь это впечатление, что мы ощущаем тяжесть своих членов, мы можем использовать только в качестве сравнения. Точная наука, разумеется, показывает, что это не только сравнение, но что это имеет в себе нечто знаменательное. Но во всяком случае переживание нашего собственного веса в действительности проявляется для нашего сознания как род растворения нашего собственного веса.

Итак, здесь мы, следовательно, имеем находящуюся в человеческом существе необходимость погасить в человеке воздействия, которые несомненно существуют внутри в этом существе человека, погасить через противоположные воздействия, противоположные в таком роде, как я изложил это для совокупности человека, когда в других докладах, в антропософских докладах⁷⁰, представил аналогию между человеком и течением года. И тем не менее, испытываем ли мы теперь процессы, переживаемые более отчётливо, как три пространственных направления, движение, или менее отчётливые процессы веса, мы имеем процессы, которые могут переживаться в физическом теле человека.

То, что когда-то здесь переживалось в более ранние времена, полностью с тех пор выделилось из человека. В известной степени это из него было выставлено. Для нас это стало ведь вполне

наглядным в математике. При других переживаниях физического тела это как раз становится менее отчётливым по той причине, что соответствующие процессы в теле, такие, как вес, как тяжесть, именно для сознания, каким оно является сегодня, как оно развилось, совершенно погашены. Но они не всегда были полностью погашены. Сегодня, находясь под влиянием того, что лежит в основе естественнонаучного представления в качестве душевного настроения человека, не имеют уже никакого понятия о том, что внутреннее переживание человека было всё-таки другим. Пожалуй, свой собственный вес в прежние времена человек не нес через пространство осознанно. Но об этом он имел чувство, что хотя этот вес и существует, но существует также и противовес. И когда он чему-то учился, как например это происходило для учеников мистерий, тогда он учился познавать, что хоть он и несёт в себе и всегда с собой свой собственный вес, но и в свете постоянно работает противодействие. Так что в определённом отношении — это уже можно так выразить — человек чувствовал, что он должен быть благодарен той духовности, которая существует в свете, за то, что она в нём противодействует той духовности и душевности, которая действует в тяжести. Короче, можно было бы повсеместно доказать, что в действительности в древние времена не было дано созерцание чего-то, что как целое было бы отделено от человека. Человек переживал процессы в себе совместно с тем, чем являются такие процессы в природе. Человек переживал, например, сущность движения, когда он видел в природе, в соответствии с действительностью отделив от себя, падение камня. Он переживал это в сравнении с тем, что в нём самом было бы таким движением. Итак, когда он видел падающий камень, он переживал примерно следующее: если бы я захотел двигаться таким же образом, то должен был бы задать себе определённую скорость, и эта скорость падающего камня является иной, чем когда я вижу перед собой, например, очень медленно ползущее существо. Человек переживал скорость падающего камня благодаря тому, что он своё переживание движе-

ния применял к созерцанию падающего камня. Так, те процессы внешнего мира, которые мы сегодня относим к физике, теми древними людьми фактически рассматривались конечно тоже объективно, но их познание непременно проводилось так, что в этом познании прибегали к помощи собственного переживания, чтобы происходящее в нём снова созерцать в том, что в мире происходит снаружи.

И таким образом, во всём физическом способе рассмотрения до начала XV столетия лежит нечто, о чём можно сказать: этот физический способ рассмотрения сближал сами объекты природы в их физическом событии с внутренним переживанием человека. Человек тогда действительно переживал вместе с природой. Но с XV столетия начинается отделение от человека созерцания таких процессов. И с ним отделение математического, образа мыслей, который ведь затем соединяется со всем естествознанием. Собственно только теперь было полностью утрачено внутреннее переживание физического тела. Теперь было полностью утрачено то, что является внутренней физикой человека. Внешняя физика точно так же была отделена от человека, как и сама математика.

Прогресс, который произошёл благодаря этому, состоит, я бы сказал, в объективировании (*Verobjektivierung*) физического. Посмотрите, можно двояко рассматривать значительное физическое. Остановимся на падающем камне. Этот падающий камень можно проследить (рисунок, стрела) внешним созерцанием и можно его свести с переживанием той скорости, в которую должен бы переместить себя, если бы сам хотел бежать так же быстро, как падает камень. Так понимание проистекает через всего человека, не просто понимание, связанное только со зрительным восприятием.

Теперь рассмотрим то, что возникает из такого древнего воззрения с начала XV столетия. Пойдём от этой отправной точки к той личности, по которой можно совершенно особенно увидеть этот переход, который я таким образом охарактеризовал, пойдём

к Галилею⁷¹. Галилей ведь до известной степени первооткрыватель закона падения⁷², как его называют. Наиважнейшим объективным в этом законе падения, открытом Галилеем, является то, что он установил, какой путь проходит падающее тело в первую секунду. Так что древнее созерцание при наблюдении падающего камня представляло внутреннее переживание скорости, в которую необходимо переместиться, если хочешь это делать одинаково с падающим камнем. Рядом с падающим камнем помещали внутреннее переживание (рисунок, красное). Галилей тоже созерцал падающий камень. Но он добавляет не внутреннее переживание, а измеряет длину пути во внешне возникающем пространстве, которое камень, начиная падать, проходит до конца первой секунды. Так как камень падает с возрастающей скоростью, то он измеряет также и следующие участки пути. Итак, наряду с этим он помещает не внутреннее переживание, а нечто такое, что измеряешь внешне, процесс, совершенно не имеющий никакого отношения к человеку, он полностью отделяется от человека. В созерцании, в познании физическое выбрасывается из человека так, что больше совсем не осознаёшь того, что в действительности это имеешь и внутри.

В это же время с начала XVII столетия возникает враждебность в отношении Аристотеля⁷³, которого в течение всего средневековья рассматривали как великий авторитет науки — но который ведь и сдерживал её, эту науку, — возникает враждебность в отношении Аристотеля у всех тех умов, которые стремились вперёд. Если объяснения Аристотеля по поводу чего-то подобного падающему камню, сегодня неоднократно ложно понятие, соответствующее рассматривать, то они вытекают как раз из того, что он повсюду сообщает, как бы происходило то, что созерцаешь в мире, если бы проделал это сам. То есть, для него речь идёт не о том, чтобы установить скорость путём измерения, но представить скорость так, чтобы процесс привести в связь с переживанием человека. Конечно, если человек себе говорит, что он должен переместиться в эту скорость, то до известной степени

он чувствует за этим помещением себя в эту скорость также нечто живое, полное в себе сил, благодаря чему он перемещается в эту скорость. Он в определённом отношении чувствует собственное внутреннее побуждение думать — и это, конечно, находится в нём очень отдалённо, — что здесь нечто втягивает его в то направление, по которому он идёт. Он гораздо скорее размышляет о том, как он ударяет, чем, что его тянет нечто. Отсюда в действительности сила притяжения, гравитация, становится чем-то, что имеет значение для человеческого воззрения, только в эту эпоху XVII столетия.

Представления, которые человек создаёт себе о природе, в корне изменяются. И так, как я показал это на законе падения, происходит для всех физических представлений. Одним из таких представлений является, например, то, которое в физике сегодня называют законом инерции. Говорят также инерция. Однако закон инерции ведь обозначает нечто очень общее. Этот закон инерции, кроме того, обнаруживает своё происхождение от человека. Мне не нужно описывать вам, что означает инертность у человека, ибо в этом ведь, пожалуй, каждый имеет некий опыт. Во всяком случае, это есть нечто такое, что можно пережить внутренне. Что же стало законом инерции в физике под влиянием галилеизма (Galileismus)? В физике, таким образом, говорят: некое тело — или надо собственно говорить — некая точка, на которую не оказывается никакого внешнего влияния и которая передвигается сама по себе, движется в пространстве с постоянной скоростью, то есть она всегда проходит в каждую секунду равные отрезки пространства. Так что если не существует никакого

внешнего влияния, и тело обладает скоростью, и продвигаясь в секунду на такое расстояние, то и в каждую следующую секунду оно продвигается на такое же расстояние (см. рисунок). Оно инертно. Оно не имеет стремления измениться в этом отношении, если на него не оказывается никакого внешнего влияния. Оно

всегда удаляется так, что в каждую секунду проходит тот же отрезок пути. Оценить это можно, только лишь измерив отрезок пути за одну секунду. Да, тело называют инертным в том случае, если оно оказывается таким, что в каждую секунду проходит один и тот же отрезок пути.

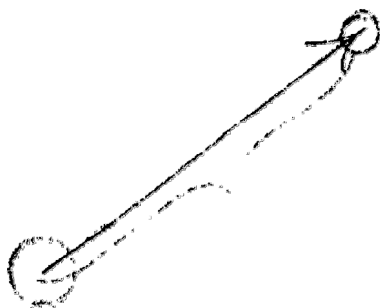
Когда-то ощущали это иначе. Когда-то спрашивали: как переживаешь такое передвигающееся тело, которое проходит за каждую секунду один и тот же отрезок пути? Переживаешь его так, что в том состоянии, в котором однажды находишься, не изменяешься, что вовсе никогда не вмешиваешься в свой собственный образ действия. Человеком это может рассматриваться, конечно, в крайнем случае, как идеал. Человек достигает этого идеала инерции только в очень малой степени. Однако, если имеешь то, что называют в обычной жизни инерцией, заметишь, что это всё-таки является приближением к тому, чтобы постоянно в каждую секунду жизни делать то же самое.

Всё ориентирование представлений человека, начиная с XV столетия, обращается по тому направлению, которое можно обозначить так: человек забывает своё внутреннее переживание. Сначала мы имеем здесь дело с внутренним переживанием физического организма. Человек забывает его. И то, что Галилей придумал для таких естественных для человека вещей, как закон падения, закон инерции — ибо ведь это некое измышление, некое измышление, которое занимается тем, что можно наблюдать в природе, — то, что Галилей применил к само собой напрашивающемуся, стали применять и в остальном окружении.

Мы знаем, что Коперник вывел новую в физическом смысле мировую систему благодаря тому, что в центр он передвинул Солнце, уже не Землю, что он заставил планеты вращаться вокруг этого Солнца и сообразно с этим судил затем о месте какого-либо планетарного тела на небосводе. Это был некий образ, который Коперник составил по поводу нашей планетной системы, солнечной системы, некий образ, который ведь даже можно нарисовать. Да, этот образ ещё не устремлялся совсем радикаль-

но к тому математическому образу мыслей, который полностью изолирует внешний мир от человека. Кто читает сочинения Коперника, тот несомненно получает наглядное представление, что Коперник ещё чувствует древнюю астрономию, которая в сложные линии, посредством которых она стремилась постичь, например, солнечную систему, соединяла не только следующие друг за другом, скажем, оптические места планет, но эта древняя астрономия имела также ощущение того, что переживалось бы, если бы человек был вставлен в эти движения планетной системы. Можно сказать: в древние времена люди имели довольно отчётливое представление об эпициклах и тому подобном, о которых полагали, что их описывают определённые звёзды. И здесь повсюду, я бы сказал, ещё присутствует по меньшей мере некая тень человеческого ощущения. Так же, как, скажем, когда кто-то рисует человека с определённым положением рук, постигаешь это положение рук, поскольку сам можешь пережить, как это происходит, когда осуществляешь такое положение рук, так и нечто живое было в последующем переживании такого движения некой планеты вокруг своей неподвижной звезды. Да, даже у Кеплера⁷⁴ — у него особенно сильно — в расчётах орбит ещё присутствует нечто вполне человеческое.

Отдельный принцип Галилея⁷⁵ Ньютон применяет теперь к небесным телам, принимая в воззрение нечто такое, как система

Коперника, и создавая такие представления, как, пожалуй, это: некое центральное тело, то есть некое солнце, притягивает некую

планету так, что сила этого притяжения уменьшается с квадратом удаления и становится всё меньше и меньше, но меньше в квадрате, и возрастает с массой тел. Итак, если притягивающее тело имеет большую массу, сила притяжения больше. Если удаление возрастает, сила притяжения уменьшается, но так, что, если удаление больше в два раза, она уменьшается в четыре раза, если оно увеличивается в три раза, то она уменьшается в девять раз и так далее. В образ снова закладывается чистое измерение, которое снова мыслится полностью отделённым от человека. У Коперника и Кеплера это ещё не так; у Ньютона создаётся так называемое объективное нечто⁷⁶, причём некое переживание уже совсем не принимается во внимание, но оно только конструируется. Линии конструируются по направлению, по которому смотришь, и сюда определённым образом пригрезиваются (*hinein-geträumt*) силы — ибо то, что видишь, ведь не является силой, силу надо к этому пригрезить. И конечно, пока верят в эти вещи, говорят: помыслив для этого, — а если уже не верят в них, то говорят: пригрезив к этому (*hinzugeträumt*). Так что можно сказать: благодаря Ньютону отдельный подход обобщается настолько, что применяется ко всему мировому пространству. Короче, налицо стремление всецело забыть переживание внутри физического тела человека, и то, что прежде мыслили тесно связанным с

переживанием физического тела, видеть объективированным, независимым от этого физического тела в пространстве, которое сами сперва вырвали из физического тела, и найти средства и пути, чтобы говорить об этом, даже вообще и не думая о человеке. Так что можно сказать: через отделение от физического тела, через отделение увиденного в природе от переживания в физическом теле человека возникает новая физика, которая по сути дела существует здесь только с этим отделением определённых природных процессов от самопереживания (*Selbsterleben*) в человеческом физическом теле (см. рисунок, жёлтое).

Таким образом, с одной стороны, забыли самопереживание в физическом теле (см. рис. на с. 111, красное). Но теперь, пропитав (жёлтое) всё здесь снаружи отделённым математизированием, отделённым способом рассмотрения, не могут с этой физикой снова вернуться назад в человека. То, что было вначале отделено, нельзя было снова применить к человеку. Короче, возникает другая сторона вещи, невозможность снова вернуться к человеку с научным.

Итак, у физического это замечают не так сильно; но очень сильно замечают, когда теперь спрашивают себя: как это происходит с самопереживанием человека в эфирном теле, в этом тонком организме? Здесь ведь человек тоже переживает всякое. Но это переживание было отделено от человека ещё раньше и с более сильным радикализмом. Только здесь при отделении было не так благополучно, как это было в физике. Давайте вернёмся к одному из людей естественной науки первых христианских столетий, к врачу *Галену*⁷⁷, здесь мы находим, что Гален, внимательно рассматривая то, что живёт во внешней природе, различал в духе его эпохи: землю, воду, воздух и огонь — мы бы сказали: тепло. Это воспринимаешь, когда направляешь взор наружу. Но когда направляешь взор внутрь, направляешь взор на собственное переживание эфирного тела⁷⁸ и спрашиваешь себя: как переживаешь в себе эти элементы — твёрдое земное, водное, воздушное, согревающее, огненное? — вот только тогда говоришь себе: это переживаешь эфирным телом. Тогда это переживаешь как внутренне осязаемое движение соков, а именно: землю как «чёрную жёлчь», воду как «слизь», воздух именно как «пневму», как то, что воспринимается через процесс дыхания, тепло как «кровь». Итак, в соках, в том, что вообще циркулирует в человеческом организме, внутренне переживаешь то же самое, что созерцаешь внешне. Как сопереживаешь в физическом теле движение падающего камня, так же с внутренними процессами сопереживаешь и элементы; как в процессе обмена веществ, когда представляли себе, как взаимодействуют жёлчь, слизь и кровь — это ощущали

как внутреннее переживание собственного тела, но как ту форму внутреннего переживания, которой соответствуют внешние процессы, те процессы, которые разыгрываются между воздухом, водой, огнём и землёй.

Wärme - Blut
Luft - Pneuma
Wasser - Schleim
Erde - schwarze Galle

Jch-Organisation
Astral. Leib
Äth. Leib — Chemie
Phys. Leib — Physik

Тепло — кровь
Воздух — пневма
Вода — слизь
Земля — чёрная жёлчь

Организация «Я»
Астральное тело
Эфирное тело — Химия
Физическое тело — Физика

Так удаётся здесь не столь решительно и радикально забыть внутреннюю жизнь и ещё достаточно принести с собой для внешнего созерцания. При падении можно было примерно измерить пространство падения в первые секунды. Получаешь закон инерции, полагая, что он может давать только подвижные точки, которые не изменяют состояния своего движения, но сохраняют свою скорость. Но пожелав выбросить из внутреннего переживания то, что так специфически своеобразно ощущалось в древние времена в качестве внутреннего переживания, стихии, хоть и смогли забыть внутреннее, но не принесли с собой во внешний мир нечто подобное тому, чем было или является измерение и так далее. Так относясь к этому не удалось объективировать таким же образом, как физическое. И так это ещё и осталось по сути дела до сего дня. И поэтому до сих пор существует химия, которая могла бы возникнуть благодаря тому, что таким же образом вынесла бы из себя во внешний мир столько же для эфирного тела, как это удалось для физического, и которая благодаря этому могла бы стать чем-то таким, что стало бы рядом с физикой, чем-то таким эта химия не стала, но сегодня всё ещё такова, что,

желая говорить о своих внутренних законах, говорит о чём-то довольно неопределённом и смутном⁷⁹. Ибо на самом деле химия в отношении эфирного тела хочет того же, что сделали с физикой в отношении физического тела. Химия, правда, говорит: когда тело связано химически, причём свои свойства оно ведь может постоянно изменять вплоть до агрегатного состояния, тогда конечно нечто происходит. Но когда стремишься понять не только представление, являющееся ведь самым простым и удобным, тогда

знаешь немного об этом происходящем. Вода состоит из водорода и кислорода — да, их оба необходимо представлять в воде как-то одно в другом (рисунок, жёлтое и красное); но как это следует представлять одно в другом, об этом не создаётся никакого внутреннего живого представления. Тогда это объясняют чем-то внешним, но очень внешним: пожалуйста, водород состоит из атомов или молекул, кислород тоже. Они быстро двигаются в беспорядке, сталкиваются друг с другом и прилипают друг к дру-

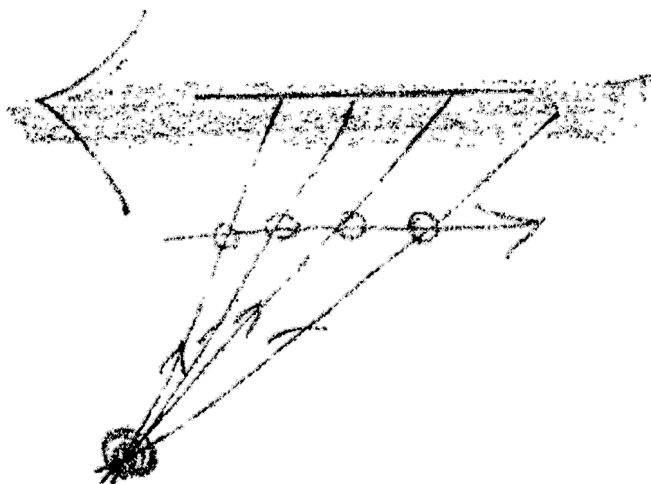

гу и так далее. То есть, забыв внутреннее переживание, теперь находились не в том же положении, как в физике, когда могли измерять — ибо в физике всё больше определялось измерением, отсчётом и взвешиванием — но необходимо было придумать чисто внутренний процесс. И в определённом отношении с химией до сегодняшнего дня так и осталось. Ибо то, что представляют

ещё сегодня внутренним таких химических процессов, является для этих процессов, собственно говоря, чем-то мысленно придуманным.

Химию, не уступающую физике, получают только в том случае, когда с полным сознанием сегодняшнего представления — даже если уже не имеют непосредственного переживания человека, как прежнее инстинктивное ясновидение, — начнут, тем не менее, снова сводить химию с человеком. Это удастся, конечно, не раньше, чем получишь понимание того, что, по сути, и в отношении физического — по крайней мере, в совершенствовании частного знания в мировоззрении — мысли об отдельных явлениях должны быть сведены с человеком. Ибо то, что происходит с одной стороны благодаря тому, что забываешь внутреннее переживание и приближаешься в таком случае к внешнему и хочешь измерять внешне — хочешь останавливаться во внешнем, в так называемом объективном — это мстит с другой стороны. Так как можно легко сказать: инерция находит выражение в движении точки, которая проходит в каждую секунду времени один и тот же путь. Но такой точки нет. Это равномерное движение нигде не встречается там, где наблюдаешь человеческим способом. Оно не происходит нигде, ибо движущееся всегда с чем-либо связано, и тут или там возникает препятствующее его скорости. Короче, нет того, что можно было бы изобразить как инертную массу, или что можно было бы привести к закону инерции⁸⁰. Но если говоришь о движении и не можешь вернуться к внутреннему сопереживанию движения, следовательно, к совместной жизни с природой, к постижению, скажем, скорости падения способом, каким сам переживал бы при этой скорости, тогда необходимо как раз сказать, что ведь здесь я нахожусь совсем вне движения. Я должен ориентироваться на внешний мир. Итак, если я вижу, что здесь движется некое тело (см. рисунок на с. 121), и если это его следующие друг за другом места, то в некотором смысле я должен воспринимать, что это тело движется. Если здесь сзади существует стена, то я смотрю в этом направлении, затем смотрю в

этом направлении, смотрю в этом направлении и так далее. Если заднюю стену я представляю себе покоящейся, тогда я говорю:

тело передвигается в этом направлении. — Но для этого было бы ещё необходимо, чтобы я проводил созерцание отсюда (тёмный круг), следовательно обнаружил бы ещё внутреннее переживание.

Когда я ориентируюсь здесь только наружу, я совсем упускаю человека, полностью изолирую его, тогда безразлично, движется ли здесь дальше предмет или же покоится, и стена движется таким образом (см. рисунок). Я просто уже не могу различать, движется ли в одном направлении тело или же в противоположном направлении находящаяся позади стена. И я, собственно говоря, могу всё вычислять при одном и при другом условии.

Итак, я лишаюсь возможности вообще понять движение внутренне, если я его не сопереживаю. И это действительно также для других физических ингредиентов, если я могу так сказать. Выбросив сопереживание, я лишился возможности как-нибудь ещё построить мост на ту сторону к объективному событию. Когда я бегу сам, то мне не удастся сказать, что это якобы безразлично, бегу ли я или почва движется в противоположном направ-

лении; но когда я сам формально рассматриваю другого человека, который движется по земле, то совершенно безразлично для этого только внешнего созерцания, бежит ли человек, или почва движется под ним в другом направлении. И это фактически привело современность к тому, что она, я бы сказал, переживает возмездие мирового духа за это отделение физического.

В то время как Ньютон был ещё всецело уверен, что он мог бы воспринимать абсолютные движения, сегодня мы видим, как многочисленные люди стараются констатировать, как одновременно с внутренним переживанием пропало движение, сознание движения. Это ведь сущность теории относительности⁸¹, которая хочет сегодня перевернуть ньютонизм (*aus den Angeln heben*). Эта теория относительности происходит вполне историческим образом. Она должна сегодня здесь быть, ибо через неё не выйдешь (*hinauskommen*), если остаёшься только в пределах тех представлений, которые человеком полностью отделены. Ибо если хочешь осознать покой или движение, то должен их переживать. Если их не переживаешь, тогда даже покой и движение являются лишь относительными по отношению друг к другу.

Итак, здесь завтра в восемь часов мы будем говорить дальше об этих вещах.

Восьмой доклад

Дорнах, среда, 3 января 1923 года

Мои глубокоуважаемые присутствующие, дорогие друзья, продолжают приходить изъявления единения и сочувствия⁸². Я позволю себе завтра или послезавтра сообщить здесь об упомянутых соболезнованиях.

Я пытался показать, как в новое время возникают отдельные области естественнонаучного мышления. Я хотел бы включить высказывание, которое способно немного осветить то, что происходило здесь в этом образовании естественнонаучных воззрений, потому что, если прольёшь свет на эти вещи с определённой точки зрения, лучше поймёшь, о чём здесь в общем ходе развития человечества собственно идёт речь. Необходимо обязательно уяснить себе, что возникшее во внешней культуре и цивилизации человечества, я бы сказал, прошло внутренне, озарило, как некое подобие биения пульса, в биении пульса, проистекающего из более глубоких познаний, которые никогда не должны воздействовать напрямую, подобно изучаемым познаниям, но которые фактически лежат в основе развития по-другому, тем способом, который я ещё обозначу сейчас и в ближайшие дни. Теперь я хотел бы только сказать, что лучше понимаешь, о чём идёт речь в этом направлении, если прибегаешь к помощи того, что в определённые времена было наукой инициации, наукой о глубоких основах жизни и мировых событий.

Мы знаем, что чем дальше в ходе развития человечества⁸³ мы возвращаемся назад, тем больше мы наталкиваемся на инстинктивное духовно-научное познание, на инстинктивное ясновидящее созерцание того, что происходит до известной степени за кулисами бытия. И кроме того мы знаем, что в настоящее время

можно прийти к более глубокому знанию, потому что, выражаясь популярно, со времени последней трети XIX столетия после бурного развития материалистических воззрений и материалистических ощущений, начавшегося в XIX столетии, проистекла возможность просто через отношение духовного мира к физическому миру снова извлекать духовные познания непосредственно из сверхчувственного мира. Начиная с последней трети XIX столетия, человеческое познание можно так углубить, что это приведёт к духовному созерцанию того, что происходит во внешнем природном событии, в его основах.

Так что примерно можно сказать: древняя, инстинктивная наука инициации отошла в сторону от экзотерической цивилизации человечества, цивилизации, в которой мало должно ощущаться в мире от непосредственного духовного знания. И снова придёт новая заря духовного знания, теперь полностью сознающего — уже не инстинктивного духовного знания.

Мы находимся в начале этого развития нового духовного знания. Но в будущем оно разовьётся дальше. Если сейчас имеешь представление о том, что рассматривал человек в качестве своего познания во времена древней инстинктивной науки инициации, тогда на фоне этих познаний выявляется, что до начала XIV столетия в цивилизованном мире существовали воззрения, которые нельзя непосредственно сравнить с нашими сегодняшними познаниями природы, потому что они были совсем другого рода, и которые, с другой стороны, ещё меньше можно сравнивать с тем, что современная наука примерно называет исследованием души или психологией. Впрочем, тут надо сказать, что они были другого рода. Как духовно-душевное, так и физически-природное человека определённым образом постигали в представлениях, которые сегодня человек, не занимающийся специально наукой инициации, уже совсем не понимает. Это надо было мыслить и ощущать совсем в другом роде.

Если мы теперь сравниваем с тем, что было наукой инициации, эти познания прежней эпохи, частично известные, по меньшей

мере, даже благодаря истории, то находим, несмотря на несовершенную передачу, что существовали глубокие познания, глубокие представления о человеке, об отношении человека к миру и так далее. Сегодня не очень охотно идут на то, чтобы примерно оценить нечто такое, как произведение о классификации природы Иоганна-Скота Эригены⁸⁴, написанное в IX столетии. Не идут на это потому, что такое произведение не принимают как исторический памятник из периода, в котором мыслили как раз совсем иначе, чем сегодня, и что его уже совсем не понимают, когда читают сегодня такое произведение. И если обычные философы в своей историографии изображают такие вещи, то имеют дело собственно только со словами. Подхода к истинному духу такого произведения, как произведение Иоганна-Скота Эригены о классификации природы, причём природа означает здесь нечто совсем другое, чем слово «природа» в более позднем естествознании, — подхода к этому духу собственно уже нет. Однако если к этому подойдёшь при духовно-научном углублении, то было бы правильно сказать следующее: этот Скот Эригена развил идеи, которые на некоторых производят впечатление, что они чрезвычайно глубоко входят в сущность мира, но он в своём произведении изобразил эти идеи, несомненно, в недостаточной, в неубедительной форме. Если бы не было опасности говорить неуважительно в отношении одного всё-таки первостепенного произведения человеческого развития, то должны были бы в сущности сказать, что по-видимому сам Иоганн-Скот Эригена уже полностью не знал, о чём он пишет. Это видно по его изложению. Для него самого, слова, которые он однако брал из традиции, всё-таки были более или менее лишь словами, глубокое содержание которых он сам уже не сознавал, пусть и не в той степени, как это имеет место у сегодняшних историков философии. В действительности, когда читаешь эти вещи, необходимо всё больше возвращаться в истории назад. И Скот Эригена — это легко видеть из его сочинений — конечно непосредственно приводит к сочинениям так называемого Псевдо-Дионисия Ареопагита⁸⁵. Я не буду сейчас

вдаваться в эту проблему развития, когда он жил и так далее. И этот *Дионисий Ареопагит* в свою очередь ведёт дальше назад. И тут уже действительно, вооружившись духовной наукой, надо исследовать дальше, и в конце концов, если возвращаешься во II, III тысячелетия дохристианского времени, подступаешь к глубоким познаниям, которые человечество как раз утратило и которые существуют как слабые отголоски в сочинениях, подобных сочинению Иоганна-Скота Эригены.

Но и если мы правильно углубимся в сами произведения схоластиков, тогда мы обнаружим, что за невероятно педантично назидательным изложением лежат глубокие идеи о способе понимания человеком внешнего мира, выступающего ему навстречу; что в этом понимании, с одной стороны, живёт сверхчувственное, а с другой стороны, живёт чувственное и так далее. И если берёшь продолжающуюся традицию, основывающуюся опять-таки на *Аристотеле*, который сам снова логически-педантично воссоединил переданное ему древнее знание, то наталкиваешься на то же самое — хорошо понимаемые в древние времена глубины познания, которые восходят к средним векам и повторяются в следующие друг за другом временные эпохи и которые понимаются всё меньше. В таком случае это является типичным. И затем в XIII, XIV столетиях понимание исчезает почти полностью, и вступает совсем новый дух, именно дух Коперника и Галилея, который я пытался охарактеризовать вам в последних докладах по его сути.

Повсюду, где делаешь такие расследования, дух которых я только что обозначил, находишь, что это древнее знание, которое от эпохи к эпохе понимают всё меньше, распространяется вплоть до XIV столетия, что это древнее знание по существу состояло во внутреннем переживании того, что происходит в самом человеке, то есть в переживании — это будет вполне понятно, судя по изложениям последних дней, — математически-механического во время движения человека, в переживании определённого химического, как мы сказали бы сегодня, при внутреннем движении со-

ков у человека, которое насыщено эфирным телом. Так что мы действительно можем рассматривать до некоторой степени даже исторически схему, которую я вчера начертил вам на доске (см. доклад 7, с. 118). То есть мы можем это рассматривать так: если мы сегодня снова с помощью нашей науки инициации рассмотрим существо человека, то обнаружим физическое тело, эфирное тело или тело образующих сил, астральное тело — внутренне душевное, — и организацию «Я». Вчера я уже говорил, что внутреннее переживание физического тела, внутреннее переживание того, что является движением, внутреннее переживание протяжённости пространства, но и переживание других физически-механических процессов существовало именно как исходящее из древней науки инициации, и мы можем это внутреннее переживание называть переживанием физического в человеке. Вместе с тем, это переживание физического в человеке является как раз познанием физически-механических законов: это было физикой человеческого существа в направлении физического тела. Тогда никому не пришло бы на ум искать физику иначе, чем через переживание в человеке. В эпоху Галилея и Коперника одновременно с математикой, которая тогда ведь относилась к физике, то, что переживается таким образом внутри, выбрасывается из человека и понимается лишь только абстрактно. Так что мы, следовательно, можем сказать: физика выступает из человека, в то время как прежде она была заключена в самом человеке.

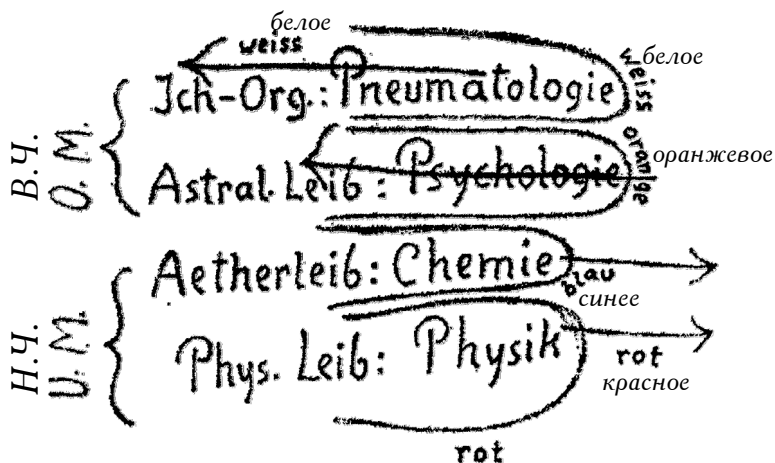
Некий очень похожий процесс переживали с тем, что переживалось внутри человека как солевые процессы, процессы водной составляющей, текучего элемента человеческого организма. Вчера я указал на *Галена* в I столетии после Р.Х., который описывал человека внутри так, что говорил: в человеке живёт «чёрная жёлчь», которая циркулирует в солевых течениях, «кровь», «слизь» и обычная жёлчь, жёлчь «белая» или «жёлтая жёлчь». Через перетекание друг в друга, через взаимные влияния этих солевых потоков развивается в физическом мире человеческого существо. Но то, что утверждал тогда Гален, он получал не по-

средством методов, подобных нашим современным физиологическим методам, но по существу это основывалось ещё на внутреннем переживании. Гален, правда, получал это уже и традиционно. Но то, что он получал традиционно, что он просто заимствовал из традиции, это когда-то переживали внутри в жидкой части человеческого организма, который пронизан эфирным телом или телом образующих сил.

Исходя из этого факта, я и описал в начале моих «Загадок философии» греческую философию⁸⁶ не так, как её описывают обычно. Если вы перечитаете в обычной истории философии, то повсюду ведь обнаружите вещи изложенные таким образом: Фалес размышлял о начале того, что существует в чувственном мире, и он искал начало, исходную точку для всего в воде. Гераклит искал исходную точку в огне, другой — в воздухе, третий — в твёрдом, например в некотором роде атомов и так далее. Что можно говорить нечто подобное, отдавая себе отчёт в том, что по сути дела неясно, почему в качестве начала вещей Фалес провозглашал воду, а Гераклит огонь, сегодня ведь больше не бросается людям в глаза. Стоит вам только ещё раз посмотреть в моей книге «Загадки философии» и вы увидите, что воззрение Фалеса, выразившееся в тезисе: «Всё возникло из воды», просто основывается на *внутреннем* переживании. Он ощущал деятельность того, что когда-то называли именно водным, и с этой внутренней деятельностью он чувствовал родственным то, что лежит в основе внешнего природного процесса, и таким образом из внутреннего переживания он изображал внешнее. Так же и Гераклит, который, я бы сказал, имел другой темперамент. Фалес, как мы сказали бы сегодня, был именно флегматиком, который жил во внутренней «воде» или «слизи». И, следовательно, мир он описывает, как флегматик: всё возникло из воды. — Гераклит был холериком, который переживал внутренний «огонь». Он описывал мир так, как он его переживал. И наряду с этим были, кроме того, уже не отмеченные сегодня во внешней традиции, более настоячивые умы. Они ещё больше знали об этих вещах. То, что знали

они, передавалось затем дальше и существовало как традиция в первые христианские столетия, так что Гален мог говорить именно о своих четырёх составных частях внутреннего существования соков у человека.

То, что знали тогда о внутреннем существовании соков, о том, как эти четыре вида соков: жёлтая жёлчь, чёрная жёлчь, кровь и слизь перетекали друг в друга и смешивались — что сегодня, это ведь понятно, принимают за некое ребячество — это в действительности является внутренней человеческой химией. Тогда ведь не было другой химии. Ибо о том, что рассматривают снаружи как явления, которые сегодня принадлежат к области химии, судили по этим внутренним переживаниям, так что мы можем говорить о внутренней химии, которая основывается на переживаниях соков, пронизанных эфирным телом человека, если я могу использовать это выражение. Так мы привязали к человеку эту химию в древние эпохи. Позже она так же, как математика и как физика, вышла и стала внешней химией (см. схему). Только

- Ich-Org.: Pneumatologie* — Организация «Я»: пневматология
- Astral-Leib: Psychologie* — Астральное тело: психология
- Aetherleib: Chemie* — Эфирное тело: химия
- Phys. Leib: Physik* — Физическое тело: физика

представьте себе, как эту физику и эту химию древних времён ощущали люди! Их ощущали как нечто, что до известной степени было частью их самих — не как нечто такое, что является лишь голым описанием внешней природы с её процессами. Это было сущностное. Это была пережитая физика, пережитая химия. Тогда, когда внешнюю природу чувствовали в своём физическом, в своём эфирном теле, переживали также то, что существует в астральном теле и что существует в организации «Я», но иначе, чем позже. Сегодня мы имеем психологию. Но эта психология — следовало бы признаться, но этого не делают — она фактически есть арсенал средств чистых абстракций. Мышление, чувство, желание вы находите приведёнными здесь внутри лишь как абстракции, также как память, фантазию и так далее. Это постепенно возникло из того, что тут сейчас ещё признают как своё собственное душевное содержание. Химия и физика были выброшены, мышление, чувство и желание — это не было выброшено, это оставили, но постепенно это настолько утончилось, что по сути дела стало только арсеналом самых призрачных абстракций. То, что возникли призрачные абстракции, доказать легче всего. Ибо, возьмём, например людей, которые примерно в XV, XVI столетиях ещё говорили о мышлении и желании⁸⁷. Так, как они говорили — пожалуйста, возьмите древние сочинения об этих вещах — всё ещё имело характер конкретного. Когда некий человек таким образом говорит о мышлении, получаешь чувство, что он говорит ещё так, как если бы это мышление действительно ещё было в нём некой суммой внутренних процессов, как если бы мысли толкались, носились. Но ещё присутствует и переживание мыслей. Вещи ещё не являются такими абстрактными, какими они стали позже. Позже они стали такими, что потом, когда наступило XIX столетие и конец XIX столетия, философам стало легко отрицать в этих абстракциях вообще всякую реальность и говорить ещё только о том, что якобы существуют внутреннее отображение и так далее, что ведь особенно остроумно делал именно часто приводимый *Рихард Ваале*, который теперь «Я»,

мышление, чувствование и желание считал уже только иллюзией. Из абстракций они стали потом иллюзиями, внутренним содержанием души.

Именно в то время, когда человек ощущал свою ходьбу как некий процесс, разыгрывающийся одновременно с ним и с миром, когда следовал движению своих соков, он знал, что если он двигался, скажем, при горячем солнечном свете, то есть при внешнем воздействии, то кровь и слизь двигались в нём иначе, чем холодной зимой. Он переживал в себе движения крови и слизи, но он переживал их вместе с солнечным сиянием или с отсутствием солнечного сияния. Так как он ведь переживал физическое и химическое вместе с миром, то вместе с миром он переживал и мышление, чувствование и желание. Он не просто переносил их во внутреннее по типу более поздних времён, когда они постепенно исчезали в окончательных абстракциях, а в переживании того, что происходит здесь в человеке, и уже не в том, чем является движение соков или чем являются физические движения, физические проявления сил, но в том, что принадлежит астральному существу человека, душевному, в этом переживании содержалось то, что для той эпохи было объектом некоей психологии (см. схему на с. 129).

Она была полностью привязана к человеку. Итак, с восходящей естественнонаучной эпохой человек выталкивал физику в мир, химию — в мир; психологию он вталкивал в себя самого. Этот процесс главным образом можно проследить при *Бэкоме Веруламском* и при *Джоне Локке*. Всё то, что испытывается во внешнем мире как душевное содержание: звук, цвет, уровень тепла — вталкивается в человека.

Этот процесс всё больше разыгрывается в отношении организации «Я». Организация «Я» постепенно действительно становится чисто тонким переживанием. Так, когда тут заглядываешь в себя, «я» постепенно становится чем-то точечным. Поэтому философам стало очень легко его избегать при дискуссии (*wegzu-disputieren*). Не сознание «Я», но переживание «Я» для древних

времен было наполнено содержанием, исполненным реальности. И переживание «Я» проявилось в том, что теперь стало наукой более высокой, чем психология, наукой, которую можно назвать пневматологией. Эту науку человек также вобрал в себя в более поздние времена и утончил её до своего действительно очень тонкого ощущения «Я» (см. схему на с. 129).

Когда человек имел внутреннее переживание своего физического тела, он одновременно имел физическое переживание того, что происходит во внешней природе аналогично процессам в его физическом теле. И подобное этому происходит с эфирным телом. Внутри эфирного тела переживается не только эфирное, но и физический мир соков, захваченный однако эфирным. Что же воспринимается внутри, когда человек воспринимает психологию, когда он переживает процессы своего астрального тела? В таком случае внутри переживается, если я могу так выразиться, то, что является воздушным человеком. Мы ведь являемся не только твёрдым органическим образованием и содержащим соки органическим образованием, то есть водным образованием, но мы ведь внутри постоянно являемся газо-воздушными. Мы вдыхаем воздух и снова его выдыхаем. Содержание психологии человек переживал в тесном объединении с внутренней переработкой воздуха. Поэтому она была конкретной. Когда выбросили из содержания мышления переживание воздуха, то, что можно проследить и снаружи, тогда содержание мышления становилось как раз всё более абстрактным — голыми мыслями. Представьте, как в своих упражнениях индийский философ стремился настолько стать сознающим, что в его дыхании, в дыхательном процессе происходило нечто родственное процессу мышления. Он осуществлял упорядоченный дыхательный процесс, чтобы развиться в своём мышлении. Он знал, что мышление, чувствование и желание есть нечто такое, что является не таким воздушным материалом, как мы рассматриваем его сегодня, но что связано всё-таки с внешней природой и в особенности с внутренней природой после вдоха, что, следовательно, связано с воздухом. И если

можно сказать, что физическое и химическое⁸⁸ человек выбрасывает из своей организации, — так же можно сказать, что психологическое он всасывает, но выбрасывает внешний элемент, а именно переживание дыхания, воздуха. Из физического и химического он выбрасывает сам себя и рассматривает внешний мир только больше как физику и химию; из психологии он выбрасывает внешний мир, воздух, и точно так же он выбрасывает тепловое (Wärmehafte)⁸⁹ из пневматологического. Это привело к утончению «Я».

Итак, если я называю физическое и эфирное тела нижним человеком (см. схему на с. 129), астральное тело и организацию «Я» называю верхним человеком, то я могу сказать: историческое развитие при переходе от древней эпохи к естественнонаучной показывает, что человек выбросил из себя физическое и химическое и воспринял в свои физические и химические понятия только внешнюю природу. В психологии и в пневматологии человек развил представления, из которых он выбросил внешнюю природу и переживал лишь то, что в его представлениях ещё осталось от этого во внутреннем. В психологии ему осталось так много, что для содержания души он, по крайней мере, имел ещё слова. Для «Я» осталось так мало, что пневматология, отчасти правда подготовленная догматикой, почти совсем исчезла. Всё случилось до точки «Я».

Это заняло место того, что когда-то переживалось абсолютно единообразно, когда говорили: имеем четыре элемента — землю, воду, воздух и огонь; землю переживаешь в самом себе, когда переживаешь физическое тело; воду переживаешь в самом себе, когда переживаешь эфирное тело в качестве движителя, смесителя и разделителя соков; воздух переживаешь, когда переживаешь астральное тело в мышлении, чувствовании и желании, ибо мышление, чувствование и желание переживали как волнующееся во внутреннем процессе дыхания; а тепло или огонь, как это тогда называли, переживали в ощущении «Я».

Итак, мы можем сказать: в преобразовании всего отношения человека к самому себе развилось естественнонаучное мировоз-

зрение нового времени. И когда с этими познаниями прослеживаешь именно историческое развитие, тогда в первую очередь обнаруживаешь то, о чём я говорил вам прежде, — каждая новая эпоха приносит новые изложения древних традиций, однако всё меньше понимаемых. И удивительными свидетельствами таких древних традиций являются в подобном случае примерно одинаковые воззрения Парацельса, ван Гельмонта и Якоба Бёме.

У Якоба Бёме⁹⁰ тот, кто может добиваться понимания таких вещей, непосредственно воспримет, что тут говорит чрезвычайно простой человек, получивший своё познание из источников, которые сегодня ведь невозможно обсуждать, которые завели бы слишком далеко, и что Якоб Бёме в это изложение, которое написано неумелым способом и вследствие этого действительно трудно понимаемо, вместил глубокие древние познания, которые передавались просто популярно. Находился ли всё-таки кто-либо в таком же положении, как Якоб Бёме? В то время как *Джордано Бруно*, принадлежавший к той же эпохе, стоял внутри в новейшей для него фазе развития человечества так, как я это изложил в одном из прежних докладов этого курса, у Якоба Бёме мы видим, что он совершенно явно получал в руки всякие произведения, которые сегодня конечно забыты. В произведениях, представляющих во внешнем изложении пёстрый материал, ему благодаря внутреннему дарованию открывается, что это восходит к некоему древнему пониманию (*Ursinn*). И он вновь изображает среди, я бы сказал, чудовищных внутренних препятствий, из-за чего вещи как раз становятся неумелыми, эту прамудрость, которую он заимствовал из ещё неумелых, недостаточных преданий. Однако он мог восходить к одной из прежних ступеней вследствие своего внутреннего просветления.

И если приходишь теперь в XV, XVI столетия, и в особенности в XVII и XVIII столетия, и закрываешь глаза на такие отдельные явления как *Парацельс* и Якоб Бёме, которые, по сути дела, присутствуют здесь лишь как памятники древнего времени, и берёшь то, что существует в текущем экзотерическом потоке

развития человечества, то, прикладывая критерий науки инициации и освещая вещи её светом, получаешь впечатление: в определённом смысле здесь больше никто не знает о глубоких основах существа мира. Здесь уже случилось так, что физика выброшена из человека, химия выброшена из человека, здесь уже появилась ирония по поводу алхимии. Ну и конечно, были правы с этой иронией, ибо то, что ещё сохранилось от древних традиций как средневековая алхимия, можно было высмеивать. Имели взятую во внутреннее человека психологию и очень тонкую пневматологию. И так, порвали с тем, что о человеке знали раньше, и, с одной стороны, переживали отделённое от человека, а с другой стороны, хаотически вброшенное в человека. И можно сказать, что повсюду в том, чего добиваются как познания человека, обнаруживаются эти только что охарактеризованные факты.

Вот, например, в XVII столетии появилось воззрение, которое, если его рассматривать как отдельное воззрение, остаётся собственно довольно непонятным, но, будучи вставленным в историю, становится вполне понятным; тут всплывает мнение, что вся сумма процессов, которые человек имеет в своём внутреннем как процессы питания, основывается на некоем роде брожения. То, что человек принимает как продукты питания, он пропитывает слюной, пронизывает соками, например поджелудочной железы, и тогда происходят различные степени процессов брожения, как это примерно называли. Когда из современного созерцания, которое, конечно же, тоже является только преходящим, рассматриваешь эти вещи, то ведь над этим можно конечно посмеяться. Но тогда стремились не к познанию, но в высшей степени к профессорскому изложению. Однако, когдаходишь в это, то видишь, откуда приходят такие, разумеется, странные воззрения о человеке. Всецело догорают древние традиции, которые ещё при Галене и ещё раньше основывались на внутренних переживаниях и имели хорошее понимание. И то, что должно теперь существовать внешне как отработанная химия, существует только в первоначальных элементах. Внутреннего уже не имеешь; внешнее ещё

не развилось. И таким образом, находишься в том состоянии, что можешь говорить о внутренних процессах питания только в чрезвычайно слабых вновь появившихся химических представлениях, примерно как неопределённое упомянутое брожение. Были и последыши учения Галена, которые правда в какой-то мере ещё чувствовали, что, если хочешь понять человека, необходимо исходить из движения его соков, то есть из жидкого в нём, но которые одновременно уже начали рассматривать химическое только во внешних процессах и, стало быть, относили теперь к человеку внешне рассматриваемые процессы брожения. Человек стал пустым мешком, потому что он уже ничего не переживал в себе. Этот пустой мешок наполнили теперь тем, чем стала внешняя наука. И так, в XVII столетии этого было ещё мало. Тогда имели неопределённые представления о брожениях и о подобных процессах. Их теперь вдвинули в человека. В XVII столетии это была так называемая ятрохимическая⁹¹ школа (Jatrochemische Schule).

В отношении ятрохимиков говорится, что они ещё имеют в своих представлениях нечто подобное маленьким теням древнего учения о соках, которое основывается на внутреннем переживании. Однако другие, которые были более или менее современниками этих ятрохимиков, уже совсем не имели даже таких теневых представлений и начинали рассматривать человека так, как он примерно выглядит, когда мы сегодня раскрываем книгу по анатомии. Если сегодня мы раскрываем книгу по анатомии, то человек здесь представлен так: мне предстаёт костная система, желудок, сердце, предстаёт печень, и затем тот, кто это прослеживает, невольно получает впечатление, как будто это целый человек, и он состоит из более или менее твёрдых органов с чёткими контурами. В определённом отношении контуры конечно здесь существуют. Но твёрдое — в древнем смысле говорилось «земное» — является ведь не более как десятой частью человека. В остальном человек — это столб жидкости. Не в сообщении, конечно, но в методах рассмотрения постепенно совсем забыли то, что человек является столбом жидкости и что в этом столбе жидкости обра-

зуются эти органы с твёрдыми контурами, которые лишь плавают внутри и которые сегодня просто рисуют, благодаря чему вызывают, прежде всего у дилетанта, представление, как будто этим понимают человека. Вы это обнаруживаете, когда рассматриваете сегодняшние изображения анатомического атласа, но это ложное изображение. Это только десятая часть человека. Должны были

изобразить другого человека, нарисовав самым различным образом в этих образованиях, в желудке, в печени и так далее, непрерывное течение соков, некое действие соков друг в друге, некое взаимодействие соков (см. рис.). О том, как это собственно происходит, получают совершенно ложные представления, потому что определённым образом больше рассматривают только твёрдо ограниченные органы человека. И так случилось, что в XIX столетии люди были чрезвычайно удивлены, что если человек пьёт, например, первый стакан воды — теперь я буду говорить о воде, — то это создаёт впечатление, что она всецело проходит через

человека и повсюду перерабатывается его органами так, как она воспринимается. Но если он пьёт второй, третий стакан воды, то это совсем не создаёт впечатления, как будто это перерабатывается тем же способом. Эти вещи замечали тогда, но уже не могли их объяснить, потому что получили совершенно ложное воззрение, если я могу так выразиться, о жидкостном человеке, в котором эфирное тело было приводящим в движение существом, которое смешивает и разделяет жидкости и является причиной органической химии в человеке.

Итак, в XVII столетии действительно постепенно начали совсем игнорировать этого жидкостного человека и рассматривать только твёрдо ограниченные части. Благодаря этому постепенно получилось так, что на человека смотрели, как на некую связь твёрдых частей. Здесь, в пределах этого мира твёрдо ограниченных частей всё происходит в механическом порядке. Здесь одно ударяет другое; это движется; здесь вещи перекачиваются, здесь вещи действуют по типу всасывающих или нагнетательных насосов. Итак, человеческое тело рассматривают механически как некое тело, существующее только благодаря связи твёрдо ограниченных органов. И постепенно из ятрохимического взгляда, собственно уже одновременно с ним, возникло ятромеханическое или ятроматематическое⁹² воззрение. Тогда особенно сильно процветало, конечно, такое воззрение, в соответствии с которым сердце в действительности якобы является насосом, который прокачивает кровь через тело — не правда ли, прямо-таки механически, — потому что уже не знали, что внутренние соки человека имеют внутреннюю жизнь, что соки, следовательно, движутся сами по себе, что сердце является только органом чувств, чтобы в своём роде воспринимать это движение соков. Таким образом перевернули все вещи, уже не смотрели на движение соков, на внутреннюю живость движения соков, на эфирное тело, которое действует тут внутри, и сердце стало механическим аппаратом, и это, собственно говоря, сегодня существует ещё для большинства так называемых физиологов и медиков.

Jatrochemische Schule
Jatromechanische Schule
Stahl: Lebenskraft
Dynamische Schule

Ятрохимическая школа
Ятромеханическая школа
Шталь: животворная сила
Динамическая школа

Итак, ятрохимики ещё имели некую тень знания об эфирном теле. В том, что высказывал Гален, ещё всецело существовало полное осознание эфирного тела. В том, что высказывали, например, *ван Гельмонт* или *Парацельс*, присутствует теневое осознание эфирного тела, ещё более теневое у официальных ятрохимиков, которые устраивали школы. И уже совсем никакого сознания об этом эфирном теле не существовало у ятромехаников. Здесь всякое представление об эфирном теле исчезло, и человека представляли только как физическое тело, но тут только соответственно его твёрдым составным частям, которые однако трактовали теперь с помощью физики, которую теперь уже также выбросили из человека и которую, следовательно, применяли внешне к уже непонимаемому человеку. Вначале человека превратили в пустой мешок — я хотел бы ещё раз использовать этот пример — основали абстрактным образом снаружи физику и теперь эту физику бросают назад в человека. Так что получили не живое существо человека, а пустой мешок, наполненный теориями.

Так это ещё и сегодня. Ибо то, что примерно рассказывает нам сегодня о человеке физиология или анатомия, это ведь не человек, это выброшенная из человека физика, которая переделана теперь, когда её снова запихнули в человека. Когда именно так внутренне правильно рассматриваешь развитие, то видишь, как действует здесь судьба. Ятрохимики ещё имели теневое сознание об эфирном теле, ятромеханики — совсем ничего об этом. Тут приходит кое-кто — *Шталь*⁹³. В действительности, если принимаешь во внимание его эпоху, он был чрезвычайно умным человеком. Повидимому, он оглядывался на ятрохимиков. Эти внутренние процессы брожения показались ему недостаточными, потому что они

ведь тоже только снова переносят в человеческий мешок уже выброшенную наружу химию. Тем более ятромеханики, ибо они переносят в человеческий мешок ведь только внешнюю механическую физику. Но относительно эфирного тела как движущей силы движения соков больше ничего не существовало, никакой традиции. Не было возможности получить об этом информацию. Что сделал Шталь в XVII, XVIII столетии? Он кое-что придумал, потому что в традиции уже ничего не существовало — он нечто изобрёл. Он сказал себе: то, что происходит в человеке в физических и химических процессах реально всё-таки не может быть построено на этой физике и химии, которые теперь признают здесь для внешнего мира. Но ничего другого, чтобы ввести в человека, он не имел. Так он придумал то, что назвал «жизненной силой». Вследствие этого он основал динамическую школу. Итак, это было последующее изобретение взамен чего-то, что было утеряно. Шталь собственно фактически был ещё воодушевлён определённым инстинктом. Ему чего-то не доставало. Так как он этого не имел, он по крайней мере это придумал — жизненную силу. XIX столетие постаралось вновь понять (*loszukriegen*) эту жизненную силу. Она ведь и была в действительности не более чем неким вымыслом, и таким образом снова были приложены все старания — понять эту жизненную силу.

Итак, фактически происходит следующее: в этот пустой мешок «человек» снова стараются внести нечто, что как-то подходит. Так пришли к тому, чтобы, с другой стороны, снова сказать себе: мы имеем механическое. Как машина движется и реагирует, это известно. И таким образом в пустой мешок человека вставили машину: «Человек-машина» *Ламетри*⁹⁴. Человек есть машина. Материализм или механицизм XVIII столетия, примерно такой, как в «Системе природы» *Гольбаха*⁹⁵, которую Гёте в свои юные годы так сильно ненавидел, он бессилён приблизиться к сущности человека с тем, что во внешней природе уже в то время и позже производило такой эффект. И XIX столетие ещё грызло это бессилие: к человеку не могли приблизиться.

Но вот захотели всё-таки как-нибудь чем-то представить человека. Додумались до того, чтобы представить его как высокоразвитое животное. Животное, правда, тоже не понимали, ибо, исключив пневматологию, для понимания животного теперь пользовались тоже в старом смысле физикой, химией и психологией. Но того, что для животного, если хочешь его понять, тоже нужно нечто такое, пока не замечали. Из чего-то ведь исходишь, не правда ли? И таким образом свели человека раньше, в XVIII столетии, к машине, в XIX столетии — к животному. Всё это исторически можно хорошо постичь. Во всём ходе развития человечества это имеет свой хороший смысл, ибо под влиянием этого незнания человеческого существа возникли современные ощущения по поводу человека. Если бы оставались древние воззрения о внутренней физике, о внутренней химии, психологии и пневматологии, переживаемых человеком вне его самого, то никогда в развитии человечества не пробудилось бы, например, развитие свободы. Человек должен был лишиться себя в качестве элементарного существа, чтобы найти себя в качестве свободного существа. Он бы это смог, только если бы на некоторое время до определённой степени отказался от себя, уже не занимался бы собой, а имел дело с внешним, и, если бы утверждал теории о себе, вносил в себя то, что теперь так хорошо подошло для понимания внешнего мира. В это промежуточное время, в которое человек представлен самому себе (*sich mit sich Zeit lassen*), чтобы развить нечто такое, как ощущение свободы, в это промежуточное время человек развил естественнонаучные представления, те представления, которые, можно сказать, являются такими сильными, надёжными, что могут постигать внешнюю природу, но такими грубыми для существа человека, потому что он не приложил усилий совершенствовать их так, чтобы с их помощью постичь также и человека. Возникли естественнонаучные понятия, которые хорошо применимы к природе и празднуют свой великий триумф, но неприменимы для принятия в себя сущности человека.

Отсюда вы, кроме того, видите, что я не критикую естественнонаучное, но я хочу только охарактеризовать. Ведь человек приходит к своему полному осознанию свободы именно благодаря тому, что он уже не обременён всем тем, чем он собственно был бы обременён, если бы, по сути дела, ещё нёс в себе все эти свойства. Это переживание свободы пришло к человеку, когда он устраивал некую науку, которая по своей силе была пригодна только для внешней природы, и она ведь всё-таки не является сейчас цельностью и неприменима к человеку — сейчас вы, конечно, опять можете услышать критику, — больше всего она применима собственно только в качестве физики, в химии это уже затруднительно, психология становится полностью абстрактной. Но человек должен был пройти сквозь эпоху, проходящую таким образом, чтобы прийти как раз на совсем другую сторону, на сторону осознания свободы, к индивидуально оттенённому моральному восприятию мира. Можно не понять возникновения естествознания в новую эпоху, если рассматриваешь только односторонне, если его рассматриваешь не как параллельное явление уже восходящего в ту же эпоху осознания свободы человека и всего того, что морально и религиозно связано с этим осознанием свободы.

Отсюда мы видим, как такие люди, которые, как Гоббс⁹⁶ или Бэкон, основали идеи естествознания, как на их долю выпала возможность — прочтите об этом у Гоббса — включить человека в то, чем являются дух и душа во вселенной. И у Гоббса получается так, что он, с одной стороны, я бы сказал, самым радикальным образом уже в зародыше создаёт естественнонаучные представления, и, с другой стороны, также выбрасывает из человеческой социальной жизни всё духовное, устанавливает войну всех против всех, то есть не признаёт ничего обязывающего, приходящего в социальную жизнь из какого-либо сверхчувственного, поэтому он в несколько карикатурной форме, по сути дела, впервые теоретически говорит об осознании свободы.

Да, развитие человечества отнюдь не является прямолинейным. Необходимо рассматривать протекающие рядом друг с другом течения, тогда только приходишь к постижению смысла исторического развития человека.

Девятый доклад

Дорнах, суббота, 6 января 1923 года

В природе этого предмета таится, что в действительности тема такого цикла докладов, как этот, является неисчерпаемой, и что вещи могут расширяться и прежде всего углубляться. Но так как, к сожалению, когда-то надо всё-таки заканчивать, то нужно ограничиться руководящими указаниями и намёками. Поэтому я и сегодня, конечно, смогу только дополнить уже данные устные (*sprächlichen*) руководящие указания и намёки так, чтобы по крайней мере в определённом смысле завершить картину.

Если мы ещё раз будем исходить из существа человека, каким оно может быть нам дано через исследования духовной науки, то мы должны будем сказать: мы разделяем человека на его физическое тело, на его эфирное тело или тело образующих сил, на его астральное тело, которое ведь, в сущности, представляет душевное нутро, и на его организацию «Я». Уясним себе по этому поводу, что в собственном смысле физическое тело живёт лишь в той малой части человеческой организации, которая может быть обозначена как твёрдое, строго очерченное, напротив, всё то, что является соком, сокообразным, что является жидким в человеческом организме, уже так охватывается эфирным телом или телом образующих сил, что оно существует в непрерывном смешении, расслоении, химическом соединении, химическом растворении, в непрерывном течении, но в течениях, которые также снова вызываются как раз благодаря смешению, расслоению, растворению и соединению. Кроме того, уясним себе, что внутри этой человеческой организации существует газообразное, воздухообразное, как то, что лежит в деятельности, например, кислорода и других собственно газообразных тел. Однако внутри действует астральная организация. И наконец, во всё том, что в человеке является теп-

ловым, действует организация «Я». Но это не является таким, что сказанное мной сейчас можно рассматривать теперь схематически, но необходимо уяснить себе, что вследствие того, что, например, всё сокообразное или жидкое наполнено телом образующих сил, оно благодаря этому захватывает также являющееся твёрдым, и что в человеческой организации всё существует во внутреннем взаимодействии, во взаимопроникающей игре (im Durcheinanderspiel). Это всегда необходимо осознавать. Но далее нам уже необходимо уяснить, что эта человеческая организация в ходе развития человечества переживалась различным образом. Ведь именно это как главное мы провели перед свои взором во время этих докладов.

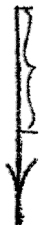
То, что мы сегодня характеризуем, например, как объект внешней физики или механики, первоначально было достигнуто через внутреннее переживание физического тела, так что мы можем сказать: наша современная физика содержит высказывания, которые возникли благодаря тому, что изначально это было внутренней, пережитой физикой физического тела и что из человека, как я не раз говорил, это было выброшено и отныне фигурирует только в качестве наблюдающей внешнюю природу физики. Точно так же когда-то, даже при декадансе ещё во время средневековых алхимиков, это было с тем, что в человеке внутри живёт благодаря эфирному телу. Где в человеке начинает действовать эфирное тело, там имеет место тот процесс соков, тот жидкостный процесс, который когда-то переживали, а теперь он только ещё просвечивает через всевозможные фантастически-алхимические сведения, которые люди находят сегодня в древних сочинениях, но которые первоначально были одухотворённо проработанной наукой, а внутренне переживались внутри эфирной организации человека. Это только находится на пути выбрасывания, ибо мы собственно ещё не имеем полностью развитой химии. Но мы имеем в мире много химических процессов, которые мы пытаемся понять, или пытается понять наша наука, однако физически-механическим способом.

Но этим мы исчерпали то, что человек через свою организацию переживал сначала внутри, а потом выбрасывал наружу. Ведь в этом процессе выбрасывания наружу развилось всё — от астрономии до скудных основ современной химии. Зато в древние времена то, что мы изображаем как содержание абстрактной психологии, что, по сути дела, представляет собой лишь нечто, уже не являющееся для людей никакой реальностью — мышление, чувство и желание, — это когда-то переживали так, что переживали собственно даже не в человеке, но человек, когда он переживал душевное, чувствовал себя снаружи вне себя вместе с миром. Итак, именно телесное переживали когда-то во внутреннем; душевное переживали, выходя из себя и переживая снаружи вместе с миром. Так что психология когда-то была наукой о том в мире, что действует на человека так, что он предстаёт сам себе душевным существом. Вследствие того, что это душевное существо вошло в человека вместе с переживанием (Erleben) внешнего мира, между тем как физика и химия были выброшены, психология и следующее, о чём я сейчас буду говорить, пневматология, были втиснуты в человека и утратили свою реальность, превратились в голые субъективные восприятия и тому подобное, из которых уже не выйдешь. Таким образом, то, что человек переживает с миром посредством своего астрального тела, которое ведь также выходит из него во сне⁹⁷, является теперь предметом психологии. То, что человек когда-то как дух переживал вместе с миром в полном его окружении, это было тогда пневматологией. Сегодня это, как я говорил, сжалось до голого представления «Я» или по сути дела только до ощущения «Я». Так что сегодня мы имеем, с одной стороны, как науку о внешней природе то, что когда-то было внутренним переживанием, а как науку о внутреннем переживании человека мы имеем то, что было внешним переживанием. То есть, то, что сегодня является внешней наукой, когда-то было внутренним переживанием, пусть даже телесным, ощущаемым в теле, например, ощущаемым в собственном движении, в то время как сегодня движение описывают только внешне. Зато то,

что сегодня рассматривают только как внутреннее: ощущения, мысли, восприятия — это когда-то переживали снаружи с миром⁹⁸. Это и является психологией и пневматологией⁹⁹.

Теперь мы должны вызвать перед своим взором то, что собственно является необходимым, с одной стороны, в физике и химии, и с другой стороны, в психологии и в пневматологии, раз нам следует вести их дальше осознанно — ибо сегодня человек существует в эпоху развития души сознательной. Возьмём, например, физику, которая ведь в настоящее время большей частью стала по сути дела абстрактно-механической. Возьмём физику. Итак, из моего изложения для вас вытекает, что в новой естественнонаучной эпохе способ рассмотрения, по сути дела, чувствовал себя всё больше и больше подталкиваемым сделать своим содержанием в физическом чистую, созерцаемую механику пространства — созерцаемую механику пространства. Вспомните о том, что я говорил в последнем докладе: движение когда-то переживали внутри и судили о движении по тому, что пережили внутренне в качестве движения, рассматривали падающий камень и переживали свой внутренний импульс движения в собственном человеческом внутреннем, а именно в физическом теле. Отсюда при выбрасывании возникло измерение пространства падения (Fallraumes) за первую секунду. Это то, что сегодня вкладывается во все наши представления о природе: следует просто через созерцаемое представлять себе то, что является реальным.

И что же можно созерцать во внешнем мире? Можно созерцать движение, перемену места. Ведь скорость, как правило, исчезает в некой производной, там, где мы можем её позволить довольно приятно исчезнуть. Но то, что мы можем наблюдать, — это движение, и скорость мы ведь выражаем через движение за одну секунду, то есть через пространственное. Но таким образом мы своим переживанием полностью выходим из природного тела. Мы ничего не имеем внутри, когда рассматриваем только его движение, то есть изменение его места в пространстве¹⁰⁰. Мы войдём снова, если

только найдём средство и пути внутренне вновь постичь также пространственное тело, физическое тело, через продолжение того же метода, благодаря которому мы вышли. Затем мы должны вместо голого движения, изменения места в пространстве, рассмотреть скорость внутри тела как то, что свойственно телам так, что мы можем знать, каким тело является внутренне, потому что мы обнаруживаем скорость и в себе, когда снова оглядываемся на себя.

Следовательно, необходимо продолжить направление развития естествознания для внешнего физического мира в том духе, чтобы от рассмотрения движения, изменения места в пространстве перейти к характеристике скорости, которую имеет отдельное тело. То есть мы должны от движения продвинуться к скорости. Благодаря этому мы войдём в реальность, в действительность. Когда мы видим тело, как в пространстве изменяется его место, мы не входим в реальность, в действительность; но когда мы знаем, что тело обладает внутренним импульсом скорости, то это нечто такое, что лежит в сущности этого тела или части тела и так далее. Мы вовсе ничего не высказываем по поводу тела, когда сообщаем изменение его места, но мы нечто высказываем о теле, когда говорим: оно имеет в себе импульс собственной скорости. В таком случае это является его свойством, чем-то, принадлежащим его сущности. Вы можете это уяснить тривиальным образом. Когда я вижу движущегося человека, то я о нём ничего не знаю. Но когда я знаю, что он имеет сильное побуждение двигаться быстро, тогда я знаю о нём нечто. Точно так же я о нём кое-что знаю, если мне известно, что у него есть побуждение двигаться медленно. Итак, я должен иметь возможность воспринять в свои представления кое-что, имеющее значение во внутреннем тела. Например, не так важно, говорит ли современная физика об атомах или нет, но важно, что, говоря об атомах, она должна видеть эти атомы как начала ускорений (*Geschwindigkeitsanläufe*). Это существенно.

Но теперь спрашивается: как приходишь к такому созерцанию? Лучшее всего это можно объяснить в физике, химия сегодня

гораздо менее далека от этого. Как приходишь к такому созерцанию? Да, видите ли, здесь необходимо теперь прояснить себе по поводу того, что собственно совершаешь, размышляя в направлении выбрасывания во внешнее пространство внутренне пережитой механики и физики. Это делаешь, чтобы сказать себе: «Безразлично, что по своей сущности присутствует снаружи в пространстве. Поэтому меня это не интересует. Ведь я всегда рассматриваю только то, что измеримо и можно использовать в механических формулах, то есть, я отказываюсь от всего остального, что не является как раз механическим». — К чему тогда приходишь? Здесь приходишь к тому, чтобы осуществить в познании тот же процесс, который осуществляет человек, когда он умирает — я подразумеваю сейчас физического человека. Когда он умирает, из него выходит жизнь и остаётся мёртвый организм. Когда я начинаю думать механически, жизнь выходит из моего познания. В таком случае я имею науку о мёртвом. И это надо коренным образом ясно осознать: когда предметом рассмотрения мира или рассмотрения природы делаешь только механически-физическое, то подготавливаешь себе науку только о мёртвом. Необходимо нести в себе это сознание: я иду к мёртвому. Да, надо быть в состоянии даже сказать себе: это есть великое в современном естествознании, что оно бессознательно решилось на то, чтобы не видеть во внешней природе ещё некий остаток жизни, как древние алхимики, но прямо сказать себе: что бы ни существовало здесь всегда в минералах, растениях, животных и тому подобном, я рассматриваю в них главным образом только то, что является мёртвым, ибо я применяю лишь представления и понятия, которые применимы к мёртвому. Поэтому природа нашей физики является мёртвой.

Вы должны отдавать себе отчёт в том, что естествознание только в том случае станет на хороший фундамент, если оно делает полностью ясным для себя то, что этим способом мышления оно схватывает мёртвое. Похоже это и у химии. Сегодня я не могу изложить это из-за недостатка времени. Но вследствие того,

что мы таким образом рассматриваем движение, притом прежде всего лишаемся скорости и на этом строим физику, мы рассматриваем мёртвое, то есть конечное состояние существующего, на которое мы распространяем своё наблюдение. Ибо в конце концов приходит смерть. То есть, если мы рассматриваем природу с помощью современной механики и физики, то безусловно должны уяснить себе, что мы рассматриваем труп.

Природа не всегда была таковой. Когда-то она была иной. Если я рассматриваю труп, то глупо полагать, что он всегда был таким. Именно то, что я признаю, что он является трупом, доказывает мне, что когда-то он был живым организмом. В тот момент, когда вам станет ясно, что вы с помощью современной механики и физики рассматриваете природу такой¹⁰¹, какая она есть — это применимо и будет применимо всё больше — вы сможете всё больше уяснять себе: современная природа есть труп, поскольку она заключена в понятия и идеи современной физики. Итак, здесь рассматривается труп.

А где же есть возможность прийти к исходному состоянию существа? Труп — это конечное состояние существа. Где есть возможность прийти к исходному состоянию? Да, мои глубокоуважаемые присутствующие и дорогие друзья, нет никакой возможности снова найти скорость через рассмотрение движения. Сколь долго вы ни смотрели бы тут пристально на производные, вы её не найдёте, но вы снова должны вернуться к человеку и, в то время как прежде он переживал себя изнутри, теперь рассмотреть человека в отношении его физического организма извне и прийти к тому, что исходное начало существа вы имеете в человеке, и преимущественно в нижнем человеке. То есть, вы должны искать исходное состояние природы здесь в физическом и эфирном телах, в физической и эфирной организациях.

Никакое завершение физики и химии не осуществится иначе, кроме как через истинную антропологию (*Menschenkunde*). Но я настоятельно обращаю внимание на то, что вы не достигнете истинной антропологии тем, что применяете теперь к человеку со-

временные физические и химические методы. Благодаря этому вы снова несёте в человека мёртвое и снова делаете мёртвым физическое тело человека, следовательно его внутреннюю организацию. В таком случае вы рассматриваете в человеке только мёртвое. Вы должны себе уяснить, что в человеке необходимо рассматривать живое, то есть не применять к человеческой природе с другой стороны в обратном направлении физические и химические методы. Но для этого как раз необходимы методы, которые можно найти именно на пути духовно-научного исследования. То есть, духовно-научное исследование осуществляет историческое требование естествознания.

Историческое требование естествознания выражается в словах: естествознание дошло до того, чтобы рассматривать в природе мёртвое. Антропософская духовная наука, кроме того, должна найти для этого мёртвого исходные состояния, которые сохранены лишь в самом человеке и когда-то в древние эпохи развития мира, развития Земли были реальны и снаружи. Когда-то существовали совсем другие процессы, природные процессы, процессы, которые имели в себе также своё начало. Сегодня мы расхаживаем по трупам того, что существовало вначале. Но в нижнем человеке нам сохранены начальные состояния. Здесь можно найти, продвигаясь вплоть до сатурнического состояния, то, что существовало вначале. Видите ли, тут уж оказывается, что исторический способ рассмотрения просто выводит нас за пределы современного состояния естествознания. Почему? Это ведь совершенно ясно. Ведь мы находимся в самой середине эпохи развития. Если мы, как делают слишком многие, просто рассматриваем сегодняшний способ как наивысший и не знаем, что истинный ход событий требует чего-то совсем другого, тогда и исторически мы рассматриваем неправильно, ибо можно, например, человека, который достиг двадцатипятилетнего возраста, рассматривать не только так, что рассматриваешь его прожитые двадцать пять лет, но необходимо видеть в нём и то, что ему предоставляется возможность жить дальше. Это одно.

Движение: скорость: мёртвое (конечное состояние реального)

Явление: бытие: видимость (исходное состояние реального)

[*Bewegung*: Geschwindigkeit: Totes (*Endzustand des Wesenhaften*)

Erscheinung: Wesen: Schein (*Anfangszustand d. Wesenhaften*)]

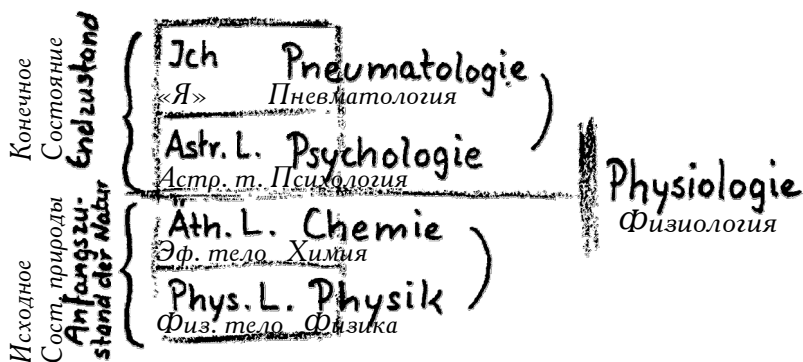
Другое — это то, что наша психология стала очень тонкой, пневматология — тонкой почти до исчезновения. И с другой стороны для пневматологии надо знать, к чему она пришла в современную эпоху. Так, если сегодня некто говорит о синем, красном, о «до дизель», о «соль», об уровне тепла, то он говорит: это субъективные ощущения. Ведь сегодня это уже популярное сознание. Но чем же является голое субъективное ощущение? Оно есть явление (*Erscheinung*), видимость в определённом смысле, итак скажем — явление. Так же, как во внешней природе мы рассматриваем только движение, так в психологии и в пневматологии мы рассматриваем только явление. И как у нас при внешнем наблюдении для движения отсутствует скорость, так и для сегодняшнего наблюдения внутренней душевной жизни у нас отсутствует сущностное — бытие (*Wesen*). Но благодаря этому, поскольку мы рассматриваем голое явление и уже не переживаем бытие (*Wesen*), мы получаем переживая своё внутреннее, уже не бытие (*Sein*), а видимость (*Schein*). И так, как сегодня переживаются мышление, чувство и желание, они являются видимостью. И ведь наши теоретики познания эту видимость страшно обглаживают. Они ведь действительно выглядят, как известный герой, который хотел вытащить себя вверх за свой собственный пучок волос, или как человек, который стоит внутри железнодорожного вагона и постоянно начинает толкать внутри и совсем не замечает, что так он не может двигаться дальше, если он толкает внутри. Так выглядят сегодняшние теоретики познания. Они говорят, но в их речи нет никакой силы, потому что они движутся только внутри видимости.

Видите ли, я дважды пытался довести это высказывание до определённого конца¹⁰², в первый раз в моей «Философии свободы», где я показал, что сейчас эта видимость, которая лежит в чистом мышлении, если человек овладевает ею внутренне в мышлении, является как раз импульсом к свободе. Если бы в том, что переживаешь субъективно, было бы что-то иное, чем видимость, то никогда не мог бы быть свободным. Но когда в чистом мышлении возникает видимость, тогда можешь быть свободным, потому что то, что не является бытием, как раз не предписывает (*bestimmt*), между тем как всякое бытие должно бы нам предписывать. Это было в первый раз. Второй раз, когда я на философском конгрессе в Болонье психологически анализировал вещи. Там я пытался показать, что на самом деле ощущения и мысли переживаются человеком не внутри, но переживаются снаружи, что это можно также получить из способа рассмотрения, вытекающего в настоящее время из духа современности.

Сейчас эти попытки должны будут понять. Тогда узнают, что дело в том, чтобы в видимости снова найти бытие, равно как и в движении — скорость. И тогда придут к тому, чем является эта пережитая внутри видимость. Эта пережитая внутри видимость раскроется в качестве того, чем является исходное состояние реального. Ибо человек переживает эту видимость, сам как видимость вживается в видимость и благодаря этому превращает её в зародыш будущих миров. Из наших, порождённых из физического мира видимости этики и морали, я часто это говорил, возникнут будущие физические миры, как растение возникает сегодня из зародыша растения. Так что здесь имеешь дело с исходным состоянием реального (*des Wesenhaften*). И только благодаря пониманию того, что психология и пневматология — чтобы мы имели некое упорядоченное естествознание — должны иметь тенденцию к тому, чтобы рассматривать то, что они получают благодаря наблюдению, как некое исходное состояние; фактически они с другой стороны бросят тот свет, который принадлежит естествознанию. Но что же это за исходное состояние?

Это то исходное состояние во внешнем — уже не во внутреннем, которое вытекает из всего моего способа рассмотрения, — это исходное состояние во внешнем, то есть когда я смотрю наружу и здесь существует зелёный растительный покров, цветной мир, красное и зелёное и синее, и когда здесь снаружи существуют звуки. Только чем же являются эти мимолётные образования, которые современные физика, физиология и психология хотят рассматривать как нечто субъективное? Они являются тем, из чего снаружи создаются миры будущего. И красное не является тем порождённым материей в глазу или в мозгу, но красное является самым первым ещё иллюзорным, пока принадлежащем видимости (*scheinhafte*) зародышем будущих миров.

Но если вы узнаете это, то вы захотите также чуточку посмотреть, что снаружи когда-нибудь будет соответствовать в качестве трупа этим будущим мирам. Будет не труп, который мы раньше обнаруживали благодаря нашим физике и химии, но будет существовать некий труп будущего (*Zukunftsleichenam*). Его распознаешь, если то, что однажды возникнет здесь снаружи как труп будущего, уже сегодня обнаруживаешь в верхнем человеке, в том человеке, в котором преимущественно деятельны астральное тело и «Я». Переживая здесь конечное состояние для этого исходного состояния, наконец по-настоящему понимаешь нервную систему и головной мозг, поскольку они мёртвые, а не поскольку они живые. В определённом смысле они могут быть даже более мёртвыми, чем труп, ещё и преодолевая нулевую точку мёртвого, именно в особенности для нервной системы, и становясь более мертвым, чем мёртвое. Но они как раз превращаются в носителей духовного благодаря тому, что в них живёт мёртвое, что в них живёт конечное состояние, которого внешняя природа ещё ни разу не достигала; что они ещё и превышают это конечное состояние.

Итак, чтобы снаружи в мире обнаружить психологию и пневматологию, надо открыть, каким бывает (west) мёртвое в человеческом организме, а именно в организации головы и в половине ритмической организации, преимущественно в организации дыхания. Мы должны всмотреться в нашу голову и сказать себе о ней: она непрерывно умирает. Ибо если бы она жила, то всходящая и прорастающая жизненная материя не могла бы мыслить. Но так как она изживает себя, так как она непрерывно умирает, то существующие душевно-духовные мысли в ней получают возможность распространяться над мёртвым как новая живая видимость (Schein).

Посмотрите, здесь таятся великие задачи, которые просто посредством исторического способа рассмотрения проистекают из самого естествознания. Если мы им не овладеваем, то идём сквозь современное развитие естествознания как призраки, а не с сознанием человека, который знает тогда, что начавшаяся эпоха тоже должна в свою очередь испытать своё продолжение. Вы можете представить себе, что многое не осознаётся уже в том, что обнаружило сегодня естествознание, ибо литература отправные точки даёт повсюду. Однако люди ещё не могут различать. Поэтому в настоящее время определённые люди больше всего любят то, что является как можно более хаотичным и колеблющимся.

Плотно заниматься, с одной стороны, физикой и химией, с другой стороны, психологией и пневматологией людям не нравится, ибо тут они должны были бы наоборот всерьёз принимать внутреннее и внешнее. Это людям не нравится. Поэтому они и хотели бы в неведении барахтаться между психологией и химией. И благодаря этому возникает некая двойственная наука, физиология, которая сегодня стала любимчиком исследователей природы и даже любимчиком философов. Едва приходишь к реальности, физиология распадается, с одной стороны, на психологию, которая является также познанием мира, с другой стороны, на химию, которая является также познанием человека.

Когда получишь оба эти образования (Gebilde), тогда исчезнет то промежуточное образование, являющееся физиологией. Поскольку сегодня существует настоящее болото, вы можете там находить всё, и так как каждый, смотря по его жонглированию влево или вправо, имеет возможность думать немного о душевном или немного о телесном, он благодаря этому легко выпутывается. Это то, что должно исчезнуть прежде всего как последний остаток смутного возникновения древних представлений — физиология в современном смысле. Ибо физиологические понятия являются слишком смутными по той причине, что в них всегда вкладывается немного душевного и немного телесного, что не различают. Именно это и нравится, что не нужно различать, ибо тогда можно пускать пыль в глаза с помощью слов или даже фактов. И существенно то, как сказано, что физиология для того, кто хочет ясно рассматривать и ясно мыслить, заканчивается неким пусканием пыли в глаза с помощью слов и фактов. И пока не решишься это признать, не овладеешь историей естествознания серьёзно. Ибо она идёт не только от неопределённого времени до современности, но она от современности продолжается дальше, и историю понимаешь лишь тогда, когда понимаешь также дальнейший ход вещей, уж не в суеверно-пророческом смысле, но так, чтобы отныне можно было начинать делать то, что нужно. И бесконечно много настоящего можно делать в области естество-

знания. Ибо естествознание стало великим. Оно, можно сказать, стало хорошим юношей, который сегодня, пожалуй, находится именно в переходном возрасте, но сейчас необходимо заботиться дальше, чтобы он стал взрослым. И он повзрослеет, если такие неясные образования, как физиология, исчезнут, и снова указанным образом возникнут физика и пневматология, которые сформируются только тогда, когда для этих наук будут серьёзно применять антропософский образ мыслей; когда люди снова обретут мнение, что они чему-то научатся, если им кто-нибудь расскажет об истинной физике, об истинной химии, об истинной психологии и пневматологии; если они уже не будут со стороны мира и со стороны человека стремиться всё постигать через такие промежуточные вещи и хаотические науки, как физиология. Тогда мы снова станем на здоровую почву развития человеческого познания.

От современной физиологии, разумеется, прежде всего бесконечно страдает терапия. Это можно себе представить, потому что она работает исключительно с обстоятельствами, которые при ясном мышлении у кого-то вообще ускользают (*weil sie mit lauter Dingen, die einem beim klaren Denken überhaupt aus der Hand fallen*). Сегодня действительно не обойдёшься немногими антропософскими выражениями в отношении великих задач времени. И тем, что слишком мало и довольно плохо физиологически работаешь на границе между психологией и химией, не обойдёшься, но необходимо всерьёз применять и к физике и к химии методы, вытекающие из духовно-научной антропософии. Если ты лентяй — простите резкое выражение, оно ведь, пожалуй, в этом случае подразумевает не очень радикальное — то ты говоришь: «Об этих вещах ты можешь судить соответствующим образом всё-таки только тогда, когда ты ясновидящий». Итак, пока я не ясновидящий, я не тороплюсь, тогда я не пускаюсь на то, чтобы как-то осуждать физику и химию, или даже ещё физиологию.

Мои дорогие друзья, мои уважаемые присутствующие, когда рассматривают труп, поистине не нужно иметь знания, превыша-

ющие чисто наглядное, чтобы знать, что он мёртв и что он должен быть следствием жизни. Так же не нужно быть ясновидящим, чтобы закономерно анализировать сегодняшние реальные факты физики и химии и объяснять их тем, что как живое лежит в их основе, когда указывается: ты отыскиваешь живое, тебе не следует рассматривать только нижнего человека, ты можешь закономерно, без путаницы современной физиологии, рассматривать только нынешнего человека, тогда ты имеешь для физики и химии необходимые дополнительные звенья. Вместо того чтобы постоянно рисовать оси координат и тут внутри, не говоря о человеке, конструировать движения, попытайся-ка действительно изучить в человеке механизм движения. Попытайся, вместо того чтобы дальше непрерывно множить дифференциальные отношения и интегрирование, попытайся-ка изучить на человеке механику движения снаружи¹⁰³, как когда-то её переживали изнутри, тогда ты получишь то, что тебе необходимо для твоего внешнего наблюдения природы в физике и в химии.

В области внешней природы, те, кто утверждают атомизм, всё ещё будут иметь относительно тебя право даже осмеливаться на весьма спиритуальное утверждение: если в смысле современного физика говоришь о материи, то ведь материя для него, пожалуй, не является ничем материальным. Это даже сегодня говорят физики¹⁰⁴, это говорят наши оппоненты. Они в данном случае правы. Если мы на это правильно отвечаем только так, что снова остаёмся там, где имеешь частичную истину, а именно только конечный процесс реального, то мы никогда не будем на высоте того, что приходит от оппонентов, что необходимо в современности.

Здесь находятся задачи специалистов. Здесь лежат задачи тех, кто имеет необходимую подготовку в той или иной области науки. Но в таком случае мы создаём не физическую антропософию, не химическую антропософию, но тогда мы действительно заложим основы антропософской химии и антропософской физики. Тогда мы заложим основы не новой медицины, немножко переделанной в смысле древней медицины, но тогда мы заложим основы антро-

пософской медицины. Задачи лежат непременно здесь, и они повсюду намечены. Дело в том, что так же, как простым характером души повсюду в докладах, в циклах можно воспринимать разбросанные замечания, которые могут учитывать человека, также повсюду можно воспринимать и отдельные намёки, которые должны вести к необходимому продвижению в отдельные науки.

Но в будущее не уйдёшь, если человек и природа снова не станут одним, если то, что исследуется физикой и химией в природе как конечное состояние бытия, не будет дополнено в нижнем человеке, в человеке, который зависим от физического тела и эфирного тела, бытием, относящимся к физике и химии. Важно, чтобы это искали, а не выдвигали как особо существенное систему валентности в химии, структурные формулы или периодическую систему, так как это ведь тоже только схема. Важно не только это — эти вещи весьма полезны как модели вычислений (Rechnungsmünzen) или как все способы вычислений¹⁰⁵, — но важно, чтобы говорили себе: если я изучаю химические процессы снаружи, то внутри химические законы не существуют, ибо они лежат в возникновении химических процессов, я нахожу их только тогда, когда принимаюсь в серьёзной работе искать в человеке процессы, которые имеют место в циркуляции его соков, которые происходят в деятельности его соков через деятельность эфирного тела. Объяснение химических процессов в природе лежит в процессах эфирного тела. И с другой стороны это отражено в действии соков в человеческом организме, которое доступно точному изучению.

Антропософия, мои дорогие друзья и уважаемые присутствующие, обязательно несёт в себе задачу в этом направлении, и серьёзную задачу, и в этом причина, почему мы основали исследовательский институт¹⁰⁶, в котором необходимо начать интенсивно работать, чтобы также реально заботиться о тех методах, которые вытекают из антропософии. Это то, что существенно и в нашей терапии, чтобы из неё наконец исчезла старая запутанная физио-

логия, а на её место встали бы реальная химия и реальная психология. А без этой реальной химии и без этой реальной психологии, на которые должна распасться физиология, также никогда нельзя будет говорить что-либо о процессах заболевания и о процессах исцеления в человеческой природе просто потому, что каждый процесс болезни является аномальным психологическим процессом и каждый процесс выздоровления — аномальным химическим процессом. То есть, если можешь увидеть, насколько влияет химический процесс исцеления, и в какой мере психологический процесс возникновения болезни можно постигать именно в истинной психологии, тогда будешь иметь также патологию и терапию. Это выявляется из духа антропософского способа рассмотрения.

И если не хочешь это видеть внутри, то просто хочешь лишь немножко чего-то, ну да, что является немножко иным, чем другие вещи, но не хочешь, однако, серьёзно входить в работу. Ибо всё, что я здесь наметил, является собственно только описанием того, как следует работать, так как истинная психология в таком смысле и истинная химия в таком смысле осуществляются благодаря работе. И собственно говоря, условия для этой работы существуют, поскольку в литературе находится очень много фактов, которые люди находят так же, как слепая курица зерно, но не понимают. Если бы те, кто работает в нашем антропософском духе, подхватывали эти факты и кое-что вносили в это, чтобы действительно это понять, чтобы понять, например, то, я вчера подчеркнул в узком кругу¹⁰⁷, что в селезёнке существенным является то, что в действительности она есть орган выделения, что она сама есть выделение того, от чего это зависит, а именно от функционирования в эфирном теле — и тут неизмеримо много фактов находится в медицинской литературе, которые стоит только обобщить, но и следовало бы *переработать*, — тогда эти вещи собираются, и из этого происходит то, что должно происходить.

В одиночку в отдельной физической жизни это, пожалуй, можно было бы сделать, если бы эта физическая жизнь продол-

жалась шестьсот лет. Но тогда уже снова возникли бы другие задачи, и вместе с тем давно устарело бы то, что выработано. То, что должно совершаться для человечества, должно и выполняться в человеческой совместной работе и взаимодействии. Это то, что является теперь второй задачей. Я полагаю, что эти задачи Антропософского общества самым ясным и радикальным образом выявляются именно из истинного и реального рассмотрения хода развития естествознания нового времени.

Ход развития естествознания нового времени показывает нам на каждой странице журнала, что с этим возшло нечто грандиозное, ибо никогда прежде не могли рассматривать истинное мёртвое, поэтому и не придавали значения мёртвому. Никогда прежде не могли реально рассматривать внутреннюю видимость (*den innerlichen Schein*), поэтому никогда и не могли оживлять внутреннюю видимость через человеческую силу, то есть не могли придти к свободе. Сегодня мы стоим перед грандиозным миром, который стал возможен исключительно благодаря тому, что естествознание рассматривает мёртвое, являющееся миром техники, которая проявилась своим особым образом уже благодаря тому, что взяла слово из греческого, где оно ещё означало «искусство», поэтому искусство проявляется там, где техника ещё содержит дух. Сегодня она является переработкой духа только в смысле абстрактных, бездуховных мыслей, и именно перед техническим мы сегодня стоим так, что должны сказать себе: мы могли достичь этого только благодаря тому, что достигли истинного познания мёртвого. Это было необходимо, чтобы развитие человечества однажды по-настоящему заглянуло в царство смерти. Вследствие этого оно вступило в царство техники. Но теперь человек стоит здесь внутри этого царства техники, которое его окружает повсюду, теперь он стоит здесь и смотрит в это царство техники: в конце концов, это область, где, пожалуй, никакого в истинном смысле духа нет. Так что в технике, в отношении духовного техники, в каждой области получаешь то внутреннее ощущение, которое соответствует ощущению почти скорби по

поводу угасания человека. Ибо если при познании можно также развивать ощущение и чувство, то получаешь чувство, пусть даже другого рода, подобное чувству при угасании человека, когда из живого организма возникает труп, — подобное чувству при созерцании трупа. При истинном познании наряду с абстрактным, безучастным, холодным познанием получишь такое чувство, что техника является переработкой мёртвого. Тогда у этого чувства будет сильнейшее побуждение искать дух на новом пути.

И я мог бы собственно представить себе образ будущего таким, что человек стоит над всеми дымовыми трубами, над всеми фабриками, над всеми телефонами, над всем тем, что удивительным образом произвела в новейшее время техника, как над некой великой чисто механической Землёй, что он стоит над этой гробницей всего духовного, и его исполненный тоски зов звучит во вселенной — его тоска наполнила бы её. Ибо так же, как из мёртвого камня, который несомненно мёртв, благодаря правильному обхождению высекают живой огонь, так и из мёртвой техники должен выявиться живой дух, если существуют люди, правильно чувствующие технику.

И, с другой стороны, необходимо лишь уяснить себе то, что является чистым мышлением, то есть тем внешним, из которого могут быть извлечены сильнейшие моральные импульсы, индивидуальные моральные импульсы, как я их описал в «Философии свободы», тогда человек будет по-новому стоять перед тем ощущением, перед которым когда-то стояли *Николай Кузанский* и *Майстер Экхарт*. Они говорили: Когда я поднимаюсь над всем тем, что я в настоящий момент привык наблюдать, то со всем тем, что я изучал, я прихожу к «отрицанию» (Nicht). Но в «отрицании» для меня воскресает совокупность «Я» («Ich»), «Я» (Ich). — Лишь когда человек вполне правильно продвигается к чистому мышлению, тогда в этом чистом мышлении он находит отрицание (Nicht), которое превращается в совокупность «Я» («Ich»), превращается в «Я» (Ich), из которого происходит вся полнота новых мировых созидательных (weltschöpferisch) этических по-

ступков. И я мог бы представить себе человека, который, позволяя сначала действовать на себя всему познанию современности, как оно было введено именно через естествознание, и теперь в новое время, столетия спустя после Майстера Экхарта и Николая Кузанского, направляет взор во внутреннее и с сегодняшним способом мышления приходит к этому отрицанию внутреннего, и как в этом отрицании он обнаруживает, что теперь тем более в нём говорит дух. И я мог бы себе представить, что эти две вещи соединяются, что человек, с одной стороны, доходит до места, где техника равнодушно покидает всякий дух, и что он тогда направляет зов наружу в мировые дали к духу; пусть же он теперь опомнится и, следовательно, заглянет в своё внутреннее, как я это только что охарактеризовал, чтобы затем из внутреннего воспринять божественный ответ на свой посланный в мировые дали зов. Если через новое пронизанное антропософией (*antroposophisierte*) естествознание мы учимся в своём внутреннем обращать зов наружу в мир в бесконечном стремлении к духу, тогда это будет правильной исходной точкой, чтобы найти через антропософское внутреннее познание ответ на этот исполненный тоски обращённый вовне в миры зов к духовному.

Я хотел вам не только документально представить развитие естествознания в новое время, но я хотел вам представить, в каком положении находится человек, который постигает это естественнонаучное развитие и сегодня в трудный момент развития человечества умеет сказать себе то, что нужно для прогресса человечества.

Примечания

Примечания

Предисловие издателя (немецкого): Предлагаемый курс во многих отношениях занимает особое место в работе Рудольфа Штайнера. Он возник как завершение предшествующих специальных естественнонаучных курсов и находится в тесном отношении с изложенными там проблемами и поставленными там задачами исследования и направлен на углублённое принципиальное и общечеловеческое рассмотрение естествознания как такового. Эта постановка вопроса является основополагающей для всего труда Рудольфа Штайнера. Сущность естествознания в его связи с зарождающейся наукой духа уже была главным вопросом для студентов технической школы, как это можно заключить из сочинения «Мой жизненный путь», появившегося после данного курса. Рудольф Штайнер в это время также стремился подойти к этому вопросу, изучая в технической школе физику и химию, добиваясь естественнонаучного подхода к соответствующим феноменам и к областям феноменов. Позитивное изложение этих вопросов и возникших в связи с естествознанием теории познания и философии является самым главным содержанием ранних сочинений и статей Рудольфа Штайнера (Введение и примечания к естественнонаучным сочинениям Гёте; Основная черта теории познания мировоззрения Гёте; Истина и наука; Философия свободы и др.). Однако позже, в начале строительства антропософии, он лишь едва касается вопросов, связанных с естествознанием. В первую очередь следует, пожалуй, назвать двенадцать докладов цикла «Антропософия — Психософия — Пневматософия» (том № 115 Полного собрания трудов [GA]). Полученные выводы лишь едва обнаруживаются в тогдашних лекционных трудах и прежде всего в широко разбросанных кратких намёках, замечаниях. Лишь относительно позже возникает повод для естественнонаучных курсов. Три из них были посвящены специальным естественнонаучным областям и проблемам. На них был приглашён лишь небольшой круг людей, прежде всего учителя руководимой Рудольфом Штайнером Свободной Вальдорфской школы, в помещениях которой в Штутгарте читались курсы, кроме того, некоторые личности, имеющие естественнонаучное образование, и кое-кто ещё. Данный курс, напротив, читался для членов Антропософского общества и, кроме того, извне был приглашён некий круг других интересующихся личностей. Благодаря этому он имел открытый характер. — Как сказано в

первом докладе, этот цикл в своей первой части имеет по своему содержанию особенно тесную связь прежде всего с опубликованным примерно на 22 года раньше сочинением «Мистика на заре духовной жизни нового времени и её отношение к современным мировоззрениям». Эта связь проявляется как в упоминании одних и тех же личностей, так и в том, что обе работы занимают принципиальную позицию по отношению к естествознанию. Эта позиция высказана сразу в начале первого доклада данного курса в предложении: «Они (эти доклады) не должны быть прочитаны так, чтобы звучала враждебность в отношении естествознания; они должны быть прочитаны именно с целью и исходя из намерения найти в духовной жизни зародыш, таящийся в плодотворном естественнонаучном способе исследования нового времени». Косвенно к этим словам относится касающаяся атомистики полемика в антропософской газете «Die Drei», которая произошла незадолго до этого и которая, пожалуй, была поводом для данного курса. Непосредственно об этом в курсе говорится только в коротком высказывании в четвёртом докладе, но преодоление недоразумения, ставшего очевидным в споре по атомистике, тянется через все доклады. Так курс достаточно близко подходит к специальным вопросам естествознания, к специальным естественнонаучным проблемам и постановкам задач, давая прямое побуждение для работы на этом поприще. В последующие два с четвертью года (zweieinviertel) до своей смерти Рудольф Штайнер едва ли ещё касался специальных вопросов. Напротив, для усиления космически-человеческого звучания статей, связанных с «Руководящими положениями» («Антропософские руководящие положения»), он провёл рассмотрение принципиальных вопросов. Последняя статья «Руководящих положений» имеет заголовок «От природы к подприроде». – Важный для рассматриваемых в курсе вопросов материал содержится в сочинении «О загадках человека», особенно в заключительной главе «Перспектива».

В ночь пред шестым докладом данного курса дотла спорело здание Гётеанума, в котором читались доклады, что стало источником глубоко трагического переживания для слушателей курса.

В процессе работы по изданию данного курса выявилось, что существовали две полные и независимые друг от друга стенограммы, из которых, разумеется, имелась только одна. Другая оказалась утерянной и от неё остались только многочисленные и значительные корректуры, которые были внесены во второе издание курса в 1948 году. Если сегодня сверить эти корректуры с имеющейся стенограммой, то можно во многих местах задним числом обнаружить, что они более или менее отчётливо

подтверждаются также и в этой стенограмме. — В случае если предлагаемый текст более чем стилистически отклоняется от прежних изданий, основание для этого находится в одном из оригиналов. В немногих местах, где есть несоответствие действительности, указывается на изменение. — *Написанные* произведения Рудольфа Штайнера, упомянутые в докладах, все опубликованы в полном издании трудов (GA).

- 1 Rudolf Steiner. Die Mystik im Aufgange des neuzeitlichen Geisteslebens und ihr Verhältnis zur modernen Weltanschauung (Berlin 1901), GA7. Rudolf Steiner Verlag, Dornach/Schweiz.
В русском переводе: Рудольф Штейнер. Мистика на заре духовной жизни нового времени и её отношение к современным мировоззрениям. Москва, «Духовное знание», 1917 г.
- 2 См. здесь же в «Мистике...» (прим. 1) главы «Введение» и «Заключение».
- 3 Подразумеваются среди прочих и три штутгартских естественнонаучных курса: «Духовно-научные импульсы к развитию физики. Первый естественнонаучный курс (свет, цвет, звук — масса, электричество, магнетизм), GA320; «Второй естественнонаучный курс (тепло на границе положительной и отрицательной материальности)», GA321; «Отношение различных естественнонаучных областей к астрономии», GA 323. — К курсам по принципиальным вопросам отношения естествознания к духовной науке следует отнести «Границы естественного познания», GA322, и «Наблюдение природы, математика, научный эксперимент и результаты познания с точки зрения антропософии», GA324.
- 4 Николай Кузанский, Куза на Мозеле 1401-1464 Годи, Умбрия. Юрист, учитель церкви, философ, математик. Рукоположение в сан священника между 1436 и 1440 гг, кардинал 1448 год. Епископ в Бриксене (von Brixen) 1450. См. главу о Кузанском в «Мистике...» (прим. 1).

- 5 Николай Кузанский вскоре был последовательно назначен кардиналом и епископом в Бриксене. В епископство он пришёл как чужой, непосредственно назначенный папой епископ, что привело к длительному конфликту с прихожанами, на стороне которых всё больше выступал герцог Тирольский. Когда конфликт достиг своей вершины, герцог атаковал Кузанского, посадил его под стражу и принудил к недостойному договору. Воевавший совместно с соратниками герцог был подвергнут папой опале, но поддерживаемый немецкими князьями, не стремился к примирению, и Кузанский умер, прежде чем нерешительный кайзер разрешил конфликт. Однако битвы не лишили Кузанского духовного покоя, благодаря которому он мог развивать философские, математические и теологические познания. В период Бриксена возникли 15 его сочинений.
- 6 Назывались также «братьями доброй воли». Братские хозяйства в Нидерландах и в Северной Германии, Италии и Португалии, основанные Герхартом Гроотом (Gerhart Groote) около 1376 года. В XV столетии они были подключены к католической церкви. В школах общин учили по строгим правилам догматики. Литература: «Исследования по истории братьев совместной жизни», фон Е. Барникол (1917).
- 7 ...собор в Базеле: 1431-1449, созван папой Мартином V. (1417-1431) 23 июля 1431 года. Это был последний из четырёх реформаторских соборов, имевший своей главной задачей завершить раскол церкви. Правда, некоторое время это вело к новому расколу, который, однако, рядом де факто правящих римских пап, прерванным со времени Мартина V, не принимался всерьёз.
- 8 В 1437 году. Слова обобщили результат всего развития: Кузанский вошёл в собор с поручением соборного капитула Трира защищать его как архиепископа, который был избран в противоположность папе. Через сочинение «De concordantia catholica» (О католическом единодушии), которое

он представил собору в 1433 году и которое основывалось исключительно на обзоре решений соборов и декретов церкви, он привёл, исходя из большинства соборов, очень желанное доказательство того, что всеобщий собор стоит над папой. Благодаря этому он сразу же стал одной из важнейших личностей собора. Позже большинством собора, а также не раз историографией высказывался упрёк, что Кузанский изменил свой образ мыслей. Однако этим не учитывалась глубина понимания, в которой коренилась позиция Кузанского и которая выражается примерно такими словами: «Если решение следует из согласия, то можно твёрдо верить, что оно проистекло из Святого Духа. То, что в одном месте собираются люди разного рода и судят вполне единогласно при полной свободе слова, обуславливает не труд людей, напротив, такой труд есть труд Бога». (По J.M. Dñx, Немецкий кардинал Николай из Куз, Регенсбург 1847, том 2, с.262). Выводы собора должны были показать Кузанскому, что собрание не отвечало тому, что он описал как сущность собора, и он осознал себя вынужденным принять решение. О том, как это произошло, говорится в следующем докладе.

- 9 Папа Евгений IV был смещён, и герцог Амадеус Савойский в 1439 году стал папой как Феликс V. Его отставка в 1449 году имела следствием отмену собора.
- 10 С 1438 по 1448 гг. Кузанский по поручению папы действовал как «Геркулес Евгенианец» (Herkules Eugenianer), как его называли тогдашние противники, в Германии в церковных и мирских княжествах и в рейхстагах, чтобы преодолеть нейтралитет Германии в отношении раскола, и преуспел в этом.
- 11 В 1454 году после завоевания Константинополя Турцией Кузанский оказывал влияние на рейхстаги Нюрнберга, Регенсбурга и Франкфурта, чтобы склонить немецких князей к крестовым походам. После победы Иоанна Гунниади (Johannes Hunyadi's) над турецким войском под Белградом в

- 1456 году Кузанский в тот же день, когда его достигло сообщение, организовал праздник благодарения, на котором сказал такие слова: «Так как животный человек получает такую радостную жизнь только по животному и чувственно, то Сатана, который хотел ловким способом погубить Евангелие, поручает ложному пророку Мухаммеду, знавшему Евангелие и Святое писание, прийти к намерению приписать им тот же животный, подходящий животному человеку смысл. ...так является Сатана внушить людям учение Мухаммеда, чтобы сделать их воплощением злобы, сынами гибели, чтобы выступить из них как враг Христова Креста (des Kreuzes Christi). ...» (Из проповеди «Laudans invocabo Dominum», переведено по частям И.М. Дюксом, там же с. 165). Известны широкие молитвенные богослужения против турок от 28 октября по 5 ноября того года (Е. Ваншеенберг, кардинал Николай Кузанский, Париж 1920, с. 231 и следующая, и перечень проповедей, с. 480 и следующая), однако эти проповеди существуют только в форме латинских рукописей.
- 12 Сам Кузанский сообщил о своём назначении кардиналом (через Николая V) короткой автобиографической записью, в которой стоит: «Этот господин Николай папой Евгением тайно возведён в кардиналы». (Истор. летопись Götter-Gesellschaft XVI, с. 549).
- 13 «De pace fidei» (О согласии веры), сочинённое в сентябре 1453 года. «Дни стенания, разразившегося над Константинополем, ...были в груди воспламенённого божественным рвением мужа, который когда-то странствовал по тем местностям (этим мужем был сам Кузанский), возбуждённого таким глубоким чувством боли, что он всецело погрузился в глубокую созерцательность, и это произошло над ним как некое видение. В таком возвысившемся состоянии он особенно вспоминает возможность, что из великого различия религий в земном мире всё-таки должна звучать определённая согласованность; и эта согласованность по его мнению

- должна рассматриваться именно как основа вечного религиозного мира». (Вступительное слово сочинения «De rase fidei», по Дюксу, там же, с. 405. Полный немецкий перевод Людвиг Молера, 1943, в философской библиотеке, том 223).
- 14 В мае 1437 года Кузанский вместе с другими представителями меньшинства покинул Базель и осенью отправился по поручению этого меньшинства вместе с посланником папы в Константинополь, чтобы сопровождать греческого императора и глав восточных церквей на объединённый собор в Ферраре. В Италию они прибыли в феврале 1438 года.
 - 15 Об учёном незнании. Три книги, завершённые в феврале 1440 года. Перевод В. В. Библихина, Николай Кузанский, сочинения в двух томах, том 1 («Мысль» Москва, 1979).
 - 16 См. «Философия Фомы Аквинского», GA 74, Дорнах 1967, с.69.
 - 17 *Майстер Экхарт*, Хохгейм близ Готы, ок. 1260 — до 1328, Кёльн. Доминиканец, магистр, немецкий мистик. Проповедовал на руководящих постах в ордене и в церкви. Учил в Париже, Страсбурге и в Кёльне. Главное произведение: «Opus tripartitum» (в русском переводе «Духовные проповеди и рассуждения», 1912), базирующееся на схоластике и сочинениях Дионисия Ареопагита. Записи его проповедей, наставлений и трактатов, придерживающихся языковтворачески обогащённого средневерхненемецкого языка, ходили отчасти без контроля оратора. Майстер Экхарт умер, обвинённый в еретизме, в процессе судопроизводства. См. главу «Майстер Экхарт» в «Мистике ...» Рудольфа Штайнера (прим. 1).
 - 18 Дословно: «Ради этого я должен умереть для добродетелей и броситься к отрицанию божества, чтобы я навечно погрузился от отрицания (Nicht) к «Я» (Ich)». (Из средневерхненемецкого трактата «Von dem Aneflusse des Vater», напечатанного при Франце Пфайффере, Майстер Экхарт, 1857, с. 523).

- 19 *Фома Аквинский*, Thomas Aquinas, замок Роккасеска недалеко от Неаполя ок. 1225 — 1274, монастырь Фоссануова. Доминиканец, схоластик, учитель церкви, в Кёльне ученик и друг Альберта Магнуса. Духовную реальность представлял общим понятием. В 1261 — 1264 гг. руководил папской теологической школой в Риме и в 1265 — 1267 гг. там же осуществлял обучение доминиканцев. С 1268 года учил в Неаполе и Франции. См.: «Философия Фомы Аквинского», ГА 74; «Загадки философии», ГА 18, Дорнах 1968, с. 92 и след.
- 20 *Николай Коперник*, Торн 1473 — 1543 Фрауенбург. Гуманист, математик, астроном, врач, юрист. Никаких публикаций за жизненный период, за исключением одного перевода. Свой труд о гелиоцентрической планетной системе в основном завершает в 1507 году. Коперник лежал уже при смерти, когда была опубликована его работа «Об обращениях небесных сфер» («De revolutionibus orbium coelestium»). Он посвятил её папе Павлу III. Его друг наблюдал за совокупностью работ по набору и печати и представил это в предисловии как чисто гипотетический специальный научный метод расчётов. Так это проскользнуло через цензуру, пока не было запрещено с его третьим изданием 1616/17 года. Только в 1822 году католическая церковь признала его содержание. См.: «Духовное водительство человека и человечества», ГА 15.
- 21 См. «Очерк тайноведения», ГА 13.
- 22 В конспекте стоит «как тело, и как тело как отображение духа».
- 23 См. изречение истины «Я слышу в мире безмолвные дали» в «Изречениях истины» («Wahrspruchworte»), ГА 40.
- 24 *Демокрит*, около 460 — 360 до Р.Х. Из его многочисленных сочинений, которые касались философии, математики, физики, медицины, психологии и техники, переданы только фрагменты и перечень. Приведённое место является сообщением из аристотелевой метафизики I, 4: «...поэтому они

- (Левкипп и Демокрит) тоже утверждали, что не-сущее существует так же, как и сущее, так же как есть пустота и полнота, и это устанавливается как материальные причины». (По переводу Метафизики Бонитца, Гамбург, 1966, с. 20).
- 25 *Фрэнсис Бэкон*, также Бэкон Веруламский, Лондон 1561 — 1626 Нейгейт. Адвокат, врач, политик, дипломат, эссеист, философ и гуманист. Возглавлял либерально и успешно английское правительство в 1603 — 1621 гг. В эти годы возникло его главное произведение. Философию своей эпохи он находил зашедшей в тупик в бесперспективных опытах решить с помощью аристотелевой логики неразрешимые проблемы. Единственным источником для гарантированного знания и умения для него становится исследование природы. В нём он видел приход эры всеобщего обновления духовной и хозяйственной жизни. Главные произведения: 1. Новый органон. 2. О достоинстве и приращении науки. 3. *Sylva Sylvarum*, первоначальное возвещение намерения и метода. Оно однако осталось в стадии подготовки. Зато был удивительный литературный успех и был дан интенсивный стимул для материалистического мировоззрения. См.: «Загадки философии», ГА 18, Дорнах 1968, с. 102 и след.
- 26 В документах находится «возникает» вместо «становится возможным».
- 27 *Спиноза*, де Спиноза Бенедикт, Амстердам 1632 — 1677 Гаага. Философ, математик, получил гуманитарное и талмудическое образование. По профессии оптик и государственный деятель. Его главное произведение «Этика» с характерным полным названием «*Ethica ordine geometrico demonstrata*» (Этика, изложенная соответственно геометрическому методу) могло быть издано его друзьями только после его смерти (1677). См.: «Мистика ...» (Введение) и «Загадки философии».
- 28 Она является главным примером «достаточной самой по себе

- внутренней возможности мышления». Карл Фридрих Гаусс (1777 — 1855) первый открыл, что допустима система, превышающая систему геометрии, но так как никто не понял неслыханное, он решил не публиковать свои результаты, чтобы избежать бесполезного спора. Независимо от Гаусса и друг от друга первыми опубликовали свои решения подобной проблемы Н. И. Лобачевский, 1828 и 1829 гг, и Я. Больяй, 1832 г. О значении этого результата Рудольф Штайнер говорил не раз, например в докладе «Современное состояние философии и науки» от 26 августа 1910 года в томе «Пути и цели духовного человека», GA 125, 1973, с. 79 и далее. См. также: Георг Унгер «Физика на распутье», Дорнах, 1948, с. 19-28. И «Об образовании физических понятий», Штутгарт 1967, том III, с. 31-32, 193-194.
- 29 Здесь в отличие от конспекта заменено на «тело» вместо «тел».
- 30 *Рене Декарт*, лат. Ренатус Картезий, Лаэ (Турень) 1596 — 1650 Стокгольм. Математик, физик, философ. Воспитанный в иезуитской школе Ла Флеш, сначала он был склонен стать солдатом и участвовал в нескольких походах, но вскоре отвернулся от внешней жизни к жизни, посвящённой познанию в желанном одиночестве, сначала в Париже, затем долгое время в Голландии. Умер в Стокгольме, куда его пригласила королева Кристина. — Сомневался во всякой традиции, а также в чувственном опыте, в исходной точке философии и находил в самосознании гарантию для всякого бытия (*cogito, ergo sum*) (я мыслю, значит я существую). Основывает методы аналитической геометрии, даёт объяснение радуге. Главные произведения: *Essais*, 1637, darunter *der Discours de la method und die Dioptik* (в рус. пер. «Рассуждение о методе»); *Meditationes de prima philosophia*, 1641 (в рус. пер. «Метафизические размышления о первой философии»); *Principia philosophiae*, 1644; *Passions de l'âme*, 1650. См.: «Загадки философии».
- 31 *Иоганн Таулер*, около 1300 — 1361, Страсбург. Проповед-

- ник и пастырь, доминиканец, мистик, ученик Майстера Экарта. Проповеди и сочинения на верхненемецком изданы В. Леманом в 1923 году. См.: «Мистика ...», глава «Друзья божии».
- 32 «О загадках души» (1917), ГА 21.
- 33 Профессором анатомии док. Хуго Фуксом, в Гёттингене в реплике по поводу двух докладов, которые прочитали в Гёттингене док. В. И. Штайн и док. Е. Колиско, отражая нападки двух статей «Антропософия как наука» в ежедневной газете в Гёттингене. Фукс говорил, карикатурно изображая, о системах человека – головной, грудной и обмена веществ. (По сообщению журнала «Трёхчленность социального организма», 2 год издания, № 5, август 1920). См.: Рудольф Штайнер, «Отражение одного нападения из недр университетского существа», в «Статьях о трёхчленности социального организма и по поводу обстоятельств времени 1915 – 1921», ГА 24, Дорнах 1961, с. 447.
- 34 По «Фаусту» Гёте, часть 1, кабинет, Фауст и Мефистофель. См. доклад «Кровь совершенно особый сок» в томе «Познание сверхчувственного в наше время», ГА 55.
- 35 *William Harvey* (Уильям Гарвей), Фолкстон 1578 – 1658 Хэмпстед. Физиолог и профессор анатомии, Лондон. Первооткрыватель большого кровообращения. «*De motu cordis et sanguinis*» (1628).
- 36 В стенограмме стоит «на себя самих, что ...находишь в соединении со своим божественным как отображение математического».
- 37 *Джордано Бруно*, Нола 1548 – 1600 Рим. Доминиканец 1563 – 1576 гг, проводил жизнь в путешествиях. Главные произведения появились при английском дворе во время королевы Елизаветы I (в рус. пер. «О причине, начале и едином»; «О бесконечности, Вселенной и мирах»; «Изгнание торжествующего зверя»; «О героическом энтузиазме»). Возвратившись после Италии, был обвинён в еретизме, за-

- ключён в тюрьму и после восьмилетнего заключения в Риме был сожжён на костре. См.: «Загадки философии», а также «Духовное водительство человека и человечества», ГА 15.
- 38 *Исаак Ньютон*, Вулсторп, Линкольншир 1642 — 1727 Кенсингтон, Лондон. Младший в семье, родился как карликовое дитя. Выросший в крестьянской усадьбе, он до 1661 года посещал деревенскую школу и школу в маленьком городке. После его поступления в университет он казался заурядно одарённым вплоть до «внезапного воспламенения» его гения в качестве физика, астронома и математика, 1663 — 1664 гг. Профессор в Кембридже 1669 — 1701 гг. Член Королевского общества, Лондон, 1672 и с 1703 года до смерти — его президент. Главные произведения: Закон гравитации, согласованный математически с законами движения Кеплера, развил в 1666 году, опубликовал в 1687 году в «Математических началах натуральной философии». Идея исчисления бесконечно малых величин пришла Ньютону в 1663 году; тремя годами позже он развил дифференциальное исчисление. Его «Оптика», 1704 год, содержала учение о разложении света на цвета и теорию эмиссии. Потом Ньютон утратил всякий интерес к физике, математике, а также к судьбе и результатам своих трудов. Он обратился к химическим и алхимическим экспериментам и к изучению древних традиций в этой области. В старости его занимали религиозно-спекулятивные исследования. Перед своей смертью он сравнивал свою жизнь с днём играющего на морском побережье с песком и ракушками ребёнка, который уже не замечает за своей спиной мирового океана. Литература: J.W.Sullivan, Isaac Newton 1642- 1727, London 1938
- 39 У Ньютона в «Математических началах натуральной философии», 2-е издание 1713, звучит схолия к дефиниции VIII: «Время, пространство, место и движение я не определяю, так как они все хорошо известны».
- 40 *Джордж Беркли*, Дайзарт-Касл, Thomastown, Ирландия

- 1685 — 1753 Оксфорд. Английский философ и англиканский миссионер, с 1734 года епископ. Главные произведения: «Treatise Concerning the Principles of Human Knowledge», 1710 (в рус. пер. «Трактат о началах человеческого знания»); «Alciphron», об этике и воззрениях вольнодумца, 1732; «Siris», 1744, где речь идёт о метафизических вопросах. См.: «Загадки философии».
- 41 Например, в разделе 113 «Principles of Human Knowledge». В сочинении «De motu» (о движении) в 43-ем разделе стоит: „Движение, хотя оно ясно воспринимается чувствами, помрачается, но не из-за своей собственной сущности, а гораздо больше через учёные комментарии философов”.
- 42 В выполненном Самуэлем Кларком в 1706 году латинском переводе изданной в 1704 году «Оптики» Ньютона, который Ньютон одобрил и снабдил дополнениями, впервые появляется эта формула, а именно в заключении 28-ой «Проблемы», приведённой в конце произведения. Это место звучит так: „Если отвечаешь на вопросы правильно, тогда нельзя из феноменов установить, что же есть сущность, бестелесная, живая, одарённая интеллигенцией, которая в бесконечном пространстве воспринимает вещи до известной степени как своим органом чувств, видит их вплоть до наивнутреннейшего и окружает своим всё охватывающим присутствием, в то время как то, что в нас ощущает и думает, обычно получает только образы вещей, переданные органами чувств, и этими своими маленькими органами воспринимает и рассматривает?” Эта мысль, по-видимому, принадлежит не только Ньютону, но она уже была развита подобным образом Генри Мором, платоником Кембриджем, хорошо знакомым с Ньютоном, и другими.
- 43 О его полемике с упомянутым учением Ньютона о цвете см. в «Естественнонаучных сочинениях Гёте», изданных и прокомментированных Рудольфом Штайнером в «Немецкой национальной литературе» Кюршнера (1883 — 1897), GA 1a-e (неизменное стереотипное издание в пяти томах, Дор-

- нах 1975): том III, предисловие с. XXVI: «Гёте, Ньютон и физика» и с. 531 и 461; том IV, 1 раздел, предисловие с. X и с. 288 — 302, включая сноски.
- 44 *Лейбниц, Готфрид Вильгельм, Лейпциг 1646 — 1716* Ганновер, филолог, философ, математик, физик, юрист, государственный деятель, врач, теолог, живший больше при княжеском дворе, много путешествовавший. Автор исчисления бесконечно малых величин (1686 год) — независимо от Ньютона.
- 45 Например в сочинении «The Analyst» (Аналитик, 1734, содержится в «Сочинениях об основах математики и физики». Переведено Вольфгангом Брайдертом, Франкфурта-Майне, 1969). Оглавление осуществлено в форме 50 тезисов. Некоторые из них, например, звучат следующим образом. (7): Против тайн в вере несправедливо возражают те, кто допускает их в науке; (13): Правило для производных степеней получают недобросовестной аргументацией; (22): С помощью двойной погрешности аналитики достигают истины, но не научности, притом они не знают, как они приходят к своему собственному заключению. — О полемических дискуссиях, которые непосредственно примыкали к «Аналитику», есть, например, «A Defence of Free-Thinking in Mathematics» (Защита свободного мышления в математике). Здесь, например, читаешь: Ни одно великое имя во всём земном мире никогда не заставит меня принимать неясную вещь за ясную... Когда находишь возможным „продолжать видеть, как сэр Исаак Ньютон или превосходишь его”, они говорят об этом, как о преступлении. Я, конечно, убеждён, что этим Вы высказываете чувства и многих других (auch vieler anderer). Однако есть ещё другие..., которые ощущают, как бесчестно подражать недостаткам великого человека, и которые не видят преступления в желании выносить приговор не только за сэра Исаака Ньютона, но и за всё человечество».
- 46 Подготовлена Махом и Лоренцем, разработана Эйнштейн-

- ном. Специальная теория относительности в 1905 году, всеобщая теория относительности в 1916 году. Ревизия ньютоновой механики потребовалась при использовании неевклидовой геометрии. См. также доклад 7 в данной книге и с. 590 и след. в «Загадках философии». См.: Георг Унгер «Vom Bilden physikalischer Begriffe» (Об образовании физических понятий), часть III, Штутгарт 1967, с. 100-122.
- 47 *Лессинг, Готтхольд Эфраим*, Каменц/Лаузитц 1729 — 1781 Брауншвейг. Драматург, эссеист, критик. Открыл новую эпоху в немецкой литературе и искусстве. Его последнее сочинение «Воспитание человеческого рода», изданное в 1780 году, должно было постулировать повторные земные жизни ради развития человеческого рода, в особенности § 92 и след. См.: «Загадки философии».
- 48 Причиной этого была полемика по поводу реальности атома в журнале «Die Drei», выпуска 1921-1922гг., с. 1107 и 1114, а также в следующем выпуске, с. 172 и 330. См. выступление Рудольфа Штайнера от 8 августа 1921 года, которое вместо предисловия помещено в «Первом естествонаучном курсе» полного собрания трудов (см. примечание 3).
- 49 *Джон Локк*, Рингтон близ Бристоля 1632 — 1704 Отс Эссекс. Теолог, философ и врач. Воспитан в духе пуританского протестантизма, был преследуем в Англии из-за своей веры и скрывался в Голландии вплоть до английской революции 1689 года. С 1675 по 1689 гг. Локк со многими перерывами работал над своим главным произведением «An Essay Concerning Human Understanding», 1690 (в рус. пер. «Опыт о человеческом разуме»). Первоначально запланированное как критическое изложение уже известного учения о первичных и вторичных признаках чувств, оно превратилось в его теорию познания или мировоззрение. Написанное на изысканном английском, «Essay» появилось при его жизни в четырёх изданиях. См.: «Загадки философии», а также «Философию свободы», глава IV и глава V и «Мистику», глава о Николае Кузанском.

- 50 В «An Essay Concerning Human Understanding» (Опыт о человеческом разуме), вторая книга, 8-ая глава, параграф 9 и след.
- 51 *Рихард Ваале*, 1857 — 1935, Вена, профессор философии, признаёт только восприятия, представления и ощущения, отвергает всякую существовавшую до сих пор философию в качестве науки познания. Для него «Я» является «суммой двумерных, физиологически сопровождаемых частей сознания, установленных в бытии неизвестными силами». И другие сочинения: «Das Ganze der Philosophie und ihr Ende» (Целое философии и её конец), 1894; «Über den Mechanismus des geistigen Lebens» (О механизме духовной жизни), 1906; «Die Tragikomödie der Weisheit» (Трагикомедия мудрости), 1915; «Entstehung der Charaktere» (Возникновение характера), 1928; «Grundlage einer neuen Psychiatrie» (Основы новой психиатрии), 1931.
- 52 См.: «Философия свободы», глава IV; «Загадки философии», том 2, глава III и IV.
- 53 *Иммануил Кант*, 1724 — 1804. Жил в Кёнигсберге, который редко покидал. Философ, естествоиспытатель, математик. Профессор в Кёнигсберге 1770 — 1794. «Критика чистого разума», 1781. Её популярное изложение «Прологомены ко всякой будущей метафизике», 1783. Его этика: «Критика практического разума», 1788. Эстетику и теологию природы излагает «Критика способности суждения», 1790. Пишет первую механическую космогонию, 1755. Когда она была принята и изменена Лапласом (1796), говорили о теории Канта-Лапласа. Рассмотрение Рудольфом Штайнером теории познания Канта см. в книге «Истина и наука», прелюдии «Философии свободы», и в «Философии свободы», глава V и VII. См. также «Загадки философии» и «Мой жизненный путь», GA 28.
- 54 Например, в общих примечаниях в «Трансцендентальной эстетике» в «Критике чистого разума»: „Выше мы хотели сказать, что всякое наше созерцание есть только представ-

ление о явлении, что вещи, которые мы созерцаем, сами по себе не таковы, как мы их созерцаем, и что отношения их сами по себе не таковы, как они нам являются, и если бы мы устранили наш субъект или же только субъективные свойства наших чувств вообще, то все свойства объектов и все отношения их в пространстве и времени и даже само пространство и время исчезли бы: как явления они могут существовать только в нас, а не сами по себе”. (Использован перевод с немецкого Н.Лосского).

55 *Август Вейсман*, Франкфурт-на-Майне 1834 — 1914 Фрейбург, биолог, исследователь наследования, теория поллярности между клеткой организма (сома) и зародышевой плазмой. — Детерминанты как носители наследования. Сочинение: «Исследования по теории наследования» 1875/76.

56 «Возможность умирания» вместо «умирание».

57 „*господам присущий дух*”: Цитата из Гёте, из Фауста I, первая часть «Ночь», готическая комната, сцена 2: «Фауст и Вагнер»:

„Mein Freund, die Zeiten der Vergangenheit
Sind uns ein Buch mit sieben Siegeln
Was Ihr den Geist der Zeiten heist,
Das ist im Grund der Herren eigner Geist,
In dem die Zeiten sich bespiegeln“.

„Мой друг, прошедшее постичь не так легко:
Его и смысл и дух, насколько не забыты, -
Как в книге за семью печатями сокрыты.
То, что для нас на первый, беглый взгляд
Дух времени — увы! — не что иное,
Как отраженье века временное
В лице писателя: его лишь дух и склад!”

(Перевод Н.А. Холодковского).

58 *Анри Пуанкаре*, Нанси 1854 — 1912 Париж. Математик, астроном и физик. Автор четырёх прочитанных в виде лек-

- ций философских сочинений «Наука и гипотезы» (1902), «Значение науки» (1905), «Наука и методы» (1909), «Последние мысли» (1912).
- 59 *Маттиас Якоб Шлейден*, Гамбург 1804 — 1881 Франкфурт-на-Майне, юрист, медик и прежде всего ботаник. Развил теорию образования клетки, 1838, в «Вопросах происхождения растений» («Beiträgen zur Phytogenesis»).
- 60 *Теодор Шванн*, Нойс 1810 — 1882 Кёльн, биолог. Основал теорию клеток своими «Исследованиями с помощью микроскопа соответствия в структуре и росте животных и растений», 1839.
- 61 В ночь накануне нового 1923 года сгорел Гётеанум. Это было деревянное здание, сооружавшееся в течение десяти лет с участием большого числа художников из многих стран, в котором каждая поверхность и каждый угол были оформлены, так сказать, художественно (см. также «Архитектурный замысел Гётеанума», GA 290, Штутгарт 1958). Рудольф Штайнер проектировал здание от основных черт до деталей и, кроме того, руководил все годы строительными работами. С первого января деятельность Гётеанума были вынуждены опять перенести в так называемую столярную мастерскую, вспомогательное сооружение, которое использовалось в это время для возведения здания и антропософской работы. Для самой этой работы Рудольф Штайнер не допускал никакого перерыва: во второй половине дня первого января, после ночи пожара, была исполнена пьеса о трёх королях (Dreikönig-Spiel), как это было предусмотрено в пригласительном билете к данному курсу. Рудольф Штайнер начал с короткого обращения, где он среди прочего сказал такие слова: „Великая скорбь умеет молчать о том, что она чувствует. ...Творение, которое в течение десяти лет было создано самоотверженной любовью и преданностью многочисленных воодушевлённых движением друзей, было уничтожено в одну ночь. И конечно, именно сегодня в молчаливой скорби должно ощущаться, какая

бесконечная любовь и какая бесконечная забота были вложены в этот труд. ... Так как мы исходим из того чувства, что всё совершаемое нами в пределах нашего движения является необходимым внутри современной цивилизации человечества, то мы хотим задуманное по возможности продолжить дальше в рамках ещё оставшихся у нас, и поэтому даже в этот час, когда снаружи ещё горит пламя, восходящее в нас такой сильной болью, хотим исполнить ту пьесу, которая была обещана в заключение этого курса, и рассчитываем на участников нашего курса. А также сегодня в 8 часов вечера я прочту здесь в столярной мастерской назначенный доклад". (Напечатан в «Обращениях к Рождественским действиям из древних народностей», GA 274). Доклад курса начался тогда с продолжительного высказывания о пожаре, которое опубликовано в брошюре «Потребность в Христе. Задачи академической молодёжи. Сердечное познание (Herz-Erkenntnis) человека», Дорнах 1942 и предусмотрено к опубликованию в GA 253.

- 62 Этот основной факт находишь изложенным в «Очерке тайноведения», в главах «Сон и смерть» и «Познание высших миров».
- 63 *Парацельс, Аврелий-Теофраст фон Гогенхайм, Einsiedeln, кантон Швейцарии 1493 – 1541 Зальцбург. Доктор медицины Феррара; профессор в Базеле. Выдающийся врач, исследователь природы и натурфилософ. Труды в области химии, медицины, биологии, астрономии, астрологии, алхимии (Metallscheidkunst) и теологии. Мифы о Парацельсе как об алхимике, маге и шарлатане выдуманы после его смерти и исказили его портрет. Самые полные труды изданы Карлом Зудхоффом (14 томов). См.: «Загадки философии» (См. также примечание № 91 о ятрохимии).*
- 64 *Гельмонт, Иоганн Баптист ван, Брюссель 1577 – 1644 там же. Врач и ятрохимик. Ему удалось распознавание и разделение газов (водорода и углекислоты). Он создал наименование «газ» для воздушного агрегатного состояния. (См. также примечание № 91 о ятрохимии).*

- 65 См. Рудольф Штайнер «Естественнонаучные сочинения Гёте», GA 1, том, содержащий в себе упомянутое предисловие. В особенности см. главы VII, VIII, IX, X (разделы 1 – 4), XI, XII, XV.
- 66 Доклад от 8 апреля 1911 года на IX интернациональном философском конгрессе «Психологические основы и теоретико-познавательная позиция антропософии», напечатанный в «Философия и антропософия. Собранные статьи 1904 – 1918 гг.», GA 35, Дорнах 1965, с. 111 и далее.
- 67 См. «Естественнонаучные сочинения Гёте», изданные и прокомментированные Рудольфом Штайнером, GA 1a-e (Стреотипное издание в пяти томах, Дорнах 1975), том 1, с. 239-346, особенно с. 277-323. Далее из «Предисловия к естественнонаучным сочинениям Гёте» GA 1, Дорнах 1973, главы I, II, III, IV, VII, X, XII, XV.
- 68 См. примечание № 61.
- 69 «Теософия. Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека» GA 9, глава «Существо человека».
- 70 Участники данного курса были также приглашены на доклады для членов, которые Рудольф Штайнер читал 23, 24, 29, 30 и 31 декабря 1922 года и 5, 6 и 7 января 1923 года. Эти доклады опубликованы в томах «Отношение мира звёзд к человеку и человека к миру звёзд. Духовное причастие человечества» GA 219, и «Живое познание природы. Интеллектуальное грехопадение и духовный подъём» GA 220. В связи с современностью прежде всего должны быть приняты во внимание доклады от 29 и 31 декабря (в GA 219).
- 71 *Галилео Галилей*, Пиза 1564 – 1642 Арцетри близ Флоренции, открыл изохронизм маятниковых колебаний, гидростатические весы, закон свободного падения, закон инерции. Многочисленные астрономические открытия с помощью собственноручно изготовленного телескопа, Процесс инквизиции против него (1633) окончился запрещением

- разглашать мировую систему Коперника. См.: «Загадки философии» и «Духовное водительство человека и человечества».
- 72 Его труд «*Sermones de motu gravium*» (Тезисы о действиях силы тяжести) содержал результат исследований в Пизе. Они циркулировали только в копиях, первая публикация в 1854 году. Окончательный вариант появился в «*Discorsi e dimonstrazioni matematiche intorno a due nuove scienze*» в 1638 году в Лейдене (в рус. пер. «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки», 1934).
- 73 Такими противниками были среди других: Бруно, Галилей и Бэкон. См. «Загадки философии», с. 102-106.
- 74 *Иоганн Кеплер*, Вейль-дер-Штадт (Вюртемберг) 1571 — 1630 Регенсбург. Математик, физик, астроном, изобретатель астрономической подзорной трубы. Придворный астроном и математик трёх императоров, князей и стран. Будучи протестантом, преследовался и скрывался. Совершенно изнурённый жизненной нуждой, он преждевременно умер в рейхстаге в Регенсбурге, где надеялся добиться обеспечения средствами для жизни. — Для расчёта трёх своих законов движения планет он смог использовать данные наблюдения Тихо де Браге, чьим последователем он стал при дворе в Праге. С другой стороны, исходной точкой для нахождения трёх планетарных законов была планетная система Коперника. Кеплер первым пытался объяснить динамику планетных орбит и перенёс центр сил на Солнце. См. о Кеплере «Духовное водительство человека и человечества», по поводу трёх планетарных законов — «Отношение различных естественнонаучных областей к астрономии», ГА 323.
- 75 В конспекте стоит «абсолютный» принцип Галилея. Исправлено по следующему предложению несколькими строками ниже.
- 76 При этом он считает достаточными установленную им самим механику земных тел — дальнейшее развитие механики Га-

- лилея — и три планетарных закона Кеплера, чтобы учитывать закон гравитации, и опубликовал эти вычисления в своей «*Philosophiae naturalis principia mathematica*». См. «Отношение различных естественнонаучных областей к астрономии», ГА 323.
- 77 *Гален*, Пергам, Малая Азия 129 после Р.Х. — 199 Рим. Врач и философ. Научные исследования в Пергаме и путешествия с целью исследований по Коринфу, Смирне и Александрии. Личный врач императора Марка Аврелия. 150 сочинений по медицине с пятнадцатью комментариями были основополагающими для будущей медицины и фармацевтики. 125 сочинений по философии, математике и юриспруденции.
- 78 См. примечание № 62, далее также «Путь самопознания человека в восьми медитациях» ГА 16.
- 79 Это найдено подтверждённым в учебниках по химии. Они говорят о химии «как о преимущественно эмпирической науке». В законах приходят не к математическим однозначным значениям, но к скользящим числам, пределы которых изображаются в форме таблицы. Поэтому авторы учебников по химии вынуждены вводить в тексты и примечания ограничительные выражения: «считается обычным», «в общем можно сказать». Химические законы являются большей частью выводами из физических законов, например из законов термодинамики. Считается мыслить ненаучно иначе, чем механистически. Литература: H. Remy, *Lehrbuch der anorganischen Chemie*, Leipzig 1954, VII. Auflage, 2 Bde. Bd. I, s. 14-23, 37f., 50f., 71-73.
- 80 См. также Георг Унгер: «Об образовании физических понятий» («*Vom Bilden physikalischer Begriffe*») том I, Штутгарт 1959, с. 41-49 и «Вставка», с. 57.
- 81 См. примечание № 46.
- 82 См. примечание № 61.
- 83 См. также «Границы естественного познания», ГА 322, пя-

- тый и шестой доклады, и присоединённые при эзотерическом углублении первоначального курса доклады семь и восемь.
- 84 *Иоанн Скот Эригена*, также Эриугена, Ирландия 810 — 877 Франция. Схоластический философ, теолог с обширным знанием языков. Прибыл из Британии во Францию. Руководил с 845 по 877 гг. императорской высшей школой в Париже. Перевод сочинений Дионисия Ареопагита завершил в 858 г. Его основное произведение «*De divisione naturae*» (Разделение природы). Учил с платонической точки зрения. Ради введения иерархического порядка Дионисия вступил во всемирное церковное управление. См.: «Мистика ...», а также «Загадки философии».
- 85 Написание на греческом языке восходит к пятому столетию. Дионисий был членом ареопага Афин и учеником апостола Павла (Деяния апостолов 17, 34). Католическая церковь приняла как догму установку Дионисия трижды по три иерархии. Латинский перевод его сочинений был принят с энтузиазмом и ещё в XVII столетии считался достоверным. См.: «Загадки философии», далее «Философия Фомы Аквинского», и «Исходные импульсы духовной науки» ГА 96, Дорнах 1974, с. 252. См. также Отто Вильмана «История идеализма», том II, § 59.
- 86 В «Загадках философии», с.35-65.
Фалес из Милета, ок. 650 — 560 до Р.Х.
Гераклит Эфесский, примерно 550 — 480 до Р.Х.
- 87 См. обсуждаемые личности в сочинении «Мистика ...».
- 88 Вместо «*physikalische*» (физический, относящийся к физике) в конспекте стоит «*physische*» (физический, телесный, вещественный)
- 89 *Wärmehafte*: В стенограмме стоит «*Wärmehältige*» или «*Wärmehäftige*».
- 90 *Якоб Бёме*, Альзейденберг близ Гёрлица 1575 — 1624 Гёрлиц, мистик. По профессии сапожник. — Первое сочинение

«Аврора», 1612 г. Следующие сочинения вопреки запрету с 1916 года. См. «Загадки философии».

- 91 Наименование произведено от греческого «iatros», лекарь, врач. Действовала с помощью заимствованных у природы лекарственных средств при дальнейшем развитии методов лечения Парацельса (1493 – 1541), поначалу при сохранении его воззрений на серу, ртуть и соль. Ятрохимическая школа возникла ещё в последние годы жизни Парацельса и выродилась около середины XVII столетия. На её место вступила научная химия Роберта Бойля (1627 – 1691), для которого ятрохимия выполнила хорошую подготовительную работу. Ван Гельмонт (1577 – 1644) был главным меценатом ятрохимии. Литература: «Johann Baptist van Helmont, Einführung in die philosophische Medizin des Barock» (Иоганн Баптист ван Гельмонт, введение в философскую медицину эпохи барокко), 1930.
- 92 В XVI и XVII столетиях носителями этих учений были почти все профессора университетов, в то время как союз практических врачей представлял ятрохимию. Но это было действенным только для романских стран и Англии. В Италии главными центрами были университеты в Падуе, Пизе и Риме. Здесь из философских основ всякой научности в общем и целом были склонны отрицать опирающуюся на опытное изыскание ятрохимию. Особое положение занимала Германия, где заботились об обеих сосуществующих ветвях практических врачей.
- 93 *Георг Эрнст Шталь*, Ансбах 1660 – 1734 Берлин. Врач и химик, профессор медицины. В своём основном произведении «Theoria medica vera», 1707, защищал витализм или анимизм и гипотезу «жизненной силы».
- 94 *Ламетри, Офре де*, Сен-Мало 1709 – 1751 Берлин. Военный врач, писатель. Главное произведение «Человек-машина», Лейден 1748. С 1746 года преследовался как безбожник, нашёл пожизненное убежище в Берлине при дворе короля Фридриха II, который назначил его членом академии.

- 95 Гольбах, Дитрих, барон фон, Гейдесгейм Пфальц 1723 — 1789 Париж. Его основное произведение «Système de la nature ou des lois du monde physique et du monde moral» (в рус. пер. «Система природы или о законах мира природного и мира духовного») опубликовано в 1770 году под псевдонимом Mirabaud. Он признавал как действительность только подвижные вещественные атомы, в том числе и для мышления, и основанную на эгоизме мораль.
- 96 Томас Гоббс, Малмсбери 1588 — 1679 Хардвик. Английский натурфилософ и гуманист. «Opera philosophica» (Опус философии) 1688. Все явления в природе и в человеке, даже психологические, являются следствием движения тел. Социальные процессы объясняются механическими процессами. Движущей силой в них является эгоизм отдельного человека. Государство, «которое всё растаптывает», он назвал «чудовищем» и сказал: „Естественное социальное состояние — это «борьба всех против всех»”.
- 97 См. примечание № 62.
- 98 Вместо «с внешним миром» по конспекту.
- 99 См. также «Антропософия, психософия, пневматософия», ГА 115.
- 100 См. рисунки в докладе 7 на с. 111 и 116 и рис. в докладе 9 на с. 148. (Этот последний в предыдущих изданиях отсутствовал).
- 101 Дополнено: «с помощью современной механики и физики».
- 102 См. примечание № 66.
- 103 Литература: Адольф Фик (Fick) (1829 — 1901) создал научный трактат о человеке, касающийся механических явлений и тепловыделения при работе мышц, который был опубликован в 1857, 1869 и 1882 годах. «Собрание сочинений» в четырёх томах, 1903 — 1906.
- 104 В начале столетия Рудольф Штайнер обратил внимание на речь философа и премьер-министра А. Д. Бальфура от 17 августа 1904 года перед Британской ассоциацией, сразу по-

- сле того как она была прочитана, см. «Luzifer-Gnosis. Собрание статей и сообщений из журнала „Luzifer“ и „Luzifer-Gnosis“ с 1903 по 1908гг.», GA 34, Дорнах 1960, с. 467, или доклад «Естественная наука на распутье» в томе «Познание души и духа», GA 56. Не раз он называл также доклад Макса Планка от 1910 года «Позиция современной физики по вопросу механического воззрения на природу» (Макс Планк: «Статьи и доклады по физике», Брауншвейг 1958, том 3, с. 30-46), например, в одиннадцатом докладе «Второго естественнонаучного курса», GA 321.
- 105 В конспекте вместо «способы вычислений» стоит «вычисления».
- 106 В 1920 году в рамках акционерного общества «Der Kommande Tag» («Будущий день») был основан исследовательский институт физического и химического направления, с биологическим подразделением, который несколькими годами позже был переведён в Дорнах. Первые работы института изданы в «Будущий день, научно-исследовательский институт, сообщения». Тетрадь 1 (1921 год) содержит «Функция селезёнки и тромбоцитарный вопрос («Milzfunktion und Plättchenfrage»), Л. Колиско; тетрадь 2 (1923): «Villardsche Versuch», доктор естественных наук Р. Е. Майер; тетрадь 3 (1923): «Физиологическое и физическое доказательство мельчайших сущностей» («Physiologischer und physikalischer Nachweis kleinster Entitäten») Л. Колиско. Более поздние работы появились в томах «Геза София, альманах естественнонаучной секции Свободной высшей школы духовной науки в Гёттануме, Дорнах», том I (1926) и следующие.
- 107 Запись этой естественнонаучной дискуссии 5 января отсутствует.

- Аристотель* док.7, с. 112; док.8, с. 126
- Беркли, Георг* док. 4, с. 64, 67, 68, 71 и сл.
- Бёме, Якоб* док. 8, с. 134 и сл.
- Бруно, Джордано* док. 4, с. 60 и сл., с. 72; док. 8 с. 134
- Бэкон, Фрэнсис (Бэкон Веруламский)* док. 2, с. 37; док. 3, с. 56; док. 8, с. 131, 142
- Ваале, Рихард* док. 5, с. 81; док. 8, с. 130
- Вейсман, Август* док. 5, с. 82 и далее
- Гален* док. 7, с. 117; док. 8, с. 127 и сл., 135 и сл., 139
- Галилей, Галилео* док. 4, с. 61; док. 7, с. 112 и далее; док. 8, с. 127
- Гельмонт, ван Баптист* док. 6, с. 96; док. 8, с. 134, 139
- Гераклит* док. 8, с. 128
- Гарвей, Уильям* док. 3, с. 56
- Гёте, Иоганн Вольфганг* док. 4, с. 67, 72; док. 5, с. 90; док. 6, с. 100, 101 и далее, с. 104; док. 8, с. 140
- Гоббс, Томас* док. 2, с. 37; док. 3, с. 56; док. 8, с. 142
- Гольбах, Барон Дитрих фон* док. 8, с. 140
- Декарт, Рене (Картезий)* док. 1, с. 21; док.3, с. 42, 49 и далее; док 4, с. 64
- Демокрит* док. 2, с. 35
- Дионисий Ареопагит* док. 8, с. 125 и сл.
- Кант, Иммануил* док. 5, с. 81
- Картезий, см. Декарт*
- Кеплер, Иоганн* док 4, с. 61; док. 7, с. 115
- Коперник, Николай* док. 1, с. 22; док. 2, с. 38; док. 3, с. 41 и сл., 56; док. 4, с. 60 и далее; док. 7, с. 114 и далее.; док. 8, с. 126 и сл.
- Кузанский, Николай* док. 1, с. 11 и далее; док. 2, с. 25 и далее, 36, 38 и далее; док. 3, с.41; док. 9, с. 163 и сл.
- Ламетри, Offray de* док. 8, с. 140
- Лейбниц, Готфрид Вильгельм* док. 4, с. 69
- Лессинг, Готтхольд Эфраим* док. 4, с. 73
- Локк, Джон* док. 2, с. 37; док. 5, с. 77 и далее.; док. 6, с. 91 и сл.; док. 8, с. 131
- Ньютон, Исаак сэръ* док. 4, с. 62, 63 и далее, 69, 72; док. 7, с. 115 и сл., 122
- Парацельс, Теофраст Бомбаст* док. 6, с. 96; док. 8, с. 134, 139
- Птолемей, Клаудий* док. 3, с. 56; док. 4, с. 59
- Пуанкаре, Генри* док. 5, с. 86 и сл.
- Спиноза, Бенедикт* док 3, с. 42, 47; док. 5, с. 86
- Таулер, Иоганн* док. 3, с. 47
- Фалес из Милета* док. 8, с. 128
- Фома Аквинский* док. 1, с. 16, 19
- Шванн, Теодор* док. 5, с. 89
- Шлейден, Маттиас Якоб* док 5, с. 89 и сл.
- Шталь, Георг Эрнст* док. 8, с. 139 и сл.
- Экхарт, Мейстер* док. 1, с. 17 и далее; док. 2, с. 25 и далее, 31 и сл., 36, 39; док. 3, с. 47; док. 9, с. 163 и сл.
- Эригена, Иоганн Скот* док. 1, с. 19; док. 8, с. 125 и сл.

Оглавление

Первый доклад	9
<i>Дорнах, 24 декабря 1922 года</i>	
Тема курса и рождественские мысли. Современное естествознание: его жизнь понятна из его становления; оно сохраняет зародыш для новой духовной жизни. Николай Кузанский, его «docta ignorantia». Мейстер Экхарт: «отрицание» (Nicht) и совокупность «Я» (Ich). Воззрение Фомы Аквинского и Скота Эригены на природу. Рождение естествознания падает на период между Кузанским и Коперником.	
Второй доклад	25
<i>Дорнах, 25 декабря 1922 года</i>	
Симптоматологическое рассмотрение истории. Пневматологическая фаза: единство. Древнее духовное созерцание, догорающее до уже не переживаемой традиции. Мистическая фаза: душа – тело, носитель Логоса – связь сил. Ученики Мистерий около 700 года до Р.Х. Мейстер Экхарт и Николай Кузанский. Демокрит. Его представление о пространстве и об атоме. Математическая фаза: субъект – объект, душа как сосуд для идей, тело как протяжённое тело. Гоббс, Бэкон Веруламский, Локк. Планетная система Коперника.	
Третий доклад	41
<i>Дорнах, 26 декабря 1922 года</i>	
Математика извлечена из нашей системы движения. Скрытое переживание крови. Мистика и математика. Треугольник, четырёхугольник. Система координат, перемещённая из человека в ставшее абстрактным пространство. Этим человек извлекает сам себя из космоса. Картезий, Спиноза. Затухание древних переживаний делает возможным образ мира Коперника и открытие Гарвеем кровообращения.	
Четвёртый доклад	57
<i>Дорнах, 27 декабря 1922 года</i>	
Обособление количественного от человеческого переживания. Джордано Бруно между древним и новым образом мира. С помощью математики и астрономии Ньютона человек отрывается от Бога. Но тогда: пространство как центральный орган чувств (Sensorium) Бога. Картезий, Спиноза. Противники Ньютона:	

Беркли и Гёте. Борьба Беркли против исчисления бесконечно малых величин. Оно всё-таки оправдано. Атомистика соответствует в природе мёртвому, непрерывность (Kontinuumismus) живому. Наука о мёртвом должна была прийти, но дополнительно она должна снова вызывать нахождение духа в природе. Неудавшаяся дискуссия по поводу атомистики.

Пятый доклад 77

Дорнах, 28 декабря 1922 года

Неуверенность при применении понятий к миру. Несостоятельность учения Джона Локка о двояких признаках чувств. «Вещь в себе» Канта. Рихард Ваале: в мозгу нет ничего, чего нет в нервах. Вейсман: бессмертие одноклеточных организмов. Современные математические понятия оказываются несостоятельными в отношении качества. Качественная математика Спинозы в его «Этике». Анри Пуанкаре о проблеме «атомистика – непрерывность». Клеточная теория Шлейдена и Шванна. Отсутствие потребности в ясности естествознания.

Шестой доклад 91

Дорнах, 1 января 1923 года

Проблема Локка теоретико-познавательной и духовно-научно поставлена своевременно. Два вида переживания образов для первичных и вторичных признаков чувств. Неуверенность по поводу различия человека и животного. Человек: высшая и окончательная точка животного ряда. Необходимыми становятся только анатомические признаки различия. Межчелюстные кости. Протест Гёте против этой тенденции остаётся без последователей. Для своего успеха исследование природы нуждается в понимании духовно-душевного существа человека.

Седьмой доклад 107

Дорнах, 2 января 1923 года

Отсутствие моста познания между человеком и миром. Внутренние переживания отделены от человека. Человек переживает вес несомой тяжести иначе, чем собственное тело. В прежние времена он знал: свет в нём есть сила противодействия тяжести. Закон падения и инерции Галилея. Соответствующие переживания в человеке. Враждебность к Аристотелю. Коперник и Кеплер. Ньютон. Возникновение понятия гравитации. Возникновение химии. Гален: четыре элемента и четыре сока. Химия как наука ещё не доросла до физики. Атомистика. Теория относительности. Движение и покой, не пережитые остаются по отношению друг к другу относительными.

Восьмой доклад 123

Дорнах, 3 января 1923 года

Новое отношение духовного мира к физическому миру открывает с конца предыдущего столетия путь к полностью осознанному духовному познанию. Скот Эригена. Аристотель. Учение Галена о соках и воззрения философов до Сократа. Фалес, Гераклит. Из физики и химии выбрасывается человек, из психологии и пневматологии – мир. Бэкон Веруламский. Джон Локк. Переживание души в дыхании в йоге, переживание «Я» в тепле. Изменение отношения человека к самому себе связано с ходом развития современного естествознания. Парацельс, ван Гельмонт, Якоб Бёме. Возникновение химии с XVII столетия: зимология (учение о брожении), ятрохимия, ятромеханика. Животворная сила Штала. Де Ламетри: человек – машина. Бэкон. Гоббс. Человек должен был утратить себя как элементарное существо, чтобы обрести себя как свободное существо.

Девятый доклад 145

Дорнах, 6 января 1923 года

Обзор содержания курса, программа на будущее. Естествознание, духовная наука, части одного целого в будущем: физика, химия, психология, пневматология. Взамен перемены места – скорость; атомы – ускорения (Geschwindigkeitsanläufe). Значение познания смерти в природе как конечного состояния (трупа) существующего. Начальное состояние, Сатурн, ещё сохраняется в физически-эфирном теле нижнего человека. Характер видимости качественного чувственного переживания. Задача: в видимости («Schein») искать бытие («Sein»). Стремление теоретиков познания разгрызть загадку этого переживания. Должна быть понята попытка Рудольфа Штайнера привести к завершению относящееся к теории познания. Задачи для естественнонаучно специализированного: разработка антропософской физики и химии; изучение механики движения человека; поиск возникновения химических процессов в кругообороте соков человека. Необходимость переработать в совместной работе естественнонаучный фактический материал. Физиология: двойственная наука, должна делиться на реальную химию и реальную психологию. Связи с терапией и патологией. Суть процессов болезни и исцеления. Зародыш существа в индивидуализированной этике и морали. Техника. Исполненный боли зов к духу и исходная точка для поиска ответа на него. Кузанский и Мейстер Экхарт: из «ничто» возникает «Я». Извлечение моральных импульсов из видимости. Философия свободы.

Примечания	167
Именной указатель.	193

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТИТУРЕЛЬ»

Издательство «Титурель» основано в 2003 году группой энтузиастов духовного познания. В основе работы коллектива лежит издание трудов основоположника духовной науки (антропософии) Рудольфа Штейнера (Штайнера). Первоначально в планах издательства стоят те из трудов Р. Штейнера, в которых он уделяет особое внимание естественным и точным наукам, а также психологии и медицине. Помимо этого основного направления мы рассматриваем возможности публикаций редких или не издававшихся на русском языке книг естественнонаучного, поэтического, религиозного содержания, памятников древней мудрости, всего, что так или иначе соответствует основному направлению.

Сведения об имени Титурель можно найти в литературе, посвящённой Святому Грааю, в том числе в трудах Рудольфа Штейнера, а также в «Энциклопедии Духовной Науки» (ANTHROPOS. Сост. Г. А. Бондарев — М.: ИНСТИТУТ ОБЩЕГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, 1999)

Издано:

Переводы томов Наследия (Полного собрания трудов) Рудольфа Штейнера:

Книга, в которую вошли том GA 322 «Границы естественного познания и их преодоление» и цикл, объединяющий четыре доклада «Поиск новой Изиды, Божественной Софии», из тома GA202. М.: Титурель, 2003. — 272 с.

Том GA 45 «Антропософия. Фрагмент». М.: Титурель, 2005. — 504 с.

Том GA 323 «Связь различных естественнонаучных областей с астрономией». Третий естественнонаучный курс. *Астрономия в отношении к человеку и к антропософии. 18 докладов, Штутгарт, с 01.01.21 по 18.01.21*. М.: Титурель, 2006. — 488 с.

Том GA 324 «Наблюдение природы, эксперимент, математика и ступени познания духовного исследования». *8 докладов и один вступительный доклад в рамках «Свободной антропософской высшей школы», Штутгарт, с 16.03.21 по 23.03.21*. М.: Титурель, 2006. — 160 с.

Том GA 324a «Четвёртое измерение. Математика и действительность». *Записки слушателей докладов о многомерном пространстве и ответов на вопросы на математические темы. 6 непосредственно связанных докладов, Берлин, с 24.03.05 по 07.06.05; 2 отдельных доклада, Берлин, 07.11.05 и 22.10.08. Ответы на вопросы от 1904 по 1922 г.* М.: Титурель, 2007. — 320 с.

Книга «Демонократия» (литературное прочтение тома GA 177), М.: Титурель, 2008 — 320 с.

Том GA 207/208 «Антропософия как космософия». *Характерные черты человека в земной и космической сферах. Формирование человека как результат космических действий. Двадцать две лекции, Дорнах, 23 сентября — 13 ноября 1921 года*. М.: Титурель, 2010 — 384 с.

Том GA 325 «Естествознание и история». *I. Европейская духовная жизнь в XIX столетии со ссылкой на её исходный пункт в IV столетии. II. Естествознание и всемирно-историческое развитие человечества со времён древности. 6 открытых докладов, Дорнах 15 и 16 мая и Штутгарт с 21 по 24 мая 1921 года*. М.: Титурель, 2011. — 184 с.

Том GA 326 «Исторический путь естествознания». 9 докладов, Дорнах с 24 по 28 декабря 1922 года и с 1 по 6 января 1923 года. М.: Титуфель, 2011. — 200 с.

Переводы Дополнений к Наследию (Полному собранию трудов) Рудольфа Штейнера:

Тетрадь 114/115 «Рудольф Штайнер и многомерное пространство»
М.: Титуфель, 2010 — 128 с.

Издания других авторов:

Григорий Елин «КОЛОКОЛ ГЕРЦЕЛОЙДЫ. Венок венков сонетов». М.: Титуфель, 2011. — 288 с.

Готовятся:

Переводы томов Наследия (Полного собрания трудов) Рудольфа Штейнера:

Том GA 212 «Человеческая душевная жизнь и его духовные стремления в связи с развитием мира и Земли». 9 докладов, Дорнах с 29 апреля по 17 июня 1922 года

Переводы Дополнений к Наследию (Полному собранию трудов) Рудольфа Штейнера:

Тетрадь 107 «Рудольф Штайнер и аппарат Штрадера»

Издания других авторов:

Илья Зильберберг «АНТРОПОСОФИЯ И ЖИЗНЬ. Личный опыт».

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТРУДОВ.

Том № 326.

Исторический путь естествознания. – М.: Титурель. – 200 с.

ISBN 978-5-902490-10-4

Автор перевода: Памфилова Л. Б.

Редактор перевода: Памфилов В. Н.

Оформление, вёрстка: Елин Г. Я.

Издательство «Титурель»,

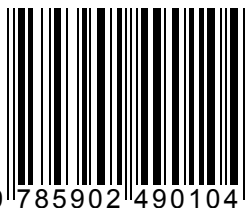
г. Москва

<http://titurel.ru> или <http://www.titurel.ru>

E-mail: titurel@land.ru

По вопросам заказов и покупки книг издательства обращаться
к Махрачёвой Нине Иосифовне по телефонам
8 (916) 967-48-40 и (495) 695-09-64

ISBN 978-5-902490-10-4

Формат 60x90/16. Объём 12,5 печ. л.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано по технологии СтР

в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6